Майкл МУРКОК

Вечный Герой

Хроника Эрекезе

Annotation

В книгу Майкла Муркока «Вечный Герой» вошли две части «Хроники Эрекозе» — «Вечный герой» и «Феникс в Обсидиановой стране». Читатель вновь встретится с еще одной ипостасью Великого Воителя — Героем по имени Эрекозе. Этот воин — одно из отражений уже знакомых персонажей Муркока: Корума, Хокмуна, Элрика. Читателя ждет увлекательнейшее повествование о приключениях Вечного Героя, о грандиозных битвах, кровавых поединках, верности и предательстве, ненависти и любви…

- Майкл Муркок
  - Пролог
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII

- Глава XXIII
- Глава XXIV
- Глава XXV
- Эпилог

- notes
  - 1

Майкл Муркок
Вечный герой

Пролог

Они звали меня.

Это я знаю точно.

Они звали меня, и я пришел. Я не мог поступить иначе. То было желание всего Человечества. И, подчиняясь его воле, я сбросил оковы Времени и Пространства, я явился в этот мир.

Почему избранником стал именно я? Я не знаю этого и теперь, хотя считалось, что мне изначально известно все. Впрочем, говорить об этом поздно: я уже здесь. И всегда буду здесь. А если верить мудрецам и время имеет циклический характер, то когда-нибудь я снова вернусь в ту его точку, из которой переместился сюда и которую знаю как XX век н. э., как Царство людей, где (и это не является ни моим желанием, ни результатом моих деяний) сам я бессмертен.

Глава I
Через Реку Времени

Между бодрствованием и сном мы часто слышали какие-то голоса, обрывки разговоров, отдельные фразы, произнесенные порой с совершенно незнакомыми интонациями. Мы, конечно, пробовали напрячься и расслышать нечто большее, но это редко нам удавалось. Такие иллюзии называются гипнотическими снами, галлюцинациями и представляют собой как бы преддверие тех настоящих снов, что являлись нам впоследствии.

Я видел какую-то женщину. Ребенка. Неизвестный мне город. Оккупацию. Слышал имя: Джон Дэйкер. Понимал, что рухнули все мои надежды. Но испытывал потребность довести до конца задуманное. А их я любил. Знаю, что любил.

Дело явно было зимой. Я чувствовал себя в высшей степени несчастным в ледяной постели. Я лежал и неотрывно глядел в окно, на луну. Не могу вспомнить точно, о чем я тогда думал. По-моему, о бренности и суете человеческой жизни. И вот после этого, прежде чем по-настоящему заснуть, я начал слышать голоса…

Сперва я решил не обращать на них внимания, надеясь, что все равно скоро усну, но голоса продолжали звучать, и тогда я попытался разобрать слова, полагая, что в этот процесс включится и мое подсознание. Но по большей части повторяемые снова и снова слова представлялись мне полным бредом:

Эрекозе… Эрекозе… Эрекозе…

Я никак не мог распознать, какому языку принадлежит это слово, хотя оно казалось мне странно знакомым. Более всего язык этот был похож на язык индейцев племени сиу — к сожалению, я знал из этого языка сиу всего лишь несколько слов.

Эрекозе… Эрекозе… Эрекозе…

Каждую ночь я все более упорно пытался сосредоточиться на слышимых мной голосах, и галлюцинации мои становились все более яркими и отчетливыми, пока однажды ночью мне не показалось, что я полностью свободен от собственной телесной оболочки.

Неужели я целую вечность провел в Лимбе [1]? Или мертв? Воспоминания ли о далеком-далеком прошлом пришли ко мне, или, напротив, то были мои представления о весьма отдаленном будущем? Или о каком-то ином мире, который казался мне теперь значительно более родным и близким? И эти имена? Кто я — Джон Дэйкер или Эрекозе? Или одновременно и тот, и другой? Множество иных имен уносила прочь призрачная река моих воспоминаний — Корум Джайлин Ирси, Хокмун, Элрик, Обек, Рэкгир, Саймон, Корнелиус, Аскинол… Я как бы висел в темноте, лишенный плоти. И слышал голос какого-то мужчины. Но откуда этот голос доносился? Мне хотелось увидеть, кто это говорит, но у меня не было глаз…

— О Эрекозе, наш Защитник, где ты?

И другой голос:

— Отец… это всего лишь легенда…

— Нет, Иолинда. Я чувствую: он слышит меня. О Эрекозе…

Я пытался ему ответить, но у меня не было языка…

Потом из водоворота полуснов возникал вдруг какой-то дом, огромный, как бы расползшийся, мрачный город, полный всяких диковинок, кишащий серыми, похожими друг на друга машинами, в которых ездили люди. Некоторые дома были довольно красивы, однако покрыты чудовищными наслоениями грязи; другие, более чистые, были вовсе не так красивы, даже примитивны, и смотрели на меня множеством одинаковых окон. Из-за окон доносились чьи-то вопли и стоны.

По холмистой сельской местности галопом промчался вдруг отряд всадников, сверкающих на солнце золотом доспехов. На покрытых запекшейся кровью копьях развевались разноцветные боевые флажки. Лица всадников были мрачны от усталости.

Потом передо мной замелькали новые лица, множество лиц. Некоторых из этих людей я почти узнавал. Другие были совершенно мне незнакомы. Многие из незнакомцев и одеты были весьма странно. Я разглядел среди них седовласого, еще не старого мужчину в высокой острозубой стальной короне, украшенной бриллиантами. Губы его шевелились. Он что-то говорил…

— Эрекозе, это я, король Ригенос, я защищаю все Человечество…

Ты снова нужен нам, Эрекозе. Гончие Псы Зла правят третью нашего мира, люди истощены длительной войной с ними. Приди, о Эрекозе! Веди нас к победе! От Долины Тающих Льдов до Гор Скорби реют их проклятые знамена; мне страшно, ибо они могут еще значительно продвинуться в глубь наших территории.

Приди, Эрекозе! Веди нас к победе! Приди, Эрекозе! Веди нас…

И зазвучал женский голос:

— Отец, это всего лишь пустая гробница. Там нет даже праха Эрекозе. Все давным-давно поглотили зыбучие пески. Уйдем отсюда, вернемся в Некранал и призовем в наши ряды живых героев!

Я был как бы в полуобмороке, я изо всех сил стремился побороть туманные видения, но тем труднее мне становилось сохранять ясность сознания. Я снова пытался ответить, но не смог. Я как бы плыл по Реке Времени против течения, хотя каждый атом моего существа стремился в другую сторону. Мне казалось, что я невероятно огромен, что я каменный исполин и веки мои тоже из гранита и я не в силах их разомкнуть.

А потом я вдруг ощутил себя крошечным, микроскопическим зернышком в необъятной Вселенной. Но тем не менее я твердо знал, что связан с этим миром теснее, чем тот каменный исполин.

Воспоминания возникали и тут же уносились прочь.

Весь XX век, его открытия и просчеты, величие побед и горечь поражений, бесконечные раздоры, самообман, суеверия, названные в этот век Наукой, — все вдруг хлынуло в мою память, как воздух в вакуум.

Впрочем, это продолжалось всего несколько мгновений, а потом, почти сразу, я всем своим существом почувствовал, что все вокруг переменилось, и как бы перенесся в совершенно иной мир — это был земной мир, но не мир Джона Дэйкера и не совсем тот, к которому принадлежал покойный Эрекозе…

Я видел три огромных континента; два из них соседствовали и были отделены от третьего океаном со множеством самых различных островов.

Видел и еще какой-то океан, полностью скованный льдами, и знал, что размеры его медленно, но неуклонно уменьшаются: то была Долина Тающих Льдов.

Видел я и третий континент, покрытый буйной растительностью: там были могучие леса, голубые озера, а на севере, вдоль океанского берега, вздымалась горная гряда с вершинами до небес — Горы Скорби. Я знал, что это мир элдренов, которых король Ригенос называл тогда Гончими Псами Зла.

А еще я видел бескрайние поля пшеницы, высокие дома из разноцветного камня, богатые города Сталако, Калодемия, Мурос, Нинадун, Тратарда — западный континент Завара.

Видел я и крупные морские порты: Шилааль, Ведьма, Синан, Таркар и великолепный Нунос с башнями, украшенными самоцветами; видел я и города-крепости, и саму столицу этих земель, континента Некралалы, огромный город Некранал, как бы сосредоточенный вокруг могучей горы, на вершине которой раскинулся величественный дворец королей-воителей.

Теперь я уже начинал кое-что вспоминать и, как бы на периферии сознания, продолжал слышать голос, зовущий меня: *Эрекозе*, *Эрекозе*, *Эрекозе*…

Короли-воители Некранала две тысячи лет правили объединившимся Человечеством, внутри которого возникали, разумеется, войны, но затем различные племена вновь объединялись перед лицом общего врага. Последним, теперь стареющим представителем этой королевской династии был король Ригенос со своей единственной дочерью и наследницей Иолиндой. Старый король был измучен ненавистью, но все еще продолжал ненавидеть. Ненавидел он племя, которое прозвал Гончими Псами Зла. То были старинные враги человечества, отважные и дикие, впрочем, кровно родственные — хотя родство это и было весьма отдаленным — племени людей. Род их происходил от брака жившей в незапамятные времена королевы из племени людей и одного из князей Империи Зла по имени Азмобаана. Король Ригенос ненавидел их за то, что они не имели души, были бессмертны и считались слугами Азмобааны.

И вот в ненависти своей он воззвал к Джону Дэйкеру, называя его именем Эрекозе, умоляя помочь людям в борьбе против страшного врага.

— Эрекозе, умоляю, ответь мне. Готов ли ты прийти нам на помощь? — голос короля был громок, отдавался глухим эхом, и, когда после мучительных усилий я смог наконец ответить ему, мой собственный голос прозвучал не менее громко:

— Я готов, но мне мешают оковы…

— *Оковы?* — в голосе короля слышался страх. — Но где ты? Уж не во власти ли ужасных тюремщиков Азмобааны? А может, ты находишься в Призрачных Мирах? Или попал в ловушку?

— Все может быть, — ответил я. — Но не думаю, что это ловушка. Просто оковы Времени и Пространства не пускают меня. Мы с тобой находимся на разных берегах реки Времени…

— Но нельзя ли перекинуть мост над этой рекой? Не может ли послужить таким мостом воля объединенного Человечества? Мы все, как один, молимся, надеясь снова увидеть тебя среди нас.

— В таком случае продолжайте молиться, — ответствовал я.

Я снова куда-то падал. Похоже, я наконец вспомнил, что такое смех, печаль, гордость. Потом вдруг из небытия возникли еще какие-то лица. Передо мной проплывали люди и события — все, что я узнал и пережил в течение долгих веков, а потом одно лицо как бы заслонило собой все остальное — то была поразительно красивая женщина со светлыми волосами, поверх которых была надета диадема, украшенная драгоценными камнями, еще более подчеркивавшими, казалось, очарование этого дивного лица.

— Иолинда, — сказал я.

Теперь я видел ее значительно лучше. Она прислонилась к плечу высокого мужчины с изможденным лицом в стальной, украшенной бриллиантами короне. То был король Ригенос.

Они стояли перед постаментом из горного хрусталя с золотой окантовкой, покрытого толстым слоем пыли. На постаменте покоился длинный прямой меч, которого они явно не осмеливались коснуться. Не осмеливались даже просто приблизиться к нему, ибо смертоносные лучи, исходившие от меча, могли погубить их.

Стояли они в какой-то гробнице.

То была гробница Эрекозе. Моя гробница.

Я приблизился к постаменту, как бы зависнув над ним.

Много столетий тому назад тело мое было погребено здесь. Я не сводил глаз с меча, который не представлял для меня самого ни малейшей опасности, и все же я, будучи пленником Времени, был не в состоянии коснуться его. Лишь дух мой витал сейчас над этим мрачным местом, но теперь уже я ощущал целостность своей души, это были уже не осколки воспоминаний, которые тысячи лет хранила гробница. Впрочем, именно благодаря воспоминаниям я смог услышать зов короля Ригеноса, благодаря им Джон Дэйкер смог откликнуться, явиться сюда и соединиться с прочими разрозненными частями собственной души.

— Эрекозе! — взывал король, напряженно вглядываясь во мрак, словно уже видел меня. — Эрекозе! Мы умоляем тебя, приди!

И вдруг меня пронзила чудовищная боль, родственная, как мне представилось, родовым мукам. Боль эта, казалось, не иссякнет никогда, и в то же время она как бы исчерпывала сама себя. Я кричал и бился в воздухе над их головами. Чудовищные корчи сотрясали меня, — впрочем, агония эта была вполне осмысленной и имела конкретную, созидательную цель.

Я извивался в муках. Но в крике моем звучала радость.

Я стонал. Но в стонах моих звенела победа.

Я стал вдруг очень тяжел и пошатнулся под собственной тяжестью. Я становился все тяжелее и тяжелее, задыхался, бессильно хватал воздух ртом, судорожно раскинул руки, пытаясь сохранить равновесие…

И вновь обрел плоть и кровь и физическую силу. Чувствуя необычайный прилив энергии, я глубоко вздохнул и провел по своему телу руками. То было могучее тело и вполне удобное для меня.

Я поднял голову и посмотрел на стоявших передо мной. Я явился перед ними во плоти и был их вернувшимся богом.

— Я пришел, король Ригенос. Я здесь, — сказал я. — Сейчас во мне нет сожалений о прежней жизни, однако не позволяйте им пробуждаться в моей душе.

— О, ты не пожалеешь о том, что вернулся к нам, Герой! — Король был бледен, но весело улыбался. Я посмотрел на Иолинду. Она скромно потупила глаза, но потом, словно сама того не желая, вскинула их и посмотрела на меня. Я повернулся к хрустальному постаменту справа от себя.

— Мой меч, — сказал я и протянул к нему руку.
И услышал, как король Ригенос удовлетворенно вздохнул.
— Теперь они обречены, проклятые Псы! — промолвил он.

Глава II
Герой

У них имелись и ножны для моего меча. Старинные. Король Ригенос отправился за ними, оставив меня наедине со своей дочерью.

Теперь, когда я уже явился в этот мир, мне и в голову не приходило спросить, каким образом это осуществилось, каким образом вообще стало возможно. Впрочем, и она, по всей видимости, не подвергала сомнениям тот факт, что я теперь существую. Я просто переместился откуда-то в этот мир, и перемещение мое, похоже, было неизбежно.

Мы молча разглядывали друг друга, пока не вернулся король.

— Они предохранят нас от яда, источаемого твоим мечом, — сказал он и протянул ножны мне. Почему-то я не сразу принял этот дар и некоторое время колебался.

Король нахмурился и поник головой. Потом с мрачным видом скрестил руки на груди.

Я бережно взял ножны обеими руками. Они были сделаны из какого-то непрозрачного материала, напоминавшего старинное стекло, однако же это был металл, мне совершенно незнакомый. А может, неизвестный Джону Дэйкеру? Металл был легким, но прочным и хорошо гнулся.

Потом я взял меч. Рукоять, отделанная золотой сканью, слегка вибрировала в моей ладони. Навершье эфеса представляло собой шар из темного оникса, а сам эфес был полосатым — серебро чередовалось с черным ониксом. Лезвие, длинное, прямое и очень острое, было как бы матовым и не сверкало в отличие от обычной стали. По цвету оно скорее напоминало свинец. Меч был отлично сбалансирован. Несколько раз взмахнув им, я громко рассмеялся, и меч, казалось, рассмеялся вместе со мною.

— О Эрекозе! Скорее вложи меч в ножны! — вскричал король в ужасе. — Скорее! Его лучи несут смерть всем, кроме тебя!

Теперь мне почему-то очень не хотелось прятать меч. Прикосновение к нему пробудило во мне некие смутные воспоминания…

— Эрекозе! Пожалуйста! Я умоляю тебя! — голос Иолинды эхом вторил воплям короля. — Вложи меч в ножны!

Нехотя я повиновался. Но почему лишь я один способен касаться этого меча, не опасаясь его смертоносных лучей?

Может быть, при перемещении во времени я каким-то загадочным образом изменил свою человеческую сущность? А может, этот древний Эрекозе и не родившийся пока еще Джон Дэйкер (а может, и наоборот!) обладали совсем иными метаболическими реакциями, благодаря которым организм их был защищен от смертоносных эманаций волшебного меча?

Я пожал плечами. В конце концов, неважно. Достаточно самого этого факта. Мне в общем-то было все равно. Я как бы твердо знал, что в данном случае судьба моя зависит отнюдь не от меня самого. В данный момент я был всего лишь орудием в чьих-то руках.

Если бы только я знал тогда, для каких целей будет использовано это орудие! Я ведь мог бы противиться зову короля Ригеноса и долго еще оставаться совершенно безвредным интеллектуалом Джоном Дэйкером. Впрочем, вполне возможно, что я и не мог бы противиться зову Судьбы. Та сила, что швырнула меня в их мир, была слишком могущественна, чтобы с нею бороться.

Так или иначе, но в этот миг я готов был выполнить любое требование Судьбы. Только что, вновь обретя плоть, стоял я в своей собственной гробнице, в гробнице Эрекозе, и чувствовал в теле прежнюю силу, а в руках — свой меч.

Позже, правда, у меня возникли и другие чувства.

— Мне понадобится одежда, — сказал я, ибо понял, что наг. — И боевые доспехи. И конь. Я — Эрекозе.

— Одежда давно приготовлена, — сказал король Ригенос. И хлопнул в ладоши.

Вошли рабы. Один нес рубаху, второй — плащ, третий — какие-то белые полотенца, которые, как я догадался, должны были служить чем-то вроде нижнего белья. Сперва они соорудили на мне нечто вроде набедренной повязки, затем надели на меня рубаху. Рубаха была просторная, прохладная и приятная на ощупь. Темно-голубая, со сложным орнаментом, вышитым золотыми, серебряными и алыми нитками. Плащ был алым, расшитым золотым, серебряным и синим.

Меня обули в мягкие сапоги из оленьей кожи и перепоясали широким ремнем светло-коричневой кожи со стальной пряжкой, инкрустированной рубинами и сапфирами. Я тут же приладил к ремню свой меч и положил левую руку на рукоять.

— Я готов, — сказал я.

Иолинда вздохнула.

— В таком случае поскорее уйдемте из этой мрачной гробницы, — прошептала она.

Бросив прощальный взгляд на надгробие, покрытое толстым слоем пыли, я последовал за королем и принцессой Некранала наверх, к солнечному свету; там царил покой, было довольно тепло, хоть и дул легкий ветерок. Мы остановились на вершине невысокого холма. Стены гробницы у нас за спиной, сделанные из черного хрусталя, казались очень древними; они потрескались, выдержав несметное множество ливней и ударов бури. На крыше гробницы высилась металлическая, изрядно проржавевшая статуя воина верхом на огромном боевом коне. Черты лица были практически стерты песком и дождями, но я узнал этого человека. Это был я сам.

Я отвернулся.

У подножия холма нас поджидал караван. Лошади были накрыты богато расшитыми попонами, а воины облачены в те самые золотистые доспехи, которые когда-то привиделись мне во сне. Сами воины, впрочем, выглядели значительно моложе и бодрее, чем те, из моих снов.

Доспехи у них были как бы рифленые, сплошь разукрашенные причудливыми выпуклыми изображениями. Однако, на мой взгляд, пока что, возможно, недостаточно просвещенный в этом плане, — да и воспоминания самого Эрекозе о боевых латах были еще довольно туманными — доспехи эти были совершенно непригодны для боевых действий. Все эти рельефные украшения и разнообразные желобки были как бы специально созданы для того, чтобы наконечники копий и стрел или лезвия мечей застревали в них, тогда как боевые латы должны прежде всего отражать удары, подобно зеркальной поверхности. В данном же случае, несмотря на всю красоту и пышность золотистых доспехов, воин скорее подвергался дополнительной опасности.

Королевские стражники сидели на тяжеловесных боевых конях, а животные, лежавшие поодаль, напоминали, пожалуй, верблюдов, правда безгорбых, и морды у них были довольно симпатичные. Стройные и высокие, они несли на спинах нечто вроде изящных паланкинов, инкрустированных слоновой костью, эбеновым деревом и перламутром, с легкими и блестящими шелковыми занавесками.

Мы стали спускаться вниз, и тут я заметил, что на пальце у меня по-прежнему надето кольцо, которое я носил, будучи Джоном Дэйкером. Кольцо из плетеных серебряных проволочек, которое подарила мне моя жена… Моя жена… Я уже не мог вспомнить ее лицо. Я чувствовал, что мне следовало оставить кольцо там, на том своем, другом, теле… Но, может, там никакого тела и не осталось?..

Мы подошли к лежащим на земле «верблюдам», и стражники выпрямились в седлах, приветствуя нас. Во многих взглядах, устремленных на меня, я заметил явное любопытство.

Король Ригенос указал на один из паланкинов:

— Не угодно ли тебе поместиться здесь, о Защитник?

Он сам вызвал меня в этот мир, но, похоже, все-таки меня побаивался.

Я взобрался по коротенькой, сплетенной из шелковых нитей лестнице в паланкин. Дно его было выстлано яркими подушками самых разнообразных цветов и оттенков.

Караван двинулся в путь, и мой паланкин довольно быстро поплыл над неширокой долиной, окаймленной какими-то незнакомыми мне вечнозелеными деревьями, они походили на раскидистые араукарии, только с более мощной кроной.

Меч свой я положил на колени. И стал внимательно его рассматривать. То был простой солдатский клинок — лезвие совершенно гладкое, без каких-либо знаков или отметин. Рукоять пришлась мне точно по руке. Хороший меч. Но почему он испускает какие-то смертоносные для других людей лучи, я понятия не имел. По-видимому, лучи эти были не менее смертоносны и для тех, кого король Ригенос называл Гончими Псами Зла, — для элдренов.

Мы ехали и ехали, а теплый ласковый день все не кончался, и я даже задремал на своих разноцветных подушках, сраженный какой-то непонятной усталостью, но вдруг услышал чей-то крик и выглянул наружу, отдернув занавески.

Перед нами был Некранал. Тот самый город, который я видел во сне.

Он был еще довольно далеко, но уже отсюда было видно, что он как бы стремится ввысь вместе с той горой, на которой некогда был основан. Множество чудесных строений — минареты, колокольни, шпили соборов, островерхие крепостные башни — сверкало на солнце, и это замечательное творение архитектуры как бы увенчано было величественным дворцом королей-воителей Некранала, носившем название Дворец Десяти Тысяч Окон. Я сам вспомнил, как он называется.

Я заметил, что король Ригенос высунулся из своего паланкина и крикнул:

— Каторн! Скачи вперед и скажи людям, что пришел Эрекозе, наш Герой и Защитник, и теперь мы непременно прогоним этих Сыновей Ада назад, в Горы Скорби!

Капитан королевской гвардии, к которому он обращался, выглядел поразительно мрачным.

— Хорошо, сир, — проворчал он себе под нос и погнал коня галопом по обочине дороги, взметая облачка белой пыли. Было хорошо видно, как дорога эта, извиваясь змеей, ведет прямо в сердце Некранала. Какое-то время я следил за быстро удалявшимся всадником, но вскоре мне это надоело, и я принялся внимательно смотреть по сторонам.

Такие города, как Лондон, Нью-Йорк или Токио, возможно, и крупнее Некранала, но не намного. Этот величественный город расстилался на многие мили вокруг огромной горы и был по периметру обнесен высокой мощной стеной, на которой через строго определенные интервалы возвышались сторожевые башенки.

Наконец мы достигли главных ворот, и караван наш остановился.

Раздались звуки какого-то музыкального инструмента, ворота дрогнули и медленно отворились. Миновав их, мы сразу оказались на улицах города, заполненных толпами радостных людей, кричавших так громко, что порой приходилось затыкать уши из опасения, что барабанные перепонки могут не выдержать.

Глава III
Угроза элдренов

По мере того как наша процессия приближалась к королевскому дворцу, радостные крики толпы стали постепенно отдаляться и стихать. Потом наступила тишина, нарушаемая лишь поскрипыванием паланкина, позвякиванием упряжи да стуком лошадиных копыт. В душе моей пробудилось какое-то легкое беспокойство. Что-то невыразимо зловещее таилось в этом городе. Конечно, жители его опасались новых атак неприятеля; конечно, они были измучены бесконечной войной. Но дело было не только в этом; казалось, Некранал обладает некоей болезненной, кошмарной аурой, в которой ощущалась смесь истерического восторга и меланхолической подавленности; такое за всю предшествующую жизнь мне удалось почувствовать лишь однажды — во время посещения лечебницы для душевнобольных…

Впрочем, возможно, я просто переносил собственное настроение на то, что меня окружало, и все мои страхи были порождены классической формой параноидальной шизофрении. Еще бы! Уж, по крайней мере, раздвоение личности-то у меня было, и при этом обе личности казались вполне реальными, да и одна из них, кажется, считалась в здешнем мире Спасителем Человечества! На какое-то время я даже задумался, а не сошел ли я с ума совсем, окончательно — если, разумеется, все это не чудовищные галлюцинации — и не нахожусь ли я действительно в том самом сумасшедшем доме, который когда-то посещал.

Я потрогал занавески, рукоять меча; снова высунулся наружу и внимательно посмотрел на город, расстилавшийся передо мною, на массивные стены Дворца Десяти Тысяч Окон, возвышавшегося на вершине горы. Я попытался увидеть что-либо за их толщей, определенно предполагая, что все это иллюзия и вскоре я увижу стены той лечебницы или даже знакомые стены моей собственной квартиры. Однако стены Дворца Десяти Тысяч Окон оставались столь же массивными и прочными, как и прежде. Да и сам город Некранал отнюдь не казался призрачным. Я снова откинулся на подушки.

Приходилось признать, что все это вполне реально, что я каким-то неведомым образом был перенесен через века и просторы космоса на эту Землю — и об этой Земле не повествовалось ни в одной летописи, не упоминалось ни в одном историческом исследовании (а я прочитал их великое множество); лишь отдаленное эхо знаний об этой Земле слышалось в древних мифах и легендах.

Я больше не был Джоном Дэйкером. Я был Эрекозе — Вечным Героем. Я сам стал легендой, воплотившейся в жизнь.

И тогда я засмеялся. Если я действительно сошел с ума, то это просто великолепное сумасшествие! Мне бы никогда и в голову не пришло самому выдумать такое!

В конце концов наш караван добрался до вершины горы, перед нами отворились украшенные самоцветами ворота, и мы очутились посреди очаровательного сада, который являла собой дворцовая площадь: там росло множество деревьев, играла вода в бесчисленных фонтанах, соединенных между собой маленькими каналами с причудливо украшенными мостиками над ними. В каналах плескалась вода, резвились рыбки, а среди листвы деревьев распевали птицы. Тут к нам подошли пажи, заставили наших «верблюдов» опуститься на колени, и мы, освещенные лучами заходящего солнца, торжественно ступили на землю.

Король Ригенос гордо улыбался, окидывая взором этот цветущий сад.

— Как тебе нравится, Эрекозе? Я все это создал сам, вскоре после того, как воцарился на троне. В те времена дворцовая площадь имела весьма мрачный вид и совершенно не сочеталась с остальными частями дворца.

— Очень красиво! — сказал я и обернулся, чтобы посмотреть на Иолинду, которая вновь присоединилась к нам. — Но вы, сир, сотворили и еще одно подлинное чудо, ибо вот самое прекрасное, что есть в вашем дворце!

Король захихикал.

— Я вижу, ты столь же любезный кавалер, сколь и великий воитель, Эрекозе. — Он взял нас с Иолиндой за руки и повел по великолепному двору. — Разумеется, теперь я не имею возможности много времени посвящать созиданию красоты — теперь я занят

созиданием новых видов оружия. Я уже не думаю о том, чтобы разбить новый сад: я озабочен планами сражений. — Он вздохнул. — Но, может быть, ты сумеешь навсегда прогнать с нашей земли элдренов, Эрекозе? И когда они будут уничтожены, мы снова сможем наслаждаться радостями мирной жизни…

В те минуты мне было его жаль. Он хотел лишь того, чего хочет каждый человек: не бояться будущего, иметь возможность спокойно воспитывать детей в надежде, что и им, в свою очередь, такая возможность будет дана, и быть уверенным, что планы его не будут в любой момент разрушены очередным взрывом насилия… В конце концов мир короля Ригеноса оказался вовсе не столь уж отличным от того, который я совсем недавно покинул.

Я положил руку на плечо короля:

— Будем надеяться на это, ваше величество. Я сделаю все, что смогу.

Он прокашлялся:

— А сможешь ты очень, очень много, Герой! Я знаю. И скоро мы сумеем оградить себя от угрозы, которую несут проклятые элдрены!

Мы вошли в прохладный зал, стены которого были украшены панелями из кованого серебра и прекрасными занавесями. Красивый зал, хотя и слишком большой. Из зала наверх вела широкая лестница, по которой нам навстречу устремилась целая толпа — придворные, слуги, рабы. Выстроившись в соответствии с чином и положением при дворе, они преклонили колена, приветствуя своего короля.

— Это лорд Эрекозе, — возвестил король Ригенос. — Великий воитель и мой почетнейший гость. Оказывайте ему те же услуги и почести, что и мне, подчиняйтесь его слову так, как подчиняетесь моему. Все, что он пожелает, должно быть немедленно исполнено.

Я растерялся, когда вся эта толпа снова рухнула на колени и хором пропела: «Приветствуем тебя, о лорд Эрекозе!»

Я широко раскинул руки в приветственном жесте, и они поднялись с колен. Я уже начинал воспринимать подобное поведение как должное. Какая-то часть меня, несомненно, была давно уже привычна к подобным почестям.

— Не стану утомлять тебя всякими церемониями сегодня, — сказал Ригенос. — Если тебе угодно будет освежиться и отдохнуть в

комнатах, которые мы специально приготовили для тебя, то мы навестим тебя позже.

— Прекрасно, — сказал я и повернулся к Иолинде, чтобы поцеловать ей руку на прощание. Она, поколебавшись немного, несмело протянула ее мне. — Надеюсь увидеть вас обоих в самом ближайшем будущем, — прошептал я тихонько, вглядываясь в ее потрясающие глаза. Она тут же опустила ресницы и отдернула руку, а я позволил слугам отвести меня наверх в приготовленные для меня покои.

А приготовлено для меня было целых двадцать огромных комнат, где моих приказаний ожидали по крайней мере десять личных моих рабов и столько же слуг. Комнаты были изысканно, даже чересчур роскошно, на мой взгляд, убраны — впрочем, люди двадцатого столетия, возможно, несколько утратили вкус к настоящей роскоши. Во всяком случае, в голове у меня все время вертелось слово «напыщенный». Стоило мне хотя бы шевельнуться, как тут же рядом оказывался кто-то, кто помогал мне раздеться, или подавал стакан воды, или поправлял покрывало на диване и так далее. И все же мне было несколько неуютно в этих роскошных комнатах, так что я с облегчением обнаружил несколько совсем иных, значительно более скромно обставленных помещений. То были оружейные комнаты, с простыми крепкими скамьями вдоль стен, с окнами без пышных занавесей и со стенами, увешанными мечами, булавами, копьями с бронзовыми наконечниками и острыми стрелами.

Я какое-то время провел среди всей этой сверкающей стали и бронзы, а потом вернулся и велел принести мне поесть. Рабы принесли мне множество разнообразной еды и вина, и я от всей души насладился этой трапезой.

Поев, я почувствовал себя так, словно долгое время проспал и проснулся, ощущая новый прилив сил. Я снова обошел все свои владения, проявляя значительно больший интерес к оружию, чем к богатому убранству, которое пришлось бы по душе, не сомневаюсь, даже самому пресытившемуся сибариту. Потом я вышел на один из крытых балконов и стал разглядывать оттуда огромный город Некранал. Солнце уже почти село, и вдоль улиц протянулись длинные тени.

Закатное, чуть подернутое дымкой небо пылало множеством красок. Пурпурная, оранжевая, желтая, голубая — все эти краски отражались в островерхих крышах домов и соборов Некранала, и весь город казался сделанным из какого-то нежного и легкого вещества, напоминая порой рисунок пастелью.

Потом тени стали чернее. Солнце село, и его прощальные лучи алым вспыхнули на шпилях храмов; быстро спустилась ночь, и сразу на далеких стенах, окружавших Некранал, зажглись яркие огни: то были огромные костры, разожженные на расстоянии нескольких десятков шагов один от другого. Желто-красные языки пламени взмывали ввысь и освещали, казалось, почти весь город. В окнах домов также зажглись огни, я слышал крики ночных птиц и стрекотание насекомых. Я повернулся к городу спиной, собираясь войти в комнату, и увидел, что рабы уже зажгли лампы и ждут меня. Становилось весьма прохладно, но я почему-то медлил и не уходил с балкона, а потом и вовсе решил остаться там и подумать хорошенько о странных превратностях собственной судьбы и попытаться оценить истинный характер тех опасностей, что грозили сейчас Человечеству.

Стоя на балконе, я услышал вдруг, что в комнате появился кто-то еще, и, снова заглянув туда, заметил в дверях короля Ригеноса. Вместе с ним в мои апартаменты входил этот мрачный Каторн, капитан королевской гвардии. Вместо шлема он украсил теперь свою голову платиновым обручем, а боевые доспехи заменил длинным кожаным колетом, расшитым золотом. Каторн был без оружия, что, впрочем, отнюдь не смягчило ни его облика в целом, ни манеры вести себя. Король Ригенос кутался в плащ из белой шерсти, а голова его по-прежнему была увенчана острозубой короной, изукрашенной бриллиантами. Оба гостя вышли на балкон и присоединились ко мне.

— Надеюсь, тебе удалось немного отдохнуть, Эрекозе? — почти нервным тоном поинтересовался король Ригенос, словно боялся, что за время его отсутствия я могу раствориться в воздухе.

— Благодарю вас, ваше величество, я прекрасно себя чувствую.

— Это хорошо. — Он колебался.

— Время дорого, сир, — проворчал Каторн.

— Да-да, Каторн. Конечно, я знаю. — Король Ригенос посмотрел на меня так, словно надеялся, что я догадался, что именно он столь страстно желает у меня спросить, но я этого не знал и мог лишь

ответить недоумевающим взглядом, ожидая, чтобы он заговорил первым.

— Вы ведь простите нас, лорд Эрекозе, — заговорил Каторн, — если мы сразу же перейдем к делу: к вопросу о наших государствах. Король Ригенос сейчас обозначит вам нашу позицию в этом вопросе и объяснит, чего именно мы ожидаем от вас…

— Да, конечно, — воскликнул я, — я готов! — Я действительно сгорал от желания узнать об этом вопросе как можно больше.

— У нас есть карты, — сказал король Ригенос. — Где наши карты, Каторн?

— Здесь, сир.

— Так, может быть, мы?..

Я кивнул в знак согласия, и мы прошли в комнату. Проследовав через две очень пышные комнаты, мы наконец остановились в гостиной, где стоял огромный дубовый обеденный стол. Возле стола я увидел рабов, державших в охапке длинные свитки пергамента. Каторн отобрал несколько таких свитков и расстелил их — один поверх другого — на столе, прижав один угол разложенных карт своим тяжелым кинжалом, а другой — бронзовой вазой, украшенной рубинами и изумрудами.

Я с любопытством смотрел на эти карты. Я уже узнал их. Нечто подобное я видел во сне до того, как был заклинаниями короля Ригеноса призван в этот мир.

Тут над картами склонился король, и его длинный бледный указательный палец двинулся вдоль обозначенной границы царства людей.

— Как я уже сказал тебе, Эрекозе, еще там… в твоей гробнице… элдрены нынче захватили власть на всем южном континенте. Они называют его Мернадин. Вот он, — палец его теперь продвигался вдоль побережья южного континента. — Пять лет назад они снова захватили единственный по-настоящему укрепленный город в Мернадине. Вот этот. Это их старинный морской порт Пафанаал. Битва была недолгой.

— Ваши войска бежали? — спросил я.

Снова вмешался Каторн:

— Я, конечно, допускаю, что мы стали чересчур благодушными и самонадеянными. Но когда они неожиданно напали на нас со стороны

Гор Скорби, мы были совершенно к этому не готовы. Они, должно быть, собирали для этого сражения войска в течение нескольких лет, но нам об этом ничего не было известно. Да и откуда мы могли узнать их планы: им ведь колдуны помогают!

— Ну, я полагаю, вы, по крайней мере, могли вывезти из своих колоний подданных короля Ригеноса? — спросил я.

Каторн пожал плечами:

— Там и вывозить-то никого не требовалось. Мернадин, в сущности, так и не был заселен людьми, так как люди не могут жить в стране, испоганенной проклятыми Гончими Зла. На всем этом континенте теперь лежит проклятье, ибо обитают там посланники ада.

Я поскреб подбородок и с самым невинным видом спросил:

— Но тогда зачем же вы сперва прогнали элдренов и заставили их скрываться в Горах Скорби, если вам не были нужны их территории?

— Потому что до тех пор, пока они держат под своим контролем эти территории, существует постоянная угроза для всего Человечества!

— Понятно. — Я прижал правую руку к груди. — Простите меня, сир, что прервал вас. Прошу вас, продолжайте.

— Постоянная угроза… — начал было Каторн.

— И эта угроза вновь нависла над нами, — раздался голос короля. Голос его звучал глухо и дрожал. Глаза его вдруг вспыхнули страхом и ненавистью. — Мы в любой миг ожидаем, что они начнут войну против наших двух континентов — Завары и Некралалы!

— А вам известно, когда они предполагают начать захват ваших территорий? — спросил я. — Сколько времени потребуется нашим войскам, чтобы достойно встретить их?

— Они начнут войну непременно! — черные глаза Каторна сверкнули. Редкая бородка, обрамлявшая его бледное лицо, казалось, встопорщилась.

— Да, они непременно начнут войну, — поддержал его король Ригенос. — Они бы уже сейчас властвовали над нашей страной, если бы мы постоянно не отражали их атаки.

— Мы вынуждены постоянно сдерживать их, — добавил Каторн. — Стоит им в одном месте пробить брешь, и они поглотят нас целиком!

Король Ригенос вздохнул:

— И все же люди очень устали от бесконечных сражений. Нам нужно, по крайней мере, одно из двух — хотя, в принципе, нам нужно и то, и другое — свежие воины, чтобы отшвырнуть элдренов назад, к их горам, или предводитель, способный вдохнуть в души тех воинов, которыми мы располагаем, новую надежду.

— А новых воинов вы не могли бы подготовить? — спросил я.

У Каторна что-то странно булькнуло в глотке. Я решил, что это он так смеется.

— Это невозможно! — заявил он. — Все Человечество воюет сейчас с элдренами — все, до последнего человека!

Король кивнул:

— Вот поэтому я и призвал тебя, Эрекозе, хотя мне и казалось, что я совершаю отчаянную глупость, желая принять чудесный вымысел за реальность…

При этих словах Каторн отвернулся. Мне показалось, что именно такова его собственная точка зрения на то, что произошло: он считал, что король от отчаяния повредился в рассудке. Мое явление во плоти, видимо, нанесло его представлениям существенный ущерб, а потому я в какой-то степени стал ему неприятен, хотя, по-моему, трудно было бы винить меня в том, что король Ригенос решился призвать Эрекозе в этот мир.

Король выпрямился:

— Я призвал тебя. И я требую, чтобы ты выполнил свою клятву.

Понятия не имея ни о какой клятве, я был поражен.

— Какую клятву? — спросил я.

Теперь до крайности изумленным выглядел король.

— Как, твою клятву — что, если элдрены когда-либо снова захватят Мернадин, ты придешь и встанешь во главе наших войск, чтобы одержать над проклятыми Псами победу!

— Понятно. — Я знаком велел одному из рабов налить мне вина, выпил немного и уставился на карту. Будучи Джоном Дэйкером, я отчетливо видел, что два свирепых, люто ненавидящих друг друга племени ведут что-то вроде священной войны, *джихада*,имеющего к тому же расовую основу. Но, будучи Эрекозе, я прекрасно понимал, на чьей я стороне. Я принадлежал к людской расе и обязан был отдать все силы, чтобы защитить свое племя. Человечество необходимо было спасти.

— А элдрены? — я посмотрел на короля Ригеноса. — Что по этому поводу говорят они?

— Что ты хочешь этим сказать? — проворчал Каторн. — Говорят, надо же! Ты сам говоришь так, словно не веришь нашему королю…

— Я же не подвергаю сомнениям справедливость ваших утверждений, — возразил я ему. — А просто хочу знать поточнее, чем именно элдрены оправдывают свою войну против нас. Мне было бы весьма полезно получить более ясное представление об их устремлениях.

Каторн пожал плечами.

— Они бы с удовольствием смели нас с лица Земли, — сказал он. — Разве этого тебе не достаточно?

— Нет, — сказал я. — Вы, должно быть, захватывали их в плен. Что говорили вам эти пленники? Как вожди элдренов изначально оправдывали войну против всего Человечества?

Король Ригенос отечески улыбнулся мне:

— Надо сказать, что ты довольно много забыл, Эрекозе, если не помнишь даже, что такое элдрены. Они же не люди! Они умны. Холодны и обладают гибкими, но лживыми языками, с помощью которых способны убаюкать кого угодно, внушить любому, что тревожиться не о чем, а потом своими обнаженными клыками вырвать у несчастного сердце из груди. Хотя, должен признать, они весьма храбры. Они умирают под пыткой, но ни слова не говорят о своих истинных планах. И они очень хитры. Все время пытаются заставить нас поверить их разговорам о мире, о взаимном доверии и взаимопомощи; надеются, что мы прекратим оборону и они смогут тогда уничтожить нас, благодаря внезапному нападению, или, по крайней мере, заставить сойтись с ними в открытом бою, чтобы против нас можно было использовать колдовство. Не будь наивным, Эрекозе. Не пытайся вести себя с элдренами так, как стал бы вести себя с людьми, ибо если ты так поступишь, тебе конец. У них ведь нет души — по крайней мере, по нашим понятиям. Они не знают, что такое любовь. Они обладают лишь холодной и нерушимой верностью избранному пути и своему хозяину, Азмобаане. Пойми же, Эрекозе, элдрены — порождение дьявола. Это демоны ада, которым Азмобаана в своем чудовищном богохульстве даровал нечто подобное человеческому обличью. Но и обличье это не должно вводить тебя в

заблуждение. То, что у элдренов внутри, не принадлежит миру людей; это может быть все что угодно, но только не человеческая душа…

Лицо Каторна исказилось:

— Не можете вы доверять этим Псам, Эрекозе. Все они предатели, нечестивые и злобные! И не будет нам покоя, пока все их поганое племя не исчезнет с лица Земли. Навсегда. Чтобы ни кусочка их плоти, ни капли их крови, ни осколка их кости, ни единого волоска элдренов не осталось на нашей Земле. И я совершенно уверен, Эрекозе: пока хотя бы горстка элдренов сохраняется в нашем мире, всегда есть возможность того, что Азмобаана воссоздаст свои войска и вновь нападет на нас. Это дьявольское отродье необходимо выжечь дотла — уничтожить их всех, мужчин, женщин, детей… Сжечь и пепел развеять по ветру! Вот в чем состоит наша задача, Эрекозе. Вот в чем задача Человечества. И у нас есть Добрые Боги, которые молятся за нас.

И тут я услышал другой голос, куда более мелодичный, и посмотрел в сторону двери. То была Иолинда.

— Ты должен вести нас к победе, Эрекозе, — порывисто проговорила она. — То, что говорит Каторн, чистая правда — и не важно, что он так свиреп, отстаивая ее. Все действительно обстоит так, как он тебе поведал. Ты должен вести нас к победе.

Я снова внимательно посмотрел ей в глаза. Потом глубоко вздохнул, и лицо мое посуровело.

— Я поведу вас к победе, — сказал я.

Глава IV
Иолинда

Утром меня разбудило позвякивание посуды: рабы готовили мне завтрак. А может, не рабы? Разве это не жена моя тихо двигается по комнате, готовясь будить сына, как она это делала каждое утро?

Я открыл глаза, ожидая увидеть ее.

Ее я не увидел. Не увидел я и знакомой комнаты в той квартире, где жил, будучи Джоном Дэйкером.

Не увидел я и рабов.

Вместо них я увидел Иолинду. Она улыбалась мне, собственными руками готовя завтрак.

На несколько минут я почувствовал себя виноватым, словно каким-то не совсем понятным мне образом предал собственную жену. Но потом понял, что ни в чем не виноват и стыдиться мне нечего. Я был жертвой Судьбы — тех сил, которые я даже не мог надеяться понять до конца. Я уже не был Джоном Дэйкером, а был Эрекозе и понимал, что лучше мне привыкнуть к этой мысли и успокоиться. Человек, страдающий раздвоением личности, безусловно, болен. Я решил как можно скорее забыть Джона Дэйкера. Раз уж я теперь Эрекозе, то и должен полностью сосредоточиться на этом. Тут придется положиться на Судьбу.

Иолинда принесла мне целую вазу каких-то фруктов.

— Не хочешь ли отведать, лорд Эрекозе?

Я выбрал какой-то странный мягкий плод с красновато-желтой кожурой. Она протянула мне маленький нож. Я попытался очистить фрукт, но, поскольку он был мне совершенно незнаком, не знал, как лучше это сделать. Девушка осторожно взяла у меня плод и начала чистить, присев на краешек моей низкой кровати и, пожалуй, слишком сильно сосредоточившись на этом занятии.

Наконец фрукт был очищен, Иолинда разрезала его на четыре части, положила на тарелочку и протянула тарелочку мне, по-прежнему избегая смотреть прямо в глаза, однако улыбаясь довольно загадочной улыбкой, когда смотрела куда-нибудь в сторону. Я взял

кусочек плода и сунул в рот. Вкус был довольно острый, но в то же время сладкий. Фрукт явно обладал тонизирующим воздействием.

— Благодарю тебя, — сказал я. — Очень вкусно! Никогда раньше не пробовал ничего подобного.

— Неужели? — она самым искренним образом удивилась. — Но ведь *экрекс* — самый распространенный фрукт в Некранале.

— Ты забываешь, что в Некранале я еще не бывал, — заметил я.

Она склонила голову набок и, чуть нахмурясь, посмотрела на меня. Потом откинула тонкую голубую ткань, покрывавшую ее золотистые волосы, и устроила целый спектакль, прихорашиваясь и поправляя свое голубое платье, которое было ей в высшей степени к лицу. Она, по всей видимости, действительно была озадачена.

— Еще не бывал… — прошептала она.

— Не бывал, — подтвердил я.

— Но… — она запнулась, — ведь ты же великий Герой Человечества, лорд Эрекозе. Ты знал Некранал в дни его высочайшей славы, когда правил здесь, будучи Героем нашего народа. Ты знавал и Землю в древние времена, когда ты еще только освободил ее из тех цепей, которыми опутали ее элдрены. Ты знаешь об этом мире куда больше, чем о нем знаю я, Эрекозе.

Я пожал плечами:

— Признаюсь — многое здесь мне действительно знакомо и становится как бы все более знакомым. Но до вчерашнего дня меня звали Джон Дэйкер, и жил я в городе, весьма сильно отличающемся от Некранала, и был я отнюдь не воином, моя профессия вообще не имела никакого отношения к войне. Я не отрицаю, что я Эрекозе — имя это знакомо мне и кажется вполне естественным. Но я не знаю, кто такой был этот Эрекозе, во всяком случае, не знаю о нем даже того, что знаешь ты. Он был Великим Героем древности, который перед смертью поклялся, что вернется, если будет нужен, когда между людьми состоится последний решающий бой. Похоронили его на холме в довольно-таки мрачной гробнице, и меч, с которым мог управляться лишь он один, положили к нему в могилу…

— Меч Канаяна, — прошептала Иолинда.

— Значит, у меча есть имя?

— О да… Канаяна. Это… это больше, чем имя, по-моему. Это что-то вроде его магической формулы — некое описание, и весьма

точное, самой его волшебной сущности… той силы, что заключена в нем.

— А существует ли какая-нибудь легенда, в которой объяснялось бы, почему лишь я один могу держать в руках этот клинок? — спросил я ее.

— Таких легенд довольно много, — сказала она.

— Какая же нравится тебе больше других? — я улыбнулся.

И тут, впервые за все утро, она посмотрела прямо на меня и, понизив голос, сказала:

— Больше других мне нравится та, в которой говорится, что ты избранный сын Великого Доброго Бога, что меч твой — это меч Богов, и что ты один можешь управляться с ним, потому что ты и сам один из Богов — ты Бессмертный.

Я рассмеялся:

— Неужели ты этому веришь?

Она опустила глаза.

— Если ты скажешь мне, что это неправда, я, конечно же, должна буду поверить тебе, — сказала она. — Да, конечно.

— Признаю, что чувствую в себе значительную силу, — сказал я ей. — Но в этом смысле до Бога мне далеко! Кроме того, как мне кажется, если бы я был Богом, то знал бы это. И, конечно же, знал бы других Богов. И жил бы там, где обитают все остальные Боги. А среди моих знакомых были бы, разумеется, и Богини… — я прикусил язык. Она, похоже, была огорчена.

Я протянул руку, легонько коснулся ее плеча и примирительным тоном сказал:

— Но ты, возможно, все-таки права. Возможно, я действительно некий Бог, хотя бы уже потому, что безусловно удостоен чести быть знакомым с Богиней.

Она только плечами пожала:

— Ты все время смеешься надо мной, господин мой.

— Нет, клянусь, я и не думал смеяться!

Она вскочила:

— Я, должно быть, кажусь просто дурочкой столь великому человеку, как ты. Прости меня, господин мой, я слишком утомила тебя своей болтовней.

— Нисколько ты меня не утомила, — возразил я. — Наоборот, ты мне очень помогла.

Рот у нее удивленно раскрылся:

— Помогла?

— Да. Ты помогла заполнить одну из пустующих страниц моей собственной памяти, которая обладает весьма странными свойствами. Я по-прежнему не помню, что было у Эрекозе в прошлом, но теперь, по крайней мере, я знаю о его прошлом примерно столько же, сколько любой человек здесь. Это уже не так мало!

— Может быть, долгие столетия непрерывных снов стерли все в твоей памяти? — сказала она.

— Может быть, — согласился я. — А может быть, сны эти навевали слишком много иных воспоминаний — об иных деяниях, иных жизнях…

— Что ты хочешь этим сказать?

— Видишь ли, мне кажется, что я был не только Джоном Дэйкером или Эрекозе. Другие мои имена всплывают в памяти — странные, из каких-то неведомых языков… И я чувствую неясную — и, возможно, нелепую — уверенность, что, пока Эрекозе спал в своей гробнице, душа его — моя душа! — жила в иных людях, носивших те, неведомые мне имена. Может быть, душа моя вообще не способна спать и должна постоянно действовать?.. — Я помолчал. Что-то я чересчур ударился в метафизику, а в ней я всегда был слабоват. Вообще-то я всегда считал себя чистейшей воды прагматиком. Вера в переселение душ, в возрождение в ином обличье всегда раньше вызывала у меня усмешку — я и теперь продолжал презрительно улыбаться, хотя улыбаться было нечему: именно это-то со мной и произошло.

Тут Иолинда стала слезно просить меня продолжать те рассуждения, которые я сам считал полнейшей бессмыслицей.

— Пожалуйста, — молила она, — пожалуйста, лорд Эрекозе, продолжай свою речь!

И я, хотя бы только потому, что мне хотелось подольше удержать возле себя эту очаровательную девушку, продолжил свои рассуждения:

— Знаешь, пока ты и твой отец звали меня к себе, я, по-моему, вспоминал совсем другие жизни — то не были жизни Эрекозе или Джона Дэйкера. Я вспоминал, хотя и весьма туманно, иные

цивилизации, хотя не мог бы, наверное, сказать тебе, были ли то цивилизации прошлого или будущего. Дело в том, что теперь само понятие «будущее» представляется мне бессмысленным. Я, например, совершенно не представляю, где, с точки зрения Джона Дэйкера, находится ваша цивилизация — в прошлом или в будущем? Она — в настоящем. И сам я — в настоящем. И в настоящем передо мной поставлены совершенно определенные задачи. Я должен их решить. Вот и все.

— Но эти твои другие воплощения?.. — проговорила она. — Что, собственно, ты знаешь о них?

Я пожал плечами:

— Ничего. Я всего лишь пытаюсь описать тебе некое неясное чувство, а не вполне определенное впечатление. Это всего лишь несколько имен, которые я теперь успел позабыть. Несколько знакомых лиц, которые почти исчезли из моей памяти подобно тому, как исчезают, тают наши сны. И, вполне возможно, все это всего лишь и было просто снами. Может быть, и жизнь моя в обличье Джона Дэйкера, которая, в свою очередь, тоже начинает растворяться в забвении, — только сон. Разумеется, я ничего не знаю о тех сверхъестественных существах, о которых упоминали твой отец и Каторн. Я понятия не имею об этом Азмобаане, как и о Великом Добром Боге. Я совершенно незнаком ни с демонами, ни тем более с ангелами. Я знаю лишь то, что я человек и я существую.

Лицо ее совсем помрачнело.

— Это правда. Ты человек. Ты существуешь. Я сама видела, как ты предстал перед нами во плоти.

— Но откуда я явился?

— Из других стран, — сказала она. — Из такого места, куда уходят все великие воины, когда умирают. А их жены следуют за ними туда, чтобы там жить весело и счастливо.

И снова я улыбнулся, но постарался скрыть улыбку, чтобы не обидеть Иолинду в ее искренней вере. Что-то я такого места не помнил.

— Я помню только вечные бои. Если я и был где-то не здесь, то уж, во всяком случае, не в стране вечного счастья, а был я во многих странах, и везде шла война.

Внезапно я почувствовал себя усталым и опустошенным.

— Везде шла война. Вечная война, — повторил я и вздохнул.

Теперь во взгляде ее ясно читалось сострадание.

— Не думаешь ли ты, что это твоя судьба — вечно вести войну против врагов Человечества?

Я нахмурился:

— Не совсем так, потому что я, кажется, помню времена, когда вовсе не был человеком. Во всяком случае, в том смысле, как ты это понимаешь. Если душа моя вообще способна селиться в самых различных телах, то она определенно порой селилась в таких существах, которые… сильно отличались… — Я отбросил эту мысль. Все это было слишком трудно воспринять сразу. И слишком мучительно.

Мои слова встревожили Иолинду. Она встала, непонимающе на меня глядя.

— Но это были не… не…

Я улыбнулся:

— Не элдрены? Не знаю. Но не думаю, чтобы это было так, потому что само это слово кажется мне совсем незнакомым.

Она явно почувствовала облегчение.

— Во все это так трудно поверить… — печально пробормотала она.

— Поверить? Моим словам?

— Поверить всему тому, что ты говоришь, тому, что с тобой произошло. Когда-то я считала, что довольно хорошо разбираюсь в жизни. Наверное, я была тогда слишком молода. Сейчас я не могу разобраться ни в чем. Я не знаю даже, буду ли я жива на будущий год.

— По-моему, страхи эти свойственны всем нам, смертным, — мягко сказал я.

— Нам, смертным? — Улыбка ее стала ледяной. — Но ты не смертный, Эрекозе!

До сих пор, откровенно говоря, такое мне и в голову не приходило. Но, в конце концов, разве меня не вызвали в этот мир с помощью заклинания? Я рассмеялся.

— Скоро у нас будет возможность выяснить это — когда начнется великая битва с элдренами! — сказал я.

С ее губ сорвался слабый стон.

— Ах! — воскликнула она. — Разве это имеет какое-либо значение? — Она сделала несколько шагов по направлению к двери. — Ты действительно бессмертен, Эрекозе! Ты неуязвим! Ты вечен! Ты — единственное, в чем я могу быть уверена. Единственный человек, которому я могу верить! Не шути так. Умоляю тебя, не шути так со мной!

Я был поражен этим взрывом эмоций. Мне очень хотелось вскочить, обнять ее и как-то успокоить, но я был совершенно наг. Разумеется, она уже видела меня совершенно нагим, когда я явился перед ними во плоти в гробнице Эрекозе, но я еще недостаточно хорошо знал нравы и обычаи этого народа, чтобы догадаться, какое моя нагота произведет на нее впечатление теперь.

— Прости меня, Иолинда, — сказал я. — Я и не предполагал…

Чего я не предполагал? Того, насколько бедная девочка напугана? А может, какого-то иного, более глубокого чувства в ней?

— Не уходи, — попросил я.

Она остановилась на пороге, обернулась, и я заметил, что ее огромные растерянные глаза полны слез.

— Ты вечен, Эрекозе. Ты бессмертен. Ты не можешь умереть!

Ответить я не мог.

Тем более что понимал, что в первом же бою с этими элдренами погибну.

Внезапно мне стало ясно, какая ответственность лежит на мне. Ответственность не только перед этой прекрасной юной женщиной, но и перед всем человечеством. Я с трудом поглотил застрявший в горле комок и устало рухнул на подушки, а Иолинда опрометью выбежала из комнаты.

Возможно ли, чтобы я оказался способен выдержать такое бремя?

Неужели я действительно хотел, чтобы это бремя возложили на мои плечи?

Нет, не хотел. Я вообще не очень-то верил в собственные силы, и у меня не было никаких оснований полагать, что силы эти в чем-то превосходят силы других мужчин, скажем, Каторна. Во всяком случае, Каторн куда более искушен в военном искусстве, чем я. И он имеет полное право недолюбливать меня. Я отнял у него роль великого полководца, лишил его власти и даже той чудовищной ответственности, которую он-то вполне готов был взвалить на себя. К

тому же я еще ничем не доказал, что имею право на все это. Я подумал вдруг, каково сейчас Каторну, и преисполнился к нему сочувствия.

Какое право имел я вести за собой человечество в бой, который должен был решить вопрос о самом его существовании?

Никакого.

И тут я подумал совсем о другом — мне даже стало жаль себя.

Какое право имеет человечество столь многого ждать от меня?

Допустим, они пробудили меня ото сна, который, впрочем, я честно заслужил, ведя мирную достойную жизнь Джона Дэйкера. А теперь они навязывают мне свою волю, требуя, чтобы я возвратил им былую уверенность в своих силах и — о да! — былое самодовольство!

Я лежал в своей роскошной постели и потихоньку начинал ненавидеть и короля Ригеноса, и Каторна, и все человечество в целом, и даже белокурую Иолинду, которая, собственно, и навела меня на эти размышления.

Эрекозе, Великий Герой, Защитник Человечества, величайший из воинов, валялся в своей постели, несчастный и жалкий, и проливал слезы по поводу собственной судьбы. Ему было очень, очень жаль себя.

Глава V
Каторн

Наконец я все-таки встал и накинул нечто вроде простой туники, а потом — я даже немного растерялся — рабы моментально умыли меня и побрили. В полном одиночестве отправился я в оружейную и снял со стены свой меч в ножнах.

Я вынул клинок из ножен, и снова меня охватило странное возбуждение. Я сразу же позабыл и свою растерянность, и сомнения, а услышав свист меча, рассекавшего воздух у меня над головой, радостно рассмеялся.

Мышцы стали привычно упругими. Я сделал несколько выпадов; казалось, что мы с мечом составляем единое целое, что это как бы еще одна моя рука. Я сделал глубокий выпад, вернулся в прежнюю позицию и резко опустил меч острием вниз. Владея им, я испытывал необычайную радость!

Он превратил меня в нечто большее, более значительное, чем во все предшествующие годы. Он сделал меня настоящим мужчиной. Настоящим воином. Героем!

Будучи Джоном Дэйкером, я имел дело с холодным оружием от силы раза два и, надо сказать, управлялся с ним довольно-таки неуклюже, если судить по отзывам тех моих друзей, которые считали себя в этом знатоками.

В конце концов я неохотно сунул меч в ножны, но только потому, что заметил поблизости одного из моих рабов: я помнил, что лишь один Эрекозе может касаться этого меча и оставаться при этом в живых.

— В чем дело? — спросил я раба.

— Там лорд Каторн пришел, господин мой. Он очень хотел бы с вами поговорить.

— Пусть войдет, — сказал я рабу, повесив меч обратно на стену.

Каторн вошел в оружейную стремительной походкой. Он, похоже, довольно долго ждал приема и пребывал в столь же дурном настроении, как и в тот, самый первый раз, когда я увидел его. Его

башмаки, подкованные железом, прогрохотали по каменным плитам пола.

— Доброе утро, лорд Эрекозе, — сказал он.

Я поклонился:

— Доброе утро, лорд Каторн. Прошу прощения, если заставил ждать. Я упражнялся с этим мечом…

— С мечом Канаяной… — Каторн бросил на меч подозрительный взгляд.

— С мечом Канаяной, — повторил я. — Не угодно ли перекусить или выпить, лорд Каторн?

Я очень старался угодить ему не только потому, что неразумно иметь в качестве врага столь искушенного воина да еще в период подготовки главной военной кампании, но и потому, как я уже говорил, что в достаточной мере преисполнился к Каторну сочувствия.

Однако Каторн смягчиться не пожелал.

— Я плотно позавтракал еще на заре. Меня интересуют значительно более важные проблемы, чем вкусная еда, лорд Эрекозе, — заявил он.

— Каковы же эти проблемы? — я мужественно сдержался.

— Военные, разумеется. А что бы вы хотели еще услышать от меня, лорд Эрекозе?

— Да, действительно. А какие именно военные проблемы вы хотели бы обсудить со мной, лорд Каторн?

— По-моему, нам следует атаковать элдренов прежде, чем они сами пойдут на нас войной.

— Лучший вид защиты — это нападение, не правда ли?

Он, казалось, удивился. Совершенно очевидно, что раньше он этой поговорки не слышал.

— Отлично сказано, господин мой. Можно подумать, что передо мной настоящий элдрен — так ловко вы управляетесь со словами… — он явно испытывал мое терпение. Но я и этот грязный намек проглотил.

— Итак, мы нападем на них. И что дальше? — спросил я.

— Именно это мы и должны обсудить со всеми вместе. Но совершенно очевидно, какая точка у них самая уязвимая.

— И какая же?

Он быстро прошагал в другую комнату и вернулся оттуда с картой, которую расстелил на скамье. Это была карта третьего континента, того, что полностью находился во власти элдренов и назывался Мернадин. Острым концом кинжала Каторн указал в то самое место, которое при мне уже не раз отмечалось накануне вечером.

— Пафанаал, — сказал я.

— Поскольку это слишком важный пункт в той кампании, которая сейчас планируется, элдрены, по-моему, вряд ли ожидают, что мы решимся атаковать этот город в первую очередь, — им ведь известно, что люди устали от сражений, да и силы у нас на исходе…

— Но раз уж мы так измотаны и ослаблены, — сказал я, — не было бы лучше сначала взять какой-нибудь другой, менее важный город?

— Вы забываете, господин мой, что воины вдохновлены вашим появлением в наших рядах, — сухо ответил Каторн.

Я не сумел сдержать улыбку. Но Каторн посмотрел на меня так хмуро и сердито, что я решил на него не обижаться.

— Мы должны научиться действовать вместе, лорд Каторн. Я склоняю голову, признавая ваш авторитет великого воина и ваш огромный опыт. Согласен, что ваше знание повадок и характеров элдренов значительно полнее и глубже моего. И мне, конечно же, необходима ваша помощь — настолько же, насколько королю Ригеносу, как то полагает он сам, необходима моя поддержка. — Я говорил тихо, примирительным тоном.

Каторну, похоже, эти слова пришлись по душе. Он прокашлялся и заговорил снова:

— Едва Пафанаал окажется в наших руках, мы обретем отличный плацдарм для проведения дальнейших операций на суше. Кроме того, владея Пафанаалом, мы легко сможем проводить в жизнь свою собственную стратегию, не ожидая, что предпримет противник, и не идя у элдренов на поводу. Лишь отбросив их назад, к Горам Скорби, можно приступать к весьма утомительной, но необходимой миссии: полному истреблению элдренов. На это потребуются годы. Но сделать это необходимо в первую очередь! Впрочем, это будет предметом забот военной администрации захваченных территорий и нас непосредственно почти не коснется.

— А сколь хорошо защищен этот Пафанаал? — спросил я.

Каторн улыбнулся:

— Защиту порта осуществляет, в основном, боевой флот элдренов. Если нам удастся уничтожить их флот, можно считать, что Пафанаал у нас в руках. — Он оскалил зубы — видимо, это называлось у него «рассмеяться от души». А потом вдруг подозрительно на меня глянул, словно опасаясь, что сказал мне слишком много.

Такого взгляда нельзя было не заметить, и я сказал:

— Что мучает вас, лорд Каторн? Разве вы мне не доверяете?

На лице его не дрогнул ни один мускул.

— Я должен вам доверять, — равнодушно сказал он. — Мы все должны вам доверять, лорд Эрекозе. Разве вы вернулись не для того, чтобы выполнить свою древнюю клятву?

Я внимательно посмотрел на него:

— А вы сами в это верите?

— Я должен в это верить.

— Вы верите в то, что я — вернувшийся Эрекозе, Защитник Человечества?

— Я и в это тоже верить должен.

— Вы верите этому только потому, что если я не Эрекозе — тот, из ваших легенд, — то Человечеству конец?

Он склонил голову, как бы в знак согласия.

— А что, если я не Эрекозе, господин мой?

Каторн вскинул голову:

— Вы должны быть Эрекозе… Если бы это было не так, я заподозрил бы… — Что бы вы заподозрили?

— Ничего.

— Вы заподозрили, что я переодетый шпион элдренов, так ведь, лорд Каторн? Этакий хитрющий недочеловек, который только внешне похож на человека? Верно ли я прочел ваши мысли, господин мой?

— Чересчур верно. — Густые брови Каторна совсем сошлись на переносице, а побелевшие губы вытянулись в жесткую линию. — Говорят, элдрены тоже способны шарить в чужих мыслях… в отличие от настоящих людей…

— Так вы что же, боитесь меня, лорд Каторн?

— Боюсь какого-то элдрена? Клянусь Богом, я тебе покажу… — и могучая ручища Каторна схватилась за рукоять меча.

Я тут же поднял руку и молча показал ему на меч, висевший в ножнах на стене.

— Именно поэтому вы и не решаетесь заподозрить меня, верно? Этот меч в вашу теорию не вписывается. Если бы я не был Эрекозе, то как же этот меч подчиняется мне?

Он так и не вытащил своего меча, однако упорно продолжал сжимать рукоять.

— Ведь это правда — разве не так? — что ни человек, ни элдрен, ни одно живое существо не может коснуться меча Эрекозе и остаться при этом в живых? — тихо спросил я.

— Да, так говорится в наших легендах, — согласился он.

— В легендах?

— Я никогда не видел, чтобы какой-нибудь элдрен хотя бы попытался дотронуться до меча Канаяны…

— Но вы обязаны допустить, что это утверждение справедливо. Иначе…

— Иначе у Человечества надежды почти не остается, — эти слова из него словно клещами вытащили.

— Что ж, прекрасно, лорд Каторн. В таком случае, вы признаете, что я Эрекозе и призван королем Ригеносом вести людей к победе.

— У меня нет иного выбора, кроме как признать это.

— Хорошо. Я, в свою очередь, тоже вынужден кое-что признать, лорд Каторн.

— Вы? Что же?

— Я должен признать — и быть в этом уверенным! — что вы мой союзник в этой кампании. Что у меня за спиной не будут плести заговоры, что от меня не будут утаивать информацию, что вы не станете заключать ни с кем сделку, чтобы повредить мне. Видите ли, лорд Каторн, именно благодаря вашим подозрениям могут рухнуть все наши планы. Завистник, ненавидящий своего вождя, способен причинить куда больше вреда, чем любой открытый враг…

Он кивнул и распрямил плечи. Потом медленно убрал руку с рукояти меча.

— Я много думал об этом, господин мой. Я не такой уж дурак.

— Знаю, что вы не дурак, лорд Каторн. Если бы вы действительно были дураком, я бы и времени не стал тратить на подобные разговоры.

Он сосредоточенно ковырялся языком в зубах, обдумывая мои последние слова. В конце концов он сказал:

— А вы тоже не дурак, лорд Эрекозе.

— Благодарю вас. Вот уж не предполагал, что вы обо мне столь высокого мнения…

— Хм, — он снял шлем и провел рукой по своим густым волосам. Он все еще что-то обдумывал.

Я подождал, надеясь, что он скажет еще что-то, но он лишь решительно вновь напялил шлем и, сунув в рот большой палец, стал энергично ковыряться в зубах ногтем. Потом извлек палец и сосредоточенно на него уставился. Потом перевел взгляд на карту и прошептал:

— Ну что ж, в конце концов мы друг друга поняли. Так что теперь будет куда легче вести эту вонючую войну.

— Безусловно, значительно легче, — кивнул я.

Он фыркнул.

— А насколько хорош наш собственный флот? — спросил я.

— Все еще очень неплох. Не так велик, как раньше, но корабли-то мы еще построим, это дело сейчас идет вовсю. Верфи работают день и ночь. И по всей стране отливаются мощные пушки для новых военных кораблей.

— А где мы наберем команды?

— Сейчас мы призываем в наши войска всех, порой даже женщин… даже детей. Вам ведь уже сказали, лорд Эрекозе, — и это чистая правда! — что все люди выступили против проклятых элдренов в едином строю.

Я промолчал, в глубине души уже испытывая восхищение неукротимой силой духа этого народа. Мои колебания по поводу справедливости собственных поступков теперь были значительно меньше. Люди, принадлежащие к той эпохе, в которую я попал, боролись сейчас ни больше ни меньше, как за сохранение своего рода.

И тут в голову мне пришла совсем иная мысль. А разве нельзя то же самое сказать и про элдренов?

Эту мысль я прогнал.

Мы с Каторном сходились, по крайней мере, в одном: мы оба не желали обременять свою совесть размышлениями морально-сентиментального порядка. Сейчас перед нами стояла конкретная задача. Мы взяли на себя ответственность за ее решение. И для этого должны сделать все, что в наших силах.

Глава VI
Подготовка к войне

Итак, я вел бесконечные совещания с генералами и адмиралами. Мы внимательно изучали карты, обсуждали тактику сражений, расчеты тылов, людские ресурсы, количество тягловых животных и боевых кораблей, а тем временем флот сосредоточивался у берегов столицы и оба континента были прочесаны вдоль и поперек в поисках рекрутов — брали и десятилетних мальчиков, и пожилых мужчин старше пятидесяти, и девушек лет двенадцати, и шестидесятилетних старух. Новобранцев сортировали и строили под знамена Завары и Некралалы, под знаменами короля Ригеноса и Великого Защитника Человечества — Эрекозе.

В эти дни мы как раз работали над планом грандиозного вторжения на территорию элдренов: планом захвата главного порта Мернадина — Пафанаала и его окрестностей.

В свободное от совещаний время я неустанно практиковался во владении различными видами оружия, а также — в верховой езде, доводя собственное умение до совершенства.

Похоже, я не столько учился этому заново, сколько возобновлял старые навыки. Столь же знакомым, как и мой загадочный меч, было ощущение седла, и шпор, и колышущейся конской спины подо мной. То же самое было и с моим именем Эрекозе (которое, как мне сказали, означало на каком-то мертвом языке «Тот, кто всегда здесь»), и с умением стрелять из лука: я ловко попадал в цель даже на полном скаку.

Что же касается Иолинды, то в ней для меня абсолютно ничего знакомого не было. Несмотря на то что некая часть моего «я», видимо, все-таки была способна путешествовать во времени и пространстве и помнить множество моих воплощений, но все воплощения явно очень отличались друг от друга. Ни одного эпизода из тех прошлых жизней я заново не пережил, а просто снова воплотился в того же человека, но в совершенно иную эпоху и при иных обстоятельствах. Действовал тоже совершенно иначе, во всяком случае мне так казалось, но при всей условности своего бытия я как бы обладал некоей свободой воли. Во

всяком случае, ощущения, что судьба моя целиком предрешена заранее, у меня не возникало. Но, может быть, я ошибался? Может быть, я оказался слишком большим оптимистом перед лицом Судьбы? А может быть, и просто глупцом? Что, если и Каторн ошибся, слишком высоко оценив меня, и я не Вечный Герой, а Вечный Дурак?..

И, уж конечно, я совершенно сознательно валял дурака, когда дело касалось Иолинды. Она была почти непереносимо прекрасна. Впрочем, оказавшись с ней наедине, я не мог притворяться дураком. Ей нужен был Герой — Бессмертный Эрекозе — и никак не меньше. Так что приходилось изображать в ее присутствии героя, чтобы успокоить девушку, хотя это не очень сочеталось с моими собственными излюбленными привычками. Должен признаться, что порой я действительно чувствовал себя скорее ее отцом, чем возможным любовником, и, объясняя это ощущение с позиций своего любимого двадцатого века, задавался вопросом, а не являюсь ли я и в самом деле в ее глазах неким «сильным отцом» или «мудрым старцем», которого она хотела бы видеть в Ригеносе?

По-моему, она втайне даже порицала Ригеноса за недостаток геройства, но мне старик был симпатичен (Старик? Видимо, все-таки сам я куда старше его, бесконечно старше… впрочем, довольно об этом…), тем более что он нес на своих плечах бремя колоссальной ответственности и очень неплохо справлялся со всем этим, насколько я успел уже в этом убедиться. В конце концов, этому человеку куда больше по душе было садоводство, чем планы военных кампаний. И не его вина, что он родился королем и в настоящее время не имел ни одного кровного родственника мужского пола, которому мог бы передать по наследству и свою власть, и свою ответственность. Ему просто не повезло. К тому же я был уже достаточно наслышан о том, как хорошо он ведет себя в сражении и никогда ни за чью спину не прячется — ни от опасности, ни от ответственности. Король Ригенос явно стремился к мирной жизни, но способен был проявить и настоящую свирепость, особенно если речь заходила о ненавистных ему элдренах. Именно я должен был стать тем героем, каким он сам, отлично понимая это, стать был не в состоянии. С этой ролью я смирился, но вовсе не был уверен, что мне хотелось бы сыграть роль героического отца Иолинды. У меня к ней были иные, более

естественные и, на мой взгляд, здоровые чувства. Никакая другая близость с ней мне нужна не была!

Не уверен, впрочем, что у меня была возможность выбирать: она меня совершенно околдовала. Вскоре я уже был готов принять любые условия игры.

Мы проводили вместе все свободное время, которое я мог уделить ей, а не военачальникам и не собственной военной подготовке. Мы прогуливались рука об руку по бесчисленным крытым балконам и галереям Дворца Десяти Тысяч Окон, опутывавшим его, словно ползучее растение, от фундамента до крыши; в галереях было множество цветущих растений, декоративных кустарников, множество птиц — в клетках и на воле, — которые щебетали в листве могучих побегов дикого винограда, покрывавших стены дворца. Я узнал, что и затея поселить на галереях птиц тоже принадлежала королю Ригеносу: он хотел сделать свои висячие сады еще прекраснее.

Но все это он сделал еще до того, как элдрены пошли на людей войной.

Медленно приближался тот день, когда военные корабли должны были соединиться в один мощный флот и отбыть к берегам того далекого континента, которым правили элдрены. Прежде я только и мечтал, как бы поскорее сойтись с ними в бою, однако теперь мне все меньше хотелось уезжать, ибо это означало расставание с Иолиндой, а моя страсть к ней, как и моя любовь, росли с каждым днем.

Хотя я уже понимал, что человеческое общество день ото дня становится все менее открытым, все более опутанным неприятными и никому не нужными запретами и ограничениями, но знал тем не менее, что для любовников не считается позорным делить одно ложе до свадьбы, если они оба имеют один и тот же социальный статус. Узнав об этом, я почувствовал значительное облегчение. Думаю, что Бессмертный Герой — каковым меня считали — и принцесса могут составить вполне приличную пару. Но мешали мне в общем-то не общественные запреты — сама Иолинда противилась такому развитию событий. И тут мне не могла помочь ни неограниченная свобода, ни пресловутые «привилегии», ни «вседозволенность». Странно, но почему-то многие в двадцатом веке считают (интересно, поймут ли те, кто прочтет эти строки, что означают эти два слова: «двадцатый

век»?), что если законы морали, самим же человеком созданные, — и прежде всего те, что касаются половых отношений, — будут низвергнуты, то немедленно начнется немыслимая всеобщая оргия. При этом почему-то сбрасывается со счетов такой общеизвестный факт, что человек способен по-настоящему любить всего лишь один-два раза в жизни. И, кроме того, может быть сколько угодно иных причин, по которым люди не захотят заниматься сексом с кем попало, даже если это будет официально разрешено законом.

В случае с Иолиндой я колебался потому, что не желал становиться всего лишь заменителем ее собственного отца и играть роль «мудрого старца»; она же колебалась потому, что ей необходимо было увериться в том, что мне можно «верить». Джон Дэйкер назвал бы подобные отношения невротическими. Может быть, это и так, но, с другой стороны, что ненормального в поведении в общем-то совершенно нормальной девушки, если ей немножко боязно при виде того, кого она собственными глазами совсем недавно видела встающим из могилы?

Но довольно об этом. Могу лишь сказать, что, несмотря на горячую взаимную любовь, мы с Иолиндой ничем таким не занимались — вот и все. Мы даже не обсуждали подобной возможности, хотя страстные призывы все время готовы были сорваться у меня с языка…

Но, что самое странное, страсть моя к прекрасной Иолинде начала постепенно как бы таять. Я по-прежнему любил ее от всего сердца, она была мне дороже всего на свете, но выражать свои чувства, если так можно выразиться, физически потребности у меня больше не возникало. Это уж совсем было на меня не похоже. Или, точнее, было не похоже на Джона Дэйкера!

Но, по мере того как приближался день нашей разлуки, во мне стало крепнуть желание хоть в чем-то выразить свою любовь, и однажды, когда мы прогуливались по цветущим галереям, я остановился, нежно положил руку ей на затылок, чуть поглаживая шею под белокурыми волосами, и повернул ее лицом к себе.

Она кротко посмотрела на меня и улыбнулась. Губы ее слегка раздвинулись, и больше она не успела сделать ни одного движения: я тут же наклонился и тихонько поцеловал Иолинду. Сердце у меня екнуло от счастья. Я крепко прижимал девушку к себе, чувствуя, как

взволнованно приподнимается и опускается прекрасная грудь. Потом поднял ее ладонь и приложил к своей щеке, любуясь чарующей красотой Иолинды. Пальцы мои запутались в густых волосах, я ловил теплое свежее дыхание, когда губы наши снова и снова соединялись. Она вложила свой кулачок в мою руку, зажмурилась, потом широко открыла глаза, и в них было счастье, подлинное счастье, впервые за это время. Мы отпрянули друг от друга.

Дыхание ее все еще было прерывистым, она что-то шептала себе под нос, но я снова помешал ей. Она как-то выжидающе улыбнулась мне, одновременно гордо и нежно.

— Когда я вернусь, — ласково сказал я ей, — мы с тобой станем мужем и женой.

Она сперва посмотрела на меня удивленно, но потом слова — их сокровенный смысл — дошли до ее сознания. Таким способом я пытался внушить ей, что верить мне можно. Это был тот единственный способ, который я оказался в состоянии придумать. А может быть, Джон Дэйкер поступил так чисто инстинктивно, не знаю.

Иолинда кивнула и сняла с пальца редкой работы кольцо — золотое, с жемчугом и розовыми бриллиантами. Кольцо это она надела мне на мизинец.

— Подарок — в знак моей любви к тебе, — сказала она, — и того, что я принимаю твое предложение. Если хочешь, то это еще и талисман, который принесет тебе удачу в сражении, и просто — память обо мне. Чтобы ты не поддался на искушения этих проклятых элдренских красоток… — тут она не выдержала и улыбнулась.

— Много же у этого кольца назначений! — заметил я.

— Столько, сколько тебе захочется самому, — откликнулась она.

— Спасибо тебе.

— Я люблю тебя, Эрекозе, — просто сказала она.

— И я люблю тебя, Иолинда. — Я помолчал и прибавил: — Вот только грубоват я в любви, верно? Мне и подарить-то тебе на память нечего. Мне даже как-то неловко… Это несправедливо…

— Твоего слова мне вполне достаточно, — сказала она. — Поклянись, что ты вернешься ко мне.

Я смотрел на нее в замешательстве. Ну разумеется, я вернусь к ней!

— Поклянись! — сказала она.

— Ну конечно, поклянусь. Даже и речи не может быть…

— Поклянись.

— Я готов поклясться и тысячу раз, если одного недостаточно. Клянусь. Я клянусь, Иолинда, что вернусь к тебе, моя любимая, свет моих очей…

— Да, теперь хорошо, — она, казалось, была удовлетворена.

На дальнем конце галереи послышался стук торопливых шагов, и я признал в спешащем к нам человеке одного из своих рабов.

— Ах, хозяин, вот вы где! Король Ригенос просил меня привести вас к нему.

Был уже довольно поздний вечер.

— А что угодно его величеству? — спросил я.

— Он не сказал, хозяин.

Я улыбнулся Иолинде и сжал ее руку в своей.

— Что ж, прекрасно. Предстанем перед королем.

Глава VII
Боевые доспехи Эрекозе

Раб привел нас в мои собственные апартаменты. Но там никого не было, кроме моей обычной «свиты».

— А где же король Ригенос? — спросил я.

— Он просил вас подождать здесь, хозяин.

Я снова улыбнулся, глядя на Иолинду. Она улыбнулась мне в ответ.

— Очень хорошо, — сказал я. — Мы подождем здесь.

Ждать нам пришлось не долго. Вскоре в комнату, где мы сидели, один за другим начали входить рабы, которые несли какие-то довольно неуклюжие металлические предметы, завернутые в промасленный пергамент. Я смотрел на все это, страшно заинтригованный, хотя и старался не показать виду, что взволнован.

Потом наконец явился и сам король Ригенос. Он, казалось, был значительно более возбужден, чем обычно, да и Каторна, вопреки обыкновению, с ним не было.

— Здравствуй, отец, — сказала Иолинда. — Я…

Но король Ригенос поднял руку, приказывая ей замолчать, и обернулся к рабам.

— Снимите покровы, — велел он им. — Да поторапливайтесь!

— Король Ригенос, — начал было я, — мне бы хотелось сообщить…

— Прости, лорд Эрекозе. Посмотри сперва, что я принес. Это долгие годы хранилось в самых потаенных подземельях дворца. Они ждали тебя, Эрекозе. Тебя!

— Ждали?..

И тут последний кусок пергамента был сорван и отброшен на каменные плиты пола. Взору моему открылось дивное зрелище.

— Это боевые доспехи Эрекозе. Они покоились в каменной гробнице, в самом глубоком подземелье, и ждали, когда Эрекозе снова сможет облачиться в них.

Латы были из черного сверкающего металла. Они казались совершенно новыми. Их создатель был величайшим в истории

человечества мастером, ибо латы являли собой образец подлинного искусства.

Я взял в руки нагрудную пластину.

В отличие от доспехов Королевской Гвардии, эти были совершенно гладкими, лишенными каких бы то ни было выпуклых украшений. Из гофрированного металла были только наплечники, которые широкими крыльями прикрывали шею и голову от удара мечом, топором или копьем. Шлем, нагрудные пластины, ножные латы и все остальное было гладким.

Металл был легким, но, видимо, очень прочным, как и тот, из которого сделан был мой меч. Черная его полированная поверхность сверкала. Блеск был ярким — почти слепил глаза. В своей простоте доспехи эти действительно были прекрасны — столь прекрасным может быть лишь произведение подлинного искусства и мастерства. Единственным украшением служил густой султан алого цвета, сделанный из конского волоса и прикрепленный к верхушке шлема. Я прикоснулся к латам с почтением: так касаются шедевра тонкой работы; однако в данном случае шедевр был предназначен для того, чтобы защитить мою жизнь, так что как бы то ни было, а почтение мое от этого значительно возрастало!

— Благодарю тебя, король Ригенос, — сказал я, испытывая самую горячую признательность. — Я надену эти доспехи в тот день, когда мы выступим в поход против элдренов.

— Этот день — завтра, — тихо сказал король.

— Как?

— Сегодня прибыл последний из наших боевых кораблей. Сегодня было завершено комплектование экипажей. Сегодня была установлена последняя пушка. Утром будет высокий прилив — мы должны этим воспользоваться.

Я уставился на него. Не провели ли меня? А что, если Каторн заставил короля не открывать мне дня и часа начала похода? Но по лицу короля никак нельзя было сказать, что он что-то таит в душе. Я отбросил сомнения и решил считать его слова искренними. Потом посмотрел на Иолинду. Она была совершенно потрясена.

— Утром… — проговорила она.

— Да, завтра утром, — подтвердил король Ригенос еще раз.

Я прикусил губу.

— Но тогда мне нужно как-то приготовиться…

— Отец… — начала было Иолинда.

Он посмотрел на нее:

— Да, дорогая, я тебя, слушаю.

Я заговорил первым, но вдруг остановился. Она быстро взглянула на меня и тоже не проронила ни слова. Как-то не получалось просто сказать ему об этом, и вдруг нам показалось, что лучше пока сохранить нашу любовь, наш союз в тайне. Ни она, ни я не знали, почему это так нужно.

Король проявил такт и решил удалиться первым.

— Чуть позже мы обсудим с тобой последние детали, лорд Эрекозе.

Я поклонился. Он вышел.

Мы с Иолиндой какое-то время ошарашенно смотрели друг на друга, потом бросились друг другу в объятия и заплакали.

Джон Дэйкер никогда бы об этом не написал. Он, конечно же, посмеялся бы над подобной сентиментальностью. Как и над теми, кто счел бы чрезмерно важным военное искусство. Да, Джон Дэйкер никогда бы не написал об этом, но я должен.

Я чувствовал, как в душе моей зародилась и крепнет жажда битвы. Былое, давно забытое возбуждение снова охватило меня. Но сильнее этого чувства все же была моя любовь к Иолинде. Любовь эта казалась мне более спокойной, более чистой, дающей куда большее удовлетворение, чем обычная плотская любовь. Это было нечто совсем иное. Возможно, это и была та самая рыцарская любовь, которую превыше всего превозносили святые отцы.

Джон Дэйкер на моем месте непременно заговорил бы о подавленном половом влечении и мечах в качестве символов полового сношения. И так далее, и тому подобное.

Может быть, он оказался бы прав. Но мне так не хотелось, чтобы он оказался прав, хотя я прекрасно представлял себе все разумные доводы, которыми можно было бы подкрепить подобную точку зрения. Во все времена люди стремились видеть все только сквозь призму собственных сиюминутных представлений. Понятия, свойственные этому обществу, явно отличалась от моих, но я лишь весьма смутно представлял себе, сколь велики эти отличия. Пока что мне всего лишь хотелось соответствовать представлениям Иолинды о герое. Вот и все.

И последующие события, по-моему, развивалась (в отношении меня) именно в этих рамках.

Я взял в ладони личико Иолинды, наклонился и поцеловал ее в лоб; она же поцеловала меня прямо в губы и сразу ушла.

— Увижу ли я тебя утром? — спросил я, когда она была на пороге.

— Да, — ответила она, — да, любовь моя, если это будет возможно.

После ее ухода не было ощущения печали. Я спокойно снова проверил свои доспехи и оружие, а потом спустился в большую гостиную, где вокруг стола стояли король Ригенос и его главные военачальники и изучали огромную карту континента Мернадин, а также водное пространство, отделяющее Мернадин от Некралалы.

— Мы выступаем в поход завтра утром вот здесь, — сказал мне Ригенос, ткнув пальцем в бухту близ Некранала. Здесь река Друнаа впадала в море, и здесь находился порт Нунос, где и собрался к этому времени весь наш флот. — Боюсь, Эрекозе, что без определенных церемоний нам не обойтись. Необходимо соблюсти определенные ритуалы. Мне кажется, я уже тебе о них рассказывал в общих чертах.

— Да, — сказал я. — Хотя эти церемонии иногда представляются мне более сложными и кровожадными, чем сама война.

Военачальники рассмеялись. Они, хотя и держались со мной несколько настороженно, в общем-то мне скорее симпатизировали, потому что я вполне сумел доказать (самому себе на удивление), что отлично разбираюсь в вопросах тактики и прочих воинских премудростей и искусств.

— Но в данном случае церемония необходима, — сказал Ригенос. — Необходима для народа. Для них это уже нечто вещественное. Они как бы тоже приобщатся к нашим грядущим военным подвигам. К тому, что мы с тобой будем совершать вместе.

— Вместе? — изумился я. — Не ослышался ли я? Неужели вы тоже отправитесь в поход, ваше величество?

— Да, — тихо сказал Ригенос. — Я решил, что это необходимо.

— Необходимо?

— Да, — больше он ничего прибавить не пожелал — возможно, из-за присутствия своих военачальников. — А теперь давайте продолжим. Завтра нам всем нужно встать очень рано.

И в течение всего этого совещания я не сводил глаз с лица короля.

Никто, по-моему, не ожидал, что он решит сам отправиться в этот поход. Ничего зазорного не было бы в том, чтобы он остался в столице. Но он принял иное решение, грозившее ему опасностью и сулившее такие передряги, которые были бы даже слишком тяжелы для него, так не любившего войну.

Почему же он решился на это? Может быть, для того, чтобы самому себе доказать, что и он умеет драться? Но ведь это-то он уже доказал. Или потому, что он завидует мне? Не совсем мне доверяет? Я глянул на Каторна, но лицо того, как всегда, было недовольным, угрюмым.

«Ну что ж, — подумал я про себя. — Все равно размышления на этот счет ничего мне не дадут. А реальность такова, что король Ригенос, пожилой и не очень-то крепкого здоровья человек, намерен идти в поход вместе со своим войском. Отлично. По крайней мере, это придаст войскам мужества. А мне поможет бороться с происками Каторна».

Вскоре совещание закончилось, и мы разошлись по своим спальням. Я сразу же лег, но довольно долго не мог заснуть: лежал и думал об Иолинде, о составленных мной планах сражений, о том, каково это будет — вновь схватиться в бою с элдренами. Последнее я совсем плохо представлял себе (хотя мне сообщили, что «они свирепы и коварны»); я даже не знал толком, как они выглядят, ибо все уговаривали меня, что больше всего они похожи «на злых духов из преисподней».

Я понимал, что вскоре получу ответы хотя бы на большую часть этих моих вопросов. Потом я заснул, и в ту ночь, перед началом нашего похода на Мернадин, снились мне весьма странные сны.

Я видел башни среди болот и озер, огромные армии, странные копья, испускавшие пламя, странные летающие машины из металла, крылья которых на лету хлопали, как у птиц. Я видел чудовищно громадных фламинго, какие-то целиком закрывавшие лицо шлемы, напоминавшие морды страшных зверей…

Я видел драконов — эти огромные рептилии, казалось, изрыгавшие злобу, летели, раскинув крылья, под самыми небесами, покрытыми черными тучами. Я видел какой-то прекрасный город —

весь в руинах, объятый языками пламени. Какие-то существа являлись мне — то были, конечно, не люди, но Боги. Я видел какую-то женщину, имени ее я вспомнить не мог, и рядом с ней рыжеволосого коротышку, который, как мне показалось, некогда был моим другом. Потом все заслонил огромный меч — величественный, черного металла, куда более могущественный, чем тот, которым я владел сейчас, и что самое странное, этот меч и я сам были как бы одним и тем же существом, он был мною!

Потом я увидел скованный льдами мир; по безбрежным ледяным просторам плыли странные величественные суда с наполненными ветром парусами. Суда приводили в движение какие-то черные животные, похожие на китов.

Я видел неведомый мир — а может быть, и другую вселенную? — где не было линии горизонта, где весь воздух переливался, словно мозаика из драгоценных камней, да, собственно, это был вовсе и не воздух, а некое довольно плотное вещество, которое постоянно меняло свои очертания, словно туман, а люди и предметы, лишь на мгновение вынырнув оттуда, сразу же исчезали в этом тумане снова. Это происходило явно не на Земле. Да, конечно, я был на борту космического корабля, и корабль этот плыл по неведомым человеку мирам.

Я видел пустыню, по которой брел, спотыкаясь и плача и чувствуя себя самым одиноким из всех когда-либо существовавших людей.

Я видел тропические леса — чудовищные джунгли, где гигантские травы обвивали стволы первобытных деревьев. Сквозь эти заросли видны были громоздкие, раскиданные как попало строения. Сам же я держал в руках странное оружие — не меч, не ружье, а нечто куда более могущественное…

Я мчался верхом на странных животных и встречался со странными людьми. Видел вокруг себя удивительные места — прекрасные и пугающие одновременно. Сам летал на странных машинах с крыльями и на космических кораблях, сам правил колесницами… Я ненавидел. Я любил. Я создавал империи и уничтожал целые народы. Я многих убил и сам был убит множество раз. Я праздновал победу, я униженно ползал на брюхе. И у меня было

множество имен. Имена эти гулким эхом гудели в моей голове. Их было много, слишком много. Слишком…

И не было мира. Всюду была война, только война.

Глава VIII
В походе

Когда я проснулся утром, сны мои улетели прочь, но настроение было подавленное. Я проявлял явную склонность к рефлексиям и в данный момент желал лишь одного: хорошую крепкую сигару.

Я попытался выкинуть это из головы. Насколько мне было известно, Джон Дэйкер никогда не курил сигар. Он и сорта-то их никогда не различал, а тут мне требовался вполне определенный сорт! С чего бы это? Вспомнилось еще одно имя — Джереми… И оно тоже казалось мне смутно знакомым.

Я сел в постели, увидел знакомые стены, и тут же эти два слова смешались со всеми прочими, являвшимися мне во сне; я встал и прошел в другую комнату, где рабы уже заканчивали готовить для меня ванну. С удовольствием погрузившись в воду, я стал мыться. Голова сразу начала работать более четко, я сосредоточился на том, что мне непосредственно предстояло сделать. И все же ощущение подавленности не проходило, мне даже показалось, что я потихоньку схожу с ума или неведомым путем оказался втянутым в чью-то чужую шизофреническую фантазию.

Когда рабы принесли мои доспехи, я сразу почувствовал себя значительно бодрее. И снова восхитился красотой этих лат и тем удивительным мастерством, с каким они были сделаны.

Итак, наступило время в них облачиться. Сначала я надел нижнее белье, затем — что-то вроде стеганого комбинезона и только тогда стал крепить сами доспехи. И оказалось, очень легко находить нужный ремешок и пряжку, словно мне каждый день приходилось надевать эти латы. Они были в точности по мне. Я прекрасно себя в них чувствовал и совсем не ощущал их веса, хотя, казалось бы, был закован в них с головы до ног.

Затем я отправился в оружейную и снял со стены свой огромный меч. Надел широкий пояс из металлических звеньев и прикрепил смертоносный для остальных меч, не вынимая его из ножен, над левым бедром. Потом отбросил за спину длинный алый султан,

свисавший с кончика шлема, поднял забрало и направился вниз, совершенно готовый к бою.

В Большой гостиной собрались лучшие и знатнейшие представители рода людского, чтобы проститься с Некраналом.

Гобелены, прежде украшавшие стены, были убраны, и вместо них висели сотни ярких флажков. То были боевые флажки сухопутных и морских военачальников, капитанов военных кораблей, рыцарей в замечательно красивых доспехах… Все они уже выстроились, готовые к прощальной церемонии.

На специально устроенном возвышении стоял королевский трон. Возвышение было застлано изумрудно-зеленым ковром, а позади него висели знамена-близнецы двух континентов. Я встал на почетное место непосредственно перед троном и стал со всеми вместе напряженно ждать появления короля. Я был уже подготовлен к тому, что именно должен сказать во время прощального торжества.

Наконец оглушительно взвыли горны, загремели военные барабаны — музыканты расположились на галерее, прямо над нашими головами — и в распахнутые двери вошел король.

Король Ригенос, казалось, стал выше ростом: он был облачен в позолоченные доспехи, а с плеч его до полу ниспадал красно-белый плащ. Стальная с бриллиантами корона была как бы вделана в шлем, увенчивающий теперь его голову. Король с достоинством, неторопливо приблизился к покрытому зеленым ковром возвышению, поднялся на ступени и уселся на трон, спокойно возложив руки с вытянутыми пальцами на подлокотники.

Мы, воздев руки в приветствии, проревели:

— Да здравствует король Ригенос!

А потом преклонили колена. Я — первым. Затем рядом со мной на колени опустилась небольшая группка маршалов, затем — капитаны военных кораблей, затем — сотен пять рыцарей; все вокруг преклоняли колена перед своим королем: князья старинных родов, толпившиеся у стен, различные титулованные особы, придворные дамы, гвардейцы, рабы, богатые землевладельцы, губернаторы различных провинций…

И все смотрели только на короля Ригеноса и Защитника людей Эрекозе.

Король встал и сделал шаг вперед. Я посмотрел на него: лицо его было мрачно и сурово. Я никогда прежде не видел, чтобы он выглядел так «по-королевски». Выглядел он действительно величественным.

Теперь я чувствовал, что основное внимание аудитории приковано к моей персоне. Я, Эрекозе, Вечный Герой, должен был стать спасителем Человечества. ИХ спасителем. Они понимали это.

Исполненный гордости и уверенности в собственных силах, понимал это и я сам.

Король Ригенос, широко раскинув поднятые руки, заговорил:

— Наш Великий Герой Эрекозе, мои маршалы, боевые командиры и рыцари! Мы идем в поход против злобных нелюдей. Нам предстоит сражаться с противником, которого нельзя просто вызвать на поединок. Все гораздо серьезнее: мы объявляем бой тем, кто угрожает уничтожить все Человечество. Мы должны спасти оба наших прекрасных континента от полного разорения и опустошения. Победивший в этой схватке будет править всей Землей. Побежденный станет прахом в земле и подлежит забвению — навсегда, как если бы и не существовал никогда!

Поход, в который мы отправляемся сейчас, будет для нас решающим. Под предводительством великого Эрекозе мы должны захватить порт Пафанаал и прилегающие к нему области. Но это всего лишь первый шаг в предстоящей военной кампании. — Король помолчал немного и снова заговорил. В Большой гостиной и во всем дворце царила полнейшая тишина. — За этим первым сражением последует еще немало боев, чтобы ненавистные Псы Зла были наконец уничтожены раз и навсегда. Мужчины, женщины и даже дети элдренов должны исчезнуть с лица земли. Однажды мы сумели загнать их в норы, в Горы Скорби, но на этот раз мы даже этого не можем допустить, ибо, если выживет хоть кто-то из элдренов, их раса способна возродиться вновь. Так пусть все они обратятся в прах и лишь недолгая память об этом племени напоминает нам, что есть Зло!

По-прежнему стоя на коленях, я поднял над головой стиснутые руки. Я всей душой приветствовал слова короля.

— Эрекозе, о Вечный Герой, — сказал король Ригенос, — ты вечной волею своей заставил плоть свою вновь ожить и явился к нам на помощь в час жестокой нужды! Именно ты воплощаешь в себе ту силу, которая способна уничтожить проклятых элдренов. Ты станешь

священной косой Человечества, которой оно расчистит себе путь среди сорных трав. Ты станешь тем заступом, который поможет людям вскопать жнивье и уничтожить прорастающие там корни нечисти. Ты станешь очистительным огнем, которым Человечество дотла выжжет все их проклятое семя. Ты, Эрекозе, станешь чистым ветром, что разнесет тот пепел, развеет его так, словно элдрены никогда и не рождались на Земле. Ты уничтожишь элдренов!

— Я уничтожу элдренов! — голос мой эхом прогремел по всему огромному залу, словно то говорил некий Бог. — Я уничтожу врагов Человечества! Я пойду против них, вооруженный мечом Канаяной, и сердце мое будет пылать беспощадной ненавистью и жаждой мести, и все элдрены до последнего сгорят в этом огне!

За моей спиной раздался оглушительный крик множества глоток:

— Мы уничтожим всех элдренов до последнего!

Тогда король вскинул голову, глаза его засверкали, а складки у рта стали еще жестче.

— Поклянись в этом! Поклянитесь вы все!

Мы были словно отравлены ядовитыми парами ненависти и жажды насилия, скопившимися в зале.

— Мы клянемся, о король! — проревели мы в один голос. — Мы уничтожим всех элдренов до последнего!

Ненависть в душе короля словно выкипела до дна: глаза его сверкали не так яростно, голос звучал мягче:

— Идите же, Рыцари Человечества, идите — и уничтожьте всех элдренов до единого, очистите землю от этой вонючей падали!

Словно один человек, мы поднялись на ноги и под собственные боевые кличи, браво развернувшись, рядами двинулись из дворцовых залов на залитые солнцем улицы, где гремели приветственные крики тысяч наших сограждан.

Но во время нашего победоносного марша одна мысль не давала мне покоя: где все это время была Иолинда? Почему она не пришла? Конечно, до торжественной церемонии у нас почти не было времени, но все же я надеялся, что она хотя бы записку пришлет мне.

Итак, мы торжественным маршем прошли по заполненным взволнованными жителями улицам Некранала. И солнце играло на наших доспехах и оружии, ярко вспыхивали на ветру тысячи военных стягов и флажков.

И во главе воинов шел я. Эрекозе. Вечный Герой. Защитник Человечества. Мститель. Я шел во главе воинов, и руки мои были воздеты так, словно я уже праздновал победу. Гордость переполняла меня. Я хорошо знал, что такое слава, и сейчас наслаждался ею. Вот так и следовало жить всегда — великим воином, предводителем могучих армий, обладателем грозного оружия!

Мы все ближе подходили к гавани, к ожидающим нас в речном порту кораблям, готовым к отплытию, и вдруг уста мои сами исторгли какую-то песню — то была песня на языке древних предков тех людей, что окружали меня сейчас. Я запел, и песню мою подхватили все воины, что следовали за мной. Загрохотали барабаны, запели трубы, а мы уже не пели — мы громко выкрикивали воинственные слова, мы жаждали крови, крови и смерти, мы жаждали скорее приступить к той кровавой жатве, что должна уничтожить всех жителей Мернадина.

Таков был тот торжественный марш. Таковы были наши общие чувства в тот день.

И не судите меня, пока не узнаете, что было дальше.

Мы достигли порта. Река в этом месте была широкой. У причалов, вытянувшихся вдоль обеих ее берегов, нас поджидали пятьдесят кораблей. На их мачтах развевались флаги пятидесяти храбрых рыцарей человечества.

Здесь кораблей было всего пятьдесят. Основной же флот поджидал нас в Нуносе. Порт Нунос славился по всему миру своей дивной красотой и башнями, украшенными самоцветами.

Жители Некранала выстроились по обоим берегам реки. Они продолжали кричать, приветствуя нас, и мы в итоге привыкли к этому шуму — так человек привыкает, например, к шуму морского прибоя, едва замечая его.

Я рассматривал корабли. На палубах у них были построены специальные помещения, богато украшенные и роскошно убранные внутри. Разноцветные паруса были убраны. А весла, наоборот, были спущены на воду. У каждого наготове сидели по три гребца — могучие, мускулистые и, насколько я мог судить, отнюдь не рабы, а свободные воины.

Возглавлял эскадру королевский корабль — замечательное боевое судно. Там было восемьдесят пар весел и восемь больших мачт.

Перила были окрашены в красный, золотой и черный цвета, до блеска надраенные палубы — в темно-красный; паруса были желтые, синие и оранжевые, а на носу красовалась огромная статуя богини, держащей в вытянутых руках меч и раскрашенной преимущественно алой и серебряной красками. Замечательные, богато отделанные палубные надстройки сверкали свежим лаком изображений героев древности (среди которых был и я, хотя сходство показалось мне весьма приблизительным) и выдающихся побед, одержанных людьми над мифическими чудовищами, злыми духами и богами.

Отделившись от колонны, которая двинулась дальше по причалам, я ступил на покрытые коврами сходни и прошел на королевский корабль. Матросы тут же бросились мне навстречу с приветственными криками.

— Принцесса Иолинда ждет вас в Большой каюте, ваше превосходительство, — сказал один из офицеров.

Я повернулся, чтобы войти в каюту, и остановился на пороге, пораженный ее прекрасным убранством и с улыбкой узрев собственное изображение на ее стене. Потом, пригнув голову, прошел в довольно-таки низенькую дверь и оказался в помещении, стены, пол и потолок которого были сплошь покрыты пушистыми коврами, в основном — красно-черно-золотистой расцветки. Каюта была освещена подвесными светильниками, а в затененном углу, одетая в простое платье и легкий темный плащ, стояла моя Иолинда.

— Я не хотела сегодня утром мешать приготовлениям к торжественной церемонии, — сказала она. — Отец мой сказал, что она очень важна… да и времени очень мало… Так что я подумала, что ты и не захочешь меня видеть…

Я улыбнулся.

— Ты по-прежнему не веришь моим словам, не так ли, Иолинда? Ты по-прежнему не доверяешь мне, когда я говорю, что люблю тебя, что ради тебя готов на все? — Я подошел к ней, обнял и крепко прижал к себе. — Я люблю тебя, Иолинда. Я всегда буду любить тебя.

— А я всегда буду любить тебя, Эрекозе. Ты будешь жить вечно, вот только…

— Для этого не существует никаких доказательств пока, — сказал я тихо. — И, кроме того, я безусловно не являюсь неуязвимым,

Иолинда. Я получил достаточно ссадин и порезов, когда упражнялся во владении оружием, чтобы убедиться в собственной уязвимости.

— Ты не умрешь, Эрекозе.

— Мне было бы куда веселее жить, если бы и я обладал подобной уверенностью!

— Не смейся надо мной, Эрекозе. Я не хочу, чтобы со мной обращались, как с ребенком.

— Но я вовсе не смеюсь над тобой. И отнюдь не воспринимаю тебя как ребенка. Я всего лишь говорю правду. И ты должна посмотреть этой правде в глаза. Должна.

— Ну хорошо, — сказала она. — Я посмотрю правде в глаза. Но я точно чувствую, что ты не умрешь. И все-таки меня мучают такие странные, дурные предчувствия… мне кажется, на нашу долю выпадет нечто более страшное, чем смерть.

— Страхи твои совершенно естественны, однако же лишены оснований. Не стоит печалиться, дорогая моя. Посмотри, как замечательно я вооружен, какие на мне великолепные доспехи, каким могущественным мечом я владею, сколь сильна та армия, во главе которой я стою.

— Поцелуй меня, Эрекозе.

Я поцеловал ее. Поцелуй наш был долог, а потом она высвободилась из моих объятий, бросилась к дверям и исчезла.

Я смотрел ей вслед, подумывая, а не броситься ли за ней, не попытаться ли еще подбодрить, успокоить, но я понимал, что успокоить ее не смогу. В общем-то опасения ее были в известной степени неразумны: они являлись отражением постоянной неуверенности, страха, снедавших душу. Я дал себе обещание, что впоследствии непременно подарю ей ощущение уверенности и безопасности. Внесу в ее жизнь некое постоянство — то, чему она сможет полностью доверять.

Вновь запели горны; на борт поднимался король Ригенос.

Через несколько минут он вошел в каюту, на ходу сдирая с головы свой шлем-корону. По пятам за ним следовал Каторн, как всегда, мрачный.

— Люди, похоже, полны восторга, — заметил я. — Мне кажется, церемония оказала на них именно то воздействие, на которое вы рассчитывали, ваше величество.

Ригенос слабо кивнул в ответ. Все эти действа, видимо, порядком его измотали, и он буквально рухнул в подвесное кресло, сразу потребовав принести вина.

— Скоро отплываем. Когда, Каторн?

— Через четверть часа, сир. — Каторн принял у вошедшего раба кувшин с вином и, наполнив кубок, поднес его королю, мне, однако, вина не предлагая.

Король Ригенос сделал слабый жест рукой:

— Не желаешь ли немного вина, лорд Эрекозе?

Я отказался.

— Там, во дворце, вы произнесли прекрасную речь, ваше величество, — сказал я. — Вы разожгли в нашей крови жажду мести.

Каторн фыркнул.

— Будем надеяться, что жажда эта не угаснет прежде, чем мы встретимся с врагом, — пробурчал он. — В этом походе участвует довольно много новичков. Большинство наших воинов никогда не участвовали в сражениях, и по крайней мере четверть — совсем еще юнцы. Я слышал, что в некоторых подразделениях есть даже женщины.

— Вы что-то мрачно настроены, Каторн, — сказал я.

— Еще бы, — буркнул он. — Весь этот блеск и великолепие хороши, разумеется, для того, чтобы поднять дух мирного населения, но самому-то лучше всей этой мишуре не верить. А вам-то следовало бы знать, господин мой, что такое настоящая война! Настоящая война — это боль, страх, смерть. И ничего больше.

— Вы забываете, — возразил я, — что память о моем прошлом в душе моей скрыта густым туманом…

Каторн снова фыркнул и залпом допил вино. Потом с грохотом поставил кубок на стол и вышел со словами: «Велю отдавать швартовы…»

Король прокашлялся.

— Вы с Каторном… — начал было он, но замялся. — Вы…

— Да, дружбы у нас не получилось, — договорил я за него. — Мне не нравится его мрачность, самоуверенность и подозрительность, а он, в свою очередь, подозревает меня в том, что я элдренский шпион, предатель, оборотень.

Король Ригенос задумчиво кивнул.

— Да, он что-то говорил мне в этом роде. — Он отхлебнул вина. — Я объяснил ему, что видел собственными глазами, как ты явился передо мной — из пустоты. Что нет ни малейших сомнений в том, что ты именно Эрекозе, что нет никаких причин не доверять тебе — но он упорствует… Почему, как тебе кажется? Он вполне разумный, хладнокровный воин.

— Он завидует мне, — сказал я. — Я отнял у него власть.

— Но ведь он вместе со всеми соглашался с тем, что нам нужен новый кумир, способный вдохновить людей, подвигнуть их на битву с элдренами!

— В общем, возможно, и соглашался, — сказал я. И пожал плечами. — Все это не так уж важно, ваше величество. По-моему, мы с ним достигли некоего компромисса.

Но король вроде бы не слышал меня: он был погружен в собственные мысли.

— И, кроме того, — прошептал он, — это, возможно, вовсе не имеет отношения к войне.

— Что вы хотите этим сказать?

Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Это, возможно, имеет отношение скорее к делам любовным, Эрекозе. Каторну всегда очень нравилась Иолинда.

— Вполне возможно, вы и правы. И снова я ничем не могу ему помочь. Иолинда, по всей видимости, предпочитает мое общество.

— Но Каторн, возможно, считает, что она просто ослеплена любовью ко всеобщему идеалу, а не к настоящему, живому мужчине.

— Сами вы тоже так считаете, ваше величество?

— Не знаю. Об этом я с Иолиндой еще не говорил.

— Ну что ж, — заключил я, — в таком случае узнаем, когда вернемся.

— Если вернемся, — проговорил король. — В этом отношении, должен признаться, я разделяю точку зрения Каторна. Избыточная самоуверенность частенько бывала главной причиной поражений.

— Вероятно, вы правы, — согласился я.

Снаружи донеслись громкие возгласы толпы; корабль резко дрогнул и закачался, швартовы были отданы, якоря подняты.

— Пойдем, — сказал король Ригенос. — Нам нужно выйти на палубу. Этого от нас ждут. — Он поспешно допил вино и снова

водрузил свой шлем-корону на голову. Мы вместе вышли на палубу, и сразу же приветственные крики толпы стали громче, заполняя собой весь воздух вокруг.

Мы стояли с приветственно поднятыми руками, а барабаны уже начали неспешно отбивать ритм гребцам. Я заметил на берегу Иолинду: она сидела в своем паланкине, чуть боком к кораблю, и не сводила с него глаз. Я помахал ей, она тоже подняла руку, прощаясь со мной.

— До свидания, Иолинда, — прошептал я.

Каторн злобно и насмешливо покосился на меня, проходя мимо; он направлялся проверить гребцов.

— До свидания, Иолинда.

Ветра не было. Я буквально истекал потом в своих доспехах под палящими лучами яркого солнца, плывущего по безоблачному небу.

Я продолжал махать рукой провожающим нас, не сводя глаз с Иолинды, которая сидела, гордо выпрямившись, в своем паланкине, а потом мы вошли в излучину реки, и теперь видны были только высокие башни и шпили Некранала, да откуда-то издали доносились радостные крики горожан.

Мы плыли вниз по течению реки Друнаа, быстро продвигаясь к находящемуся в устье ее порту Нунос и ожидающему нас там флоту.

Глава IX
В Нуносе

Ах, эти слепые кровавые войны…

— Но послушайте, епископ, вы никак не можете понять, что сложные вопросы человеческих отношений решаются с помощью активных действий…

Хрупкие доводы, бессмысленные мотивы, цинизм, ошибочно принимаемый за практичность…

— Не хочешь ли ты отдохнуть, сын мой?

— Я не могу отдыхать, святой отец: ведь орды проклятых мусульман уже на берегах Дуная…

— Мир…

— Но удовлетворятся ли они перемирием?

— Возможно.

— Ну, во всяком случае, Вьетнама-то им будет недостаточно. Им будет мало, пока в их власти не окажется вся Азия… А затем — и весь мир…

— Но мы же не звери.

— Мы должны уподобиться диким зверям. Они-то ведь давно им уподобились.

— Но если бы мы попытались…

— Мы уже пытались.

— Разве?

— Пламя можно погасить лишь встречным огнем.

— Разве другого способа нет?

— Другого — нет.

— Но дети…

— Другого способа нет.

Ружье. Меч. Бомба. Лук. Вибропистолет. Огнемет. Боевой топор. Дубинка.

— Другого способа нет…

Я плохо спал в ту ночь на борту флагманского корабля под дружный плеск весел, барабанный рокот, поскрипывание шпангоутов

и шум речной волны. В памяти мелькали обрывки разговоров, какие-то фразы, чьи-то лица мучили меня, не давая уснуть. Тысячи исторических событий прошли перед моим мысленным взором. Миллионы различных лиц. Но ситуация в целом не менялась. И основной довод, повторенный на бесчисленном множестве языков, оставался прежним.

Лишь когда я, сбросив с себя этот полусон, решительно поднялся, в голове моей немного прояснилось, и я поспешил на палубу.

Что же я за существо? Почему мне все время кажется, что я навечно приговорен скитаться из одной исторической эпохи в другую, всюду исполняя одну и ту же роль? Что за шутку — поистине космического масштаба! — сыграла со мной судьба?

Прохладный ночной воздух остудил мое лицо; лунный свет пробивался сквозь легкие облачка длинными лучами, и мне из-за движения корабля лучи эти вскоре стали казаться спицами какого-то гигантского колеса. Словно колесница неведомого бога провалилась сквозь непрочный настил облаков и увязла в более плотном воздухе у поверхности земли.

Я посмотрел на воду и увидел, как облака отражаются в ней, как они раздвигаются, пропуская на землю лунный свет. Ту же самую луну я видел и в бытность свою Джоном Дэйкером. С тем же равнодушным видом и спокойствием наблюдала она за ужимками и прыжками людей на той планете, вокруг которой обращалась сама. Сколько несчастий видела эта луна? Сколько трагедий? Сколько нелепых войн и завоеваний? Сколько сражений и убийств?

Облака вновь сошлись плотнее, и воды реки почернели, словно желая сказать мне, что я никогда не получу ответа на мучающие меня вопросы.

Я стал смотреть по сторонам. Мы проплывали мимо густого леса. Вершины деревьев отчетливо прорисовывались на фоне более светлого неба. Время от времени слышались крики каких-то ночных животных, и мне показалось, что в криках этих слышится тоска одиночества, растерянность, какая-то жалоба. Я вздохнул, оперся на перила и стал смотреть, как светлеет сероватой пеной вода под дружными ударами весел.

Видимо, лучше мне смириться с тем, что я снова вынужден сражаться. Снова? Но в каких сражениях я участвовал раньше? Где?

Что означают мои невнятные воспоминания? Каково значение моих снов? Единственный простой ответ на этот вопрос — ответ с точки зрения прагматика (и, уж конечно, такой, какой лучше всего поймет Джон Дэйкер) — заключается в том, что я сошел с ума. Мое воображение было перегружено. Может быть, я никогда и не был Джоном Дэйкером? Может быть, и он тоже всего лишь плод моего больного воображения?

Я должен сражаться снова.

Вот и все, что можно на этот счет сказать. Я уже согласился играть эту роль и должен доиграть спектакль до конца.

В голове у меня начало проясняться, как только зашла луна и восток начал потихоньку светлеть.

Я смотрел, как восходит солнце, как огромный алый диск с величественным спокойствием выплывает в небеса, словно желая знать, что это за звуки тревожат тишину, царящую вокруг, — чей это грохот барабана, скрип весел?

— Не спится, лорд Эрекозе? Я вижу, вам не терпится поскорее в бой.

Только шуток Каторна мне и не хватало.

— Я решил посмотреть, как восходит солнце, — сухо сказал я.

— И как садится луна? — Что-то в голосе Каторна было такое, чего я сразу не понял. — Вам, верно, вообще ночь нравится, лорд Эрекозе?

— Иногда да, — ответил я. — Она полна покоя. Ночью мало что способно помешать думать, — последние слова я произнес с нажимом.

— Да, это так. Но в таком случае у вас много общего с нашими врагами…

Я нетерпеливо обернулся к нему, вглядываясь в его темное лицо, и сердито спросил:

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду лишь то, что и элдрены тоже вроде бы склонны ночь предпочитать дню.

— Ну, если в отношении меня это окажется правдой, господин мой, то в грядущей войне это будет большим преимуществом: ведь тогда я смогу сражаться с ними ночью столь же успешно, как и днем.

— Надеюсь на это, господин мой.

— Почему вы так не доверяете мне, лорд Каторн?

Он пожал плечами:

— Разве я сказал, что не доверяю вам? Мы ведь заключили сделку, помните?

— Да, и я свое слово держу.

— А я свое. Я стану подчиняться вашим приказам, можете в этом не сомневаться. Какие бы сомнения у меня ни возникли, я стану вам подчиняться.

— В таком случае, прошу вас прекратить бесконечные намеки и подкалывания. Они наивны. И совершенно бессмысленны.

— Для меня они исполнены вполне определенного смысла, лорд Эрекозе. Они помогают мне сдерживать себя, направляют мой гнев в иное русло.

— Я уже дал клятву Человечеству, — сказал я ему. — И буду служить королю Ригеносу. У меня достаточно тяжелая ноша, лорд Каторн…

— От всей души вам сочувствую.

Я отвернулся. Я вел себя как последний дурак, взывая к сочувствию Каторна, чуть ли не извиняясь перед ним за то, что слишком обременен различными проблемами.

— Благодарю вас, лорд Каторн, — холодно сказал я. Корабль снова стал огибать излучину, и мне показалось, что впереди уже можно разглядеть море. — Весьма благодарен вам за то, что вы меня понимаете. — Я шлепнул себя по щеке. Корабль проплывал сквозь тучу мошкары. — Эти проклятые насекомые действуют на нервы, не правда ли?

— Может быть, было бы лучше, если бы вы не позволяли им действовать вам на нервы и не обращали на них внимания, лорд Эрекозе, — возразил Каторн.

— Я думаю, что вы правы, лорд Каторн. Я, пожалуй, спущусь вниз.

— С добрым вас утром, лорд Эрекозе.

— И вас с добрым утром, лорд Каторн.

И я оставил его стоять на палубе и мрачно обозревать окрестности.

При других обстоятельствах, — подумал я, — *я бы этого человека убил.*

Но при теперешних обстоятельствах, похоже, скорее он убьет меня, во всяком случае, сделает для этого все возможное. Интересно, прав ли Ригенос в том, что у Каторна для зависти две причины? Во-первых, слава великого воина. Во-вторых, любовь ко мне Иолинды.

Я умылся и надел свои доспехи, решив выкинуть из головы все эти бессмысленные сомнения. Потом, услышав крики рулевого, пошел посмотреть, что происходит.

Показался Нунос. Все мы сгрудились на палубе, чтобы полюбоваться видом этого великолепного города. Мы были буквально ослеплены сиянием, исходившим от его башен, ибо они действительно были отделаны самоцветами. Над городом горело ослепительное сияние, необъятная белая аура, вспыхивавшая сотнями разноцветных огоньков — зеленых, фиолетовых, розовых, розовато-лиловых, охряных, багровых; огоньки мерцали и переливались в яркой дымке, созданной сверканием миллионов драгоценных камней.

А позади Нуноса раскинулось море — спокойное, сверкающее под лучами солнца.

Чем ближе мы подплывали к Нуносу, тем шире становилась река. Именно здесь она сливалась с морем. Берега совсем раздвинулись, и мы собрались у правого борта, ибо именно с этой стороны высился Нунос. Прежде, близ устья реки, мы видели и другие города и селения, раскиданные по лесистым холмам в живописном беспорядке, но все они казались ничтожными по сравнению с огромным портом, в гавань которого мы входили.

Чайки и прочие морские птицы начали сновать над самой палубой, надеясь на возможную поживу. Могучие весла двигались все медленнее, и вскоре мы почувствовали приливную волну. Остальные корабли уже встали на якорь в ожидании лоцмана, а наш флагманский корабль медленно вошел в гавань, неся на мачтах два флага: флаг короля Ригеноса и флаг Эрекозе — серебряный меч на черном поле.

Снова послышались приветственные крики. Сдерживаемые солдатами в доспехах из стеганой кожи, местные жители вытягивали шеи, желая непременно увидеть, как причаливает королевский корабль. А когда я сошел на причал, то послышалось как бы пение могучего хора, повторяющего одну и ту же музыкальную фразу.

Сперва это озадачило меня, но потом я разобрал, что за слово они повторяют нараспев:

— ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ! ЭРЕКОЗЕ!

Я поднял правую руку в приветствии и чуть не споткнулся, потому что шум стал поистине оглушающим. Я с трудом удерживался от того, чтобы не заткнуть уши!

Принц Бладаг, правитель Нуноса, приветствовал нас с должной почтительностью и даже зачел вслух приветственную речь, которую, впрочем, расслышать было совершенно невозможно из-за криков толпы, а потом нас повели по улицам города ко дворцу принца, где мы собирались ненадолго задержаться.

Украшенные самоцветами башни не разочаровали меня и вблизи, хотя я заметил, что дома вокруг, довольно приземистые и неказистые, составляют с ними разительный контраст. Многие из этих домов были вряд ли намного лучше жалких хижин. Становилось совершенно ясно, откуда взялись деньги на то, чтобы украсить городские башни рубинами, жемчугом и изумрудами…

В Некранале я не заметил столь разительной пропасти между богатством и бедностью. То ли там я был слишком поглощен совершенно новым для меня окружением, то ли сама столица тщательно заботилась о своем облике и скрывала любые признаки бедности, ежели таковые вдруг проявлялись.

А здесь я повсюду видел людей в лохмотьях и эти лачуги — хотя, надо сказать, бедняки радовались и выкрикивали приветствия так же громко, как и все остальные. Если не громче. Возможно, в бедности своей они винили исключительно элдренов.

Принц Бладаг был мужчиной лет сорока пяти, с болезненным цветом лица, с длинными вислыми усами и на редкость невыразительными глазами. Повадками он напоминал суетливого стервятника. Я ничуть не удивился, когда узнал, что принц не присоединится к нам в походе, а останется в тылу «защищать город». Точнее, свое собственное золото, подумалось мне.

— А это мои подданные, — бормотал он, когда перед нами распахнулись украшенные самоцветами ворота дворца (я отметил про себя, что камни сияли бы куда ярче, если б с них смыли пыль и грязь). — А это мой… о, мой дворец, разумеется, принадлежит моему королю! И вам, конечно, тоже, лорд Эрекозе. И все, что вам угодно, я…

— Какой-нибудь горячей пищи — по возможности, попроще, — потребовал король Ригенос, выражая и мои чувства на этот счет. — И чтобы никаких торжественных обедов, Бладаг! Я ведь предупреждал, чтобы ты не устраивал по этому поводу шума.

— А я и не устраивал ничего, сир, — Бладаг, казалось, совершенно успокоился. Мне показалось, что он из тех, кто не особенно любит тратить денежки. — Ровным счетом ничего.

Еда действительно оказалась очень простой, однако нельзя сказать, чтобы вкусной. Мы сели за стол вместе с принцем Бладагом, его пышнотелой, глупой женой, принцессой Ионантой, и двумя их тощими отпрысками. Меня, пожалуй, даже забавлял контраст между тем впечатлением, которое производил город издали, и жалкой суетливостью его правителя, жившего в роскоши среди нищих лачуг.

Вскоре явились капитаны боевых кораблей, которые прибывали в Нунос в течение нескольких последних недель, и состоялся краткий военный совет. Каторн весьма сжато и схематично изложил им тот план сражения, который мы вместе выработали еще в Некранале.

Среди прибывших на совет командиров были и популярнейшие герои обоих континентов — граф Ролдеро, крупный и сильный человек, чьи доспехи простотой своей скорее напоминали солдатские (подобно, впрочем, и моим собственным); принц Малихар и его брат, герцог Изак, участники несметного количества боев и предводители многих военных кампаний; граф Шанура из Каракоа, одной из самых дальних и самых отсталых провинций. Длинные волосы Шануры были заплетены в три косы, свисавшие вдоль спины. Его бледное лицо казалось желтоватым и было покрыто множеством старых шрамов. Говорил он редко и лишь для того, чтобы озадачить собеседников каким-либо чрезвычайно сложным вопросом. Сперва меня несколько поразило такое разнообразие типов внешности и костюмов. «Наконец-то, — усмехнулся я про себя, — человечество сумело объединиться, чего нельзя было сказать о той эпохе, которую покинул Джон Дэйкер». Возможно, впрочем, что объединиться их заставил лишь общий, грозящий им всем враг. А в условиях мира единству этому вновь будет грозить серьезный ущерб. Граф Шанура, например, явно без особого восторга подчинялся приказам короля Ригеноса, видимо, считая того чересчур мягкотелым.

И все же я надеялся, что мне удастся обойтись без раздоров в офицерском корпусе, на время военных действий по крайней мере, — слишком уж различные входили в него офицеры.

Наконец с обсуждением общих планов было покончено, и я уделил некоторое время каждому из командиров в отдельности. Затем король Ригенос, посмотрев на бронзовые часы с шестнадцатью делениями, стоявшие на столе, сказал:

— Скоро выходить в море. Все ли корабли готовы к походу?

— Мои совершенно готовы и уже давно, — сердито откликнулся граф Шанура. — Я уж подумывал, что они так и сгниют, не дождавшись настоящего боя.

Остальные заверили короля, что их корабли будут готовы к отплытию менее чем через час.

Мы с Ригеносом поблагодарили Бладага и его семейство за оказанное гостеприимство; принц и его жена теперь вели себя куда более приветливо, ожидая, что вскоре мы покинем Нунос.

В гавань нас отвезли в повозках и паланкинах, и мы чрезвычайно быстро погрузились на корабль. Оказалось, он называется «Иолинда», чего я ранее не заметил, поскольку мысли мои были заняты живой женщиной, носившей это имя. Остальные корабли уже все собрались в гавани, и моряки использовали краткий отдых перед предстоящим походом, а рабы занимались тем, что доставляли на борт недостающую провизию и вооружение.

Я все еще ощущал некоторую подавленность, бывшую следствием тех странных полубредовых снов, что мучили меня ночью, однако настроение у меня начало улучшаться: я уже предвкушал сражение с врагом. Впереди был еще целый месяц пути до Мернадина, но я уже заранее упивался пьянящим ощущением предстоящих боев. По крайней мере, это заставит забыть об остальных проблемах. Я невольно вспомнил, что в «Войне и мире» Толстого Пьер говорил Андрею нечто подобное: что-то вроде того, что каждый стремится забыть о существовании смерти по-своему. Некоторые плачут, как женщины, некоторые отчаянно рискуют, некоторые пьют, а некоторые, как это ни странно, рвутся в бой. Что ж, думал я вовсе не о том, что могу просто умереть, погибнуть в бою, — нет, скорее наоборот, меня мучили мысли о том, что я могу жить вечно. Именно эти мысли не давали мне покоя, ибо то была бы вечная жизнь в вечных сражениях.

Узнаю ли я когда-нибудь правду о самом себе? Я не был так уж уверен, что хочу ее узнать. Но те мысли о вечной жизни пугали меня. Какой-нибудь Бог, возможно, и принял бы эту вечную жизнь. Но я не был Богом. Я был человеком. Я знал, что я человек. Все мои проблемы, амбиции, чувства были человеческого масштаба — за исключением одного неотступного вопроса: откуда у меня это обличье, как я стал Эрекозе и почему именно я? А что, если я на самом деле вечен? А что, если жизнь моя не имеет ни начала, ни конца? Сама природа Времени, казалось, была поставлена под сомнение. Я более не мог воспринимать Время линейно, подобно Джону Дэйкеру. И с соотношением Времени и Пространства тоже что-то ничего не получалось.

Мне нужен был кто-то из философов, магов, ученых — только такой человек смог бы помочь мне разрешить эту проблему. Иначе мне лучше было бы выбросить ее из головы. Но мог ли я выбросить ее из головы? Я непременно должен попытаться это сделать.

Морские птицы с пронзительными криками кружили над кораблями, вспугнутые хлопаньем парусов, наполнявшихся жарким ветром, как раз подувшим с суши. Поскрипывали лебедки — это поднимали якоря; швартовы повисли на кабестанах, и огромный флагманский корабль «Иолинда» гордо вышел из гавани. Весла его ритмично поднимались и опускались, и гребцы работали все более дружно по мере того, как корабль удалялся от Нуноса в открытое море.

Глава X
Появляются элдрены

Наш флот был огромен и включал самые различные суда: некоторые из них были похожи (с точки зрения Джона Дэйкера) на быстроходные суда XIX века, некоторые — на китайские джонки, некоторые — на суда Средиземноморья, оснащенные треугольными парусами, а некоторые очень походили на каравеллы времен королевы Елизаветы. Суда, сгруппировавшись по принадлежности к определенному княжеству или народности, как бы символизировали разнообразие и единство человеческих племен перед лицом общего врага. Я ими гордился.

Полные энтузиазма, готовые к бою и уверенные в победе, мы направлялись к Пафанаалу — воротам континента Мернадин.

И все-таки мне хотелось узнать об элдренах поподробнее. Мои туманные воспоминания о жизни того, прежнего, Эрекозе хранили лишь ощущение бесконечных сражений против них да еще, пожалуй, какое-то смутное чувство душевной боли. И все. Я слышал, что глаза у них лишены белков и что в этом заключается основное отличие их облика от облика людей. Говорили также, что они нечеловечески красивы, нечеловечески безжалостны и обладают нечеловеческим сексуальным аппетитом. Было известно, что в среднем они чуть выше людей, у них продолговатые черепа, высокие скулы и чуть раскосые глаза. Но этих сведений было мне недостаточно. Ни на одном из двух континентов не было ни единого изображения элдренов: считалось, что их изображения приносят несчастье, особенно запрещалось изображать зловредные элдренские глаза.

Во время плавания капитаны различных судов часто посещали наш корабль, либо перебираясь с борта одного судна на борт другого по перекинутому канату, либо переправляясь на шлюпке — в зависимости от погоды. Мы выработали нашу основную стратегию и на непредвиденный случай тоже запаслись различными планами. В целом идея была моя, и, похоже, подобный подход представлялся остальным совершенно новым, однако они весьма скоро во всем разобрались, и дальше мы уже все вместе лишь обсуждали отдельные,

вполне конкретные детали. Каждый день команды кораблей проводили учения, отрабатывая свою роль в случае внезапного появления флота элдренов. Если же этот флот так и не покажется, то мы намеревались послать часть наших кораблей прямо в Пафанаал и немедленно начать штурм города. И все-таки мы прежде всего рассчитывали, что элдрены вышлют по крайней мере часть своих кораблей навстречу; на этом, собственно, и строились в основном наши стратегические планы.

Мы с Каторном по возможности избегали друг друга. В течение первых дней плавания между нами не происходило более словесных поединков, как в Некранале или в начале похода. Я был с Каторном очень вежлив — если все же возникала необходимость общения, — а он, насколько это было возможно при его грубоватых манерах, был вежлив по отношению ко мне. Король Ригенос, видимо, был рад этому. Он даже в какой-то степени успокоился и сообщил мне, что весьма приветствует наше взаимное с Каторном решение более не ссориться. Разумеется, никакого такого решения мы не принимали. Мы просто временно решили забыть о наших с ним разногласиях до тех пор, пока не предоставится возможности решить все сразу и навсегда. Я прекрасно понимал, что должен вызвать Каторна на поединок, иначе он сам непременно попытается убить меня.

Я, пожалуй, успел привязаться к графу Ролдеро из Сталако, хотя он, надо сказать, выказывал наибольшую кровожадность, когда речь заходила об элдренах. Джон Дэйкер наверняка назвал бы его реакционером, но и Джону Дэйкеру граф Ролдеро понравился бы. Это был человек огромного роста, мужественный, честный, который всегда говорил то, что думает, и ожидал того же от других, проявляя при этом поразительную терпимость и надеясь, что и остальные проявят ее по отношению к его собственной точке зрения. Когда я однажды сообщил ему, что он, по всей вероятности, признает лишь два цвета — черный и белый, он устало улыбнулся и ответил мне так:

— Эрекозе, друг мой, если бы ты прожил столько, сколько я, и видел все то, что случилось за мою долгую жизнь на нашей Земле, ты бы тоже воспринимал все либо в черном, либо в белом цветах. О людях можно судить только по их поступкам — не по словам. Они совершают поступки либо во имя добра, либо во имя зла, и те, кто совершает их во имя зла, плохие люди, а те, кто не жалеет своей жизни во имя добра, хорошие.

— Но ведь люди порой, сами того не ведая и имея самые дурные намерения, могут совершить добро — и наоборот, они могут совершить страшное зло, имея самые добрые побуждения, — сказал я, приятно пораженный его уверенностью в том, что он жил дольше и видел больше, чем я, — хотя, по-моему, он все-таки демонстрировал мне эту свою уверенность шутки ради.

— Вот именно! — воскликнул граф Ролдеро. — Как раз об этом я и говорю! Мне совершенно безразлично, как я уже говорил, что именно люди заявляют на словах. Я сужу их по результатам их действий. Вот возьмем, например, элдренов…

Я засмеялся и, подняв руку, прервал его:

— Я уже знаю, какие они зловредные и хитрые. Мне каждый твердит об их хитрости, коварстве и колдовстве.

— Ах вот в чем дело! Ты, видимо, решил, что я вообще всех элдренов ненавижу. Это совсем не так. Насколько я знаю, по отдельности они могут быть удивительно добры к своим детям, способны горячо любить своих жен, хорошо обращаться со своими животными. Я же не говорю, что все они и каждый по отдельности какие-то чудовища. Их следует непременно рассматривать целиком, как некую общую силу — и действие этой общей силы расценивать по результатам. Наше отношение к ним должно основываться на понимании общей угрозы, исходящей от них: угрозе того, что они попытаются удовлетворить свои амбиции.

— И как же ты сам оцениваешь эту «общую силу»? — спросил я.

— Прежде всего, они не люди, а потому и цели у них не людские. Следовательно, исходя из собственных интересов, они непременно должны стремиться уничтожить нас как противостоящую силу. А это значит, что весь их род угрожает роду человеческому уже самим своим существованием. Как, впрочем, и мы угрожаем их роду. Они прекрасно это понимают и постараются стереть нас с лица земли. Мы тоже прекрасно понимаем это и должны постараться стереть с лица земли их прежде, чем они сумеют нас уничтожить. Понимаешь?

Эти доводы казались достаточно убедительными для того прагматика, каковым, согласно моим собственным представлениям, я являлся. Но тут в голову мне пришла одна мысль, которой я и поделился с Ролдеро:

— А ты случайно не забыл об одной простой вещи? Ты же сам сказал: элдрены не являются людьми. Но допускаешь, что цели и интересы у них вполне человеческие…

— Они тоже из плоти и крови, как и мы, — сказал он. — Они в такой же степени животные, как и мы. И у них в точности те же инстинкты и устремления, как и у нас.

— Но ведь многие разновидности животных умудряются жить бок о бок в относительной гармонии, — напомнил я ему. — Львы не ведут постоянной войны с леопардами, лошади — с коровами, и даже внутри собственного вида животные редко убивают друг друга, даже если им этого и очень хочется.

— Но они бы непременно делали это, — ничуть не смущаясь, заявил граф Ролдеро, — непременно, если бы способны были предвидеть события. Они бы убивали друг друга, если бы способны были оценить, с какой скоростью соперничающий с ними род поглощает запасы пищи, размножается, расширяет свои территории.

Я сдался. Я чувствовал, что мы оба ступили на зыбкую почву. Мы сидели с Ролдеро в моей каюте и через открытую настежь дверь любовались очаровательным закатом и спокойным морем Я налил графу еще вина из своих быстро уменьшающихся запасов (я уже привык напиваться незадолго до того, как лечь в постель, чтобы сон мой не нарушали всякие там видения и воспоминания).

Граф Ролдеро залпом выпил вино и поднялся.

— Поздно уже. Мне пора возвращаться на корабль, иначе команда моя решит, что я утонул, и отпразднует сие великое событие. Я вижу, у тебя совсем мало вина, мой друг. В следующий раз захвачу с собой парочку бурдюков. Ну, дорогой Эрекозе, прощай. В целом, я уверен, ты мыслишь правильно. Но что бы ты там ни говорил, а с сентиментальностью тебе еще надо бороться.

Я улыбнулся.

— Спокойной ночи, Ролдеро. — Я поднял свой наполовину опустошенный кубок. — Мы с тобой еще выпьем за мир, когда все это будет кончено!

Ролдеро фыркнул.

— О да, мир — как между коровками и лошадками! Спокойной ночи, друг мой! — и он удалился, сопровождаемый раскатами собственного хохота.

Изрядно захмелев, я содрал в себя одежду и рухнул в постель, глупо хихикая над прощальными словами Ролдеро насчет коровок и лошадок. Он прав! Кому захочется вести подобную жизнь? Война, война! Ура! И я швырнул свой кубок в раскрытую дверь каюты, захрапев, по-моему, еще до того, как глаза мои успели закрыться.

И мне приснился сон.

Но на этот раз мне снился тот кубок, что я швырнул в открытую дверь каюты. Мне казалось, я вижу, как его перекатывают волны, как поблескивает его позолота и вделанные в стенки драгоценные камни. А потом течение подхватывает его и уносит далеко-далеко от наших кораблей, в открытое море, в такие края, куда никогда не приплывают суда, где никогда не бывало людей, и след его там теряется.

В течение всего месяца, что мы плыли к берегам Мернадина, море было спокойным, ветер — попутным, а погода в общем тоже вполне благоприятной.

Уверенность наша в собственных силах росла. Благополучное путешествие мы сочли добрым знаком. Настроение у всех было отличное, за исключением Каторна, конечно, который по-прежнему ворчал, что это всего лишь затишье перед бурей и что мы еще хлебнем лиха, когда встретимся с элдренами лицом к лицу.

— Они ведь хитрые, — твердил он. — Хитрые и подлые. Они, вполне возможно, уже все знают про нас и замышляют такие маневры, каких мы совсем не ожидаем. Может, это из-за них и погода такая стоит…

При этих словах я никак не мог сдержать смех, и он, разумеется, тут же разъярился.

— Мы еще посмотрим, лорд Эрекозе! Посмотрим!

И как раз на следующий день возможность посмотреть на элдренов нам представилась.

Судя по картам, мы приближались к берегам Мернадина. Мы увеличили число вахтенных, перестроили корабли из походного порядка в боевой, проверили вооружение и немного сбавили скорость.

Утро текло медленно: мы ждали, обвисли флаги на мачтах, застыли поднятые весла.

И где-то около полудня дозорный с верхушки мачты крикнул:

— Корабли прямо по курсу! Пять парусников!

Король Ригенос, Каторн и я стояли на носу, вглядываясь в морскую даль. Я взглянул на короля и нахмурился:

— Пять кораблей? Всего пять?

Король Ригенос покачал головой:

— Возможно, это вообще не элдрены…

— Да нет, это суда элдренов, сразу видно, — проворчал Каторн. — Да кто тут еще станет плавать — в этих водах? Никто из людей никогда не торговал с этими тварями!

И тут снова донесся крик дозорного:

— Вижу десять парусников! Двадцать! Это флот — флот элдренов! Они идут к нам на большой скорости!

Мне показалось, что и я вижу, как что-то белое мелькнуло на горизонте. Может, всего лишь гребень волны? Нет, это парус, я был уверен.

— Посмотрите, — сказал я королю, — вон там. — И показал, куда нужно смотреть.

Ригенос прищурился и прикрыл глаза рукой от солнца.

— Ничего не вижу! Вам это просто кажется. Не могут они идти с такой скоростью…

Каторн тоже вглядывался в указанном направлении.

— Да, вижу! Парусник! Но до чего быстро идет! Клянусь морским божеством — не иначе как колдовство им помогает!

К предположению о колдовстве король Ригенос отнесся скептически.

— У них суда гораздо легче наших, — напомнил он Каторну, — да и ветер им благоприятствует.

Но Каторна было не переубедить.

— Конечно, все может быть… Может быть, вы и правы, сир…

— А раньше они колдовством пользовались? — спросил я Каторна. Я готов был поверить чему угодно. Мне это было просто необходимо, если я должен был верить тому, что произошло со мной самим!

— Еще бы! — сплюнул Каторн. — Сколько угодно! Самым различным! Ух, я прямо-таки чую: колдовством пахнет!

— Когда именно? — продолжал расспрашивать я. — И каким колдовством? Мне необходимо знать это, чтобы иметь возможность противостоять неожиданности.

— Иногда они могут становиться невидимками. Говорят, что именно благодаря этому они и смогли захватить Пафанаал. Они могут ходить по воде… летать по воздуху…

— И вы видели, как они это делают?

— Сам не видел. Но много слышал об этом. От таких людей, которые, как я знаю, не лгут.

— А эти люди сами испытали на себе воздействие их колдовства?

— Нет. Но они хорошо знали людей, которым от этого колдовства досталось.

— Значит, это всего лишь слухи, — заключил я.

— А, да говорите что угодно! — разъярился Каторн. — Можете не верить мне, хотя сами-то вы, лорд Эрекозе, только благодаря колдовству здесь объявились, заклятием вызваны были… А знаешь, Эрекозе, почему я поддержал идею о том, чтобы призвать тебя в наш мир? Потому что чувствовал, что нам без колдовства, что будет посильнее ихнего, не обойтись! Разве ж это не колдовской меч у тебя? Да и сам ты хорош!

Я пожал плечами:

— Подождем. Посмотрим, что у них там за колдовство.

Король Ригенос крикнул дозорному:

— Сколько у них всего кораблей, видишь?

— Примерно раза в два меньше, ваше величество. Никак не больше. И, по-моему, больше не будет. Наверное, это весь их флот.

— Похоже, они пока что остановились, — прошептал я королю. — Спросите у дозорного, движутся ли корабли элдренов.

— Эй, дозорный, а что, элдренские корабли остановились? — крикнул король Ригенос.

— Да, ваше величество. Застыли на месте. Они вроде бы и паруса свертывают.

— Они ждут, когда мы подойдем поближе, — пробормотал Каторн. — Хотят, чтобы мы первыми в атаку пошли. Ну что ж, мы тоже подождем.

Я кивнул:

— Да, мы именно об этом и договаривались.

И мы стали ждать.

Солнце село, наступила ночь, а мы все ждали, и лишь, изредка на горизонте заметен был легкий серебристый проблеск — то ли парус,

то ли гребень большой волны. Матросы вплавь перебирались с одного нашего корабля на другой: держали связь.

Мы продолжали ждать, забывшись ненадолго сном и пытаясь понять, пойдут ли элдрены в атаку или нет.

Лежа без сна в своей каюте, я слышал, как Каторн меряет шагами палубу. Я же пытался вести себя разумно и постараться сберечь силы для грядущего дня. Из всех нас больше всего нетерпения проявлял Каторн: он прямо-таки рвался в бой с элдренами. Я отчетливо сознавал, что, если бы все зависело от него одного, мы бы уже сейчас на всех парусах мчались навстречу элдренам, выбросив за борт все наши тщательно разработанные планы.

Но, к счастью, руководил всем я. Даже король Ригенос не имел права изменять что-либо в моих приказах — разве что в исключительном случае.

Я отдыхал, но уснуть так и не мог. Я получил первое впечатление об удивительном мастерстве элдренов, но так и не видел пока ни их кораблей, ни того, какова может быть их команда.

Я лежал и молил небеса, чтобы сражение все-таки началось поскорее. Флот в два раза меньше нашего! Я холодно улыбнулся. Я знал, что мы непременно выиграем это сражение.

Но когда же элдрены пойдут в атаку?

Может быть, еще сегодня ночью. Каторн же говорил, что они любят действовать ночью.

Мне было все равно — днем или ночью. Я хотел драться. Жажда битвы в моей душе стала нестерпимой. Я рвался в бой!

Глава XI
Флоты сближаются

Прошел еще один день, и еще одна ночь, и по-прежнему корабли элдренов оставались на горизонте.

Неужели они всерьез рассчитывали истомить нас ожиданием, заставить нервничать? А может быть, просто испугались? Или сами рассчитывают на то, что мы пойдем в атаку первыми?

На вторую ночь я все-таки заснул, но не тем пьяным сном, к которому успел приучить себя. Вина у меня больше не осталось. А граф Ролдеро так и не успел доставить мне обещанные бурдюки с вином.

И сны на этот раз мне снились хуже некуда.

Я видел охваченные войной миры, сами себя уничтожающие в череде бессмысленных и бесконечных сражений.

Я видел Землю, но то была Земля без Луны. И она не вращалась вокруг собственной оси, а потому одна половина ее вечно была освещена солнцем, а вторая — погружена во мрак. И там тоже повсюду шла война, и я участвовал в каком-то ужасном походе, который чуть не убил меня… Какое-то имя почудилось мне — Кларвис? Что-то в этом роде. Я пытался уцепиться за эти имена, но они почти всегда ускользали из моей памяти, едва успев возникнуть, и, думаю, были на самом деле наименее важной частью моих снов.

Я снова видел Землю — на этот раз совсем другую. Эта Земля была очень старой, даже моря на ней начали пересыхать. И я ехал верхом по какой-то мрачной местности, а в небесах светило крошечное солнце, и думал я о Времени…

Я попытался удержать в памяти подробности этого сна, этой галлюцинации, этого воспоминания — что бы это ни было такое. Мне показалось, что в нем, возможно, заключена разгадка моей собственной природы, самого начала моей судьбы.

Возникло еще одно имя — Кронарх… И исчезло. По всей очевидности, и в этом сне было не больше тайного смысла, чем во всех остальных.

Потом это сновидение умчалось прочь, и я оказался в огромном городе, я стоял возле большой машины и смеялся, в руках у меня было какое-то странное ружье, а из самолетов в небесах дождем падали бомбы, уничтожавшие город прямо на глазах. Во рту был вкус сигары…

Я проснулся было, но тут же снова сны поглотили меня.

Я брел, почти утратив рассудок от одиночества, по коридорам с металлическими стенами, а за этими стенами был открытый космос. Земля осталась где-то далеко. Космический корабль, в котором я находился, летел на какую-то другую планету. Я глубоко страдал. Меня терзали мысли о семье. Был ли я Джоном Дэйкером? Нет… Джоном…

И тут, словно для того, чтобы еще больше смутить мою душу, имена стали буквально роиться вокруг меня. Я видел их. Слышал. Кто-то писал их, используя множество различных письменностей, мелькали буквы, иероглифы… имена повторяли нараспев на разных языках…

Обек. Византия. Корнелиус. Колвин. Брэдбери. Лондон. Мелнибонэ. Хокмун. Ланьис Лихо. Повис. Марка. Элрик. Малдун. Дитрих. Арфлейн. Саймон. Кейн. Аллард. Корум. Травен. Райан. Аскинол. Пипин. Сьюард. Менелл. Таллоу. Холлнер. Кельн…

Имена продолжали роиться, множиться…

Я с криком проснулся.

И наступило утро.

Весь в поту, я вскочил и с ног до головы облился холодной водой.

Почему сражение не началось? Почему?

Я знал, что, как только начнется бой, все эти сны тут же прекратятся. Я был уверен в этом.

И тут дверь моей каюты распахнулась и вбежал раб.

— Хозяин…

Голосили трубы. Палубы дрожали от топота бегущих людей.

— Хозяин, вражеские корабли идут к нам!

С облегчением вздохнув, я быстро оделся, стараясь правильно застегнуть все пряжки на доспехах. Потом схватил меч и выбежал на палубу. Там уже стоял король Ригенос в боевом облачении с мрачным выражением лица.

Повсюду на кораблях были подняты боевые знамена, звучали команды, горны и трубы вопили, словно металлические звери, загремели барабаны.

Теперь и я совершенно отчетливо увидел, что корабли элдренов быстро приближаются.

— Все капитаны готовы, — тихо проговорил Ригенос. — Смотри: наши корабли уже разворачиваются.

Приятно было смотреть, как наши суда занимают именно те позиции, которые им предписывались тщательно проработанными планами. Теперь, если только элдрены поведут себя так, как предполагали мы, победа будет за нами.

Я снова посмотрел вдаль, и у меня перехватило дыхание: корабли элдренов были уже совсем близко, они потрясали грациозностью и той легкостью, с какой, подобно дельфинам, неслись по волнам.

Нет, это не дельфины Это акулы. Они бы всех нас сожрали, если б смогли. Теперь я начинал понимать кое-какие опасения Каторна в отношении всего элдренского. Если бы я не знал совершенно точно, что это наши враги, что они намерены погубить нас, я бы так и стоял в бездействии, очарованный красотой их кораблей.

Они не были похожи на галеоны, как большая часть наших боевых кораблей. То были легкие парусные суда, и паруса их на хрупких мачтах просвечивали на солнце. Ослепительно белые, корабли элдренов, разрезая носами чуть более темную пену волны, летели нам навстречу, как птицы.

Я напрягал зрение, стараясь получше рассмотреть вооружение.

Пушек у них было меньше, чем у нас, были они, похоже, меньшего калибра и казались сделанными из серебра, но, увидев их, я отчего-то почувствовал страх: неведомая сила таилась в их жерлах.

К нам подошел Каторн. Он всхрапывал от удовольствия, как жеребец.

— Сейчас! Сейчас! Ох, сейчас мы им покажем! Видел их пушки, Эрекозе? Осторожней! Они заколдованные, можешь мне поверить!

— Заколдованные? Что вы хотите этим сказать?..

Но он уже отошел, покрикивая на матросов, чтобы шевелились быстрее.

Я начал различать на палубах элдренских кораблей крошечные фигурки. Даже порой видел отдельные лица, но мельком, так что

черты их были пока мне неведомы. Элдрены быстро и ловко двигались на своих судах, безостановочно мчавшихся нам навстречу.

Теперь наше боевое построение было почти закончено, и флагманский корабль стал отходить на свою позицию.

Я сам отдал приказ прекратить движение, и мы легли в дрейф, качаясь на волнах и поджидая, пока эти акулы сами не набросятся на нас.

Наш боевой порядок напоминал сухопутное «каре», хорошо укрепленное по трем сторонам, однако обладавшее довольно слабой защитой с фронта, обращенного к элдренам.

Самую дальнюю от них сторону «каре» составляло около сотни кораблей, от носа до кормы ощетинившихся пушками. Обе боковые стороны были примерно столь же сильны, причем корабли располагались так, чтобы собственными выстрелами случайно не потопить друг друга.

Мы же входили в число кораблей, составлявших более «слабую» стенку «каре». Здесь было всего двадцать пять судов, и именно сюда и должен был быть нанесен основной удар элдренов. Мы рассчитывали, что наши маневры создадут у противника впечатление идеального боевого порядка: эскадра как бы окружала корабли с королевскими флагами на мачтах. Со стороны должно было казаться, что флагманский корабль и его эскорт находятся внутри «каре», но это была лишь приманка. Настоящий флагманский корабль — тот, на котором находился и я, — убрав и королевский флаг, и прочие опознавательные знаки, покачивался на волнах примерно в середине правой стенки «каре».

Все ближе и ближе подходили корабли элдренов. Казалось, что Каторн был почти прав, утверждая, что они способны летать по воздуху: элдренские суда действительно почти летали, а не плыли по волнам.

Руки у меня от волнения стали влажными. Проглотят ли они приманку? Мой план сперва весьма поразил военачальников и был назван «оригинальным», что, видимо, означало, что подобный боевой порядок им не знаком и не является для них классическим. Если мой план не сработает, я совсем утрачу доверие Каторна, да и отношения мои с королем, на дочери которого я надеялся жениться, отнюдь не улучшатся.

Однако не имело смысла тревожиться заранее, и я продолжал наблюдать.

И элдрены наживку проглотили!

Под рев пушек корабли элдренов влетели в центр «каре», проломив его нарочито «тонкую» стенку. Не сразу замедлив скорость, они в один миг оказались окруженными с трех сторон.

— Поднимите флаги! — крикнул я Каторну. — Скорей! Пусть увидят, где главный враг и в чем причина их поражения!

Каторн приказал поднять флаги. Первым на мачте взвился мой — серебряный меч на черном поле, потом флаг короля. Наши корабли, быстро сманеврировав, замкнули кольцо, и элдрены поняли, что попали в ловушку.

Должен признаться, что никогда прежде не видел столь высокоманевренных кораблей, как элдренские. Более хрупкие и маленькие, чем наши боевые суда, они метались в поисках выхода из смертельного кольца. Но выхода не было. Об этом я позаботился заранее.

Теперь яростно зарычали и их пушки, изрыгая огненные шары. Может быть, именно это имел в виду Каторн, говоря об их колдовском оружии? Элдрены пользовались не чугунными ядрами для пушек, как мы, а, скорее, чем-то вроде зажигательных бомб. Со свистом, словно кометы, пролетали эти огненные шары в полуденном свете дня. На многих наших кораблях начался пожар. Пламя быстро пожирало снасти и паруса.

Да, снаряды их были похожи на огненные кометы, а их корабли — на кровожадных и вертких акул.

Однако акулы эти попались в сеть, из которой им было не вырваться. Мы безжалостно теснили их, наши пушки своими тяжелыми ядрами в клочья разносили белые корабли, и прозрачные легкие паруса на изящных мачтах и реях опадали, словно крылья умирающих бабочек.

Наши собственные огромные галеоны, с мощной обшивкой, окованные бронзой, с гигантскими веслами, пенившими воду, с разноцветными парусами, со всех сторон окружили элдренов, желая их растоптать, уничтожить.

Тогда флот элдренов, разделившись на две примерно равные части, попытался прорваться в тех дальних углах «каре», где стена

наших кораблей была не такой плотной. Некоторым их белоснежным парусникам удалось вырваться из окружения, но мы были готовы к этому и, быстро перестроившись, вновь окружили прорвавшиеся элдренские суда.

Теперь их флот был разделен на несколько мелких групп, что значительно облегчало нашу задачу. Теперь сокрушить элдренов ничего не стоило.

Небеса почернели от дыма, поверхность моря была усыпана горящими обломками судов, в воздухе непрерывно слышались крики, стоны, боевые команды, свист элдренских огненных шаров, рев наших огромных пушек… Лицо мое было покрыто пленкой грязи и копоти, я весь взмок от жара горевших поблизости судов.

Порой я успевал заметить напряженное лицо какого-нибудь элдрена и каждый раз поражался его красоте и думал, а не переоценили ли мы свои силы, так уверенно рассчитывая на победу. Доспехи у элдренов были легкие, двигались они с грацией хорошо обученных танцоров, их серебристые пушки ни на минуту не переставали поливать огнем наши боевые корабли. Там, куда попадали их «зажигательные бомбы», тут же вспыхивала палуба или обшивка, и пламя начинало пожирать дерево, рассыпая зеленые и голубые искры. Мне показалось, что это пламя одинаково легко уничтожает и дерево, и металл.

Ухватившись за перила на носу, я сильно наклонился вперед, пытаясь разглядеть что-нибудь в удушающем густом дыму. И сразу же увидел элдренский корабль буквально в двух шагах от нас прямо по курсу.

— Идем на таран! — заорал я что было силы. — Готовьтесь к тарану!

Как и у многих других боевых кораблей у «Иолинды» чуть ниже ватерлинии имелся для таких случаев огромный окованный металлом бивень. Пришла пора им воспользоваться. Я успел заметить, что капитан элдренского судна спешно отдает приказания, надеясь развернуть свой парусник, но даже для быстрых элдренов было уже слишком поздно. Мы налетели на них, и от удара бивнем все наше могучее судно дрогнуло и загудело. Металл и толстенные бревна, казалось, стонали, пена поднялась до небес. Потеряв равновесие, я отлетел к мачте и, опираясь об нее спиной, медленно поднялся на ноги.

И увидел, что мы разломили корабль элдренов пополам. Я смотрел на это с каким-то смешанным чувством ужаса и восторга, так как не подозревал, сколь чудовищной силой обладает «Иолинда».

Мы прошли как бы сквозь корабль элдренов, и по обе стороны от нас половинки их судна уже начали тонуть. По-моему, на лице моем был написан почти такой же ужас, как и на лице капитана элдренского судна, который по-прежнему старался держаться прямо, стоя на своем мостике, тогда как команду его пожирали темные ненасытные волны моря, по которым уже носились обломки судна и трупы людей.

Море быстро поглотило легкий корабль, и я услышал, как рядом со мной смеется король Ригенос, видя, как элдрены с воздетыми к небесам руками исчезают в пучине.

Я отвернулся. Лицо Ригеноса было перепачкано копотью, глаза в красных воспаленных веках казались безумными. Корона, украшенная бриллиантами, сидела на голове криво, а сам он продолжал смеяться, празднуя свою ужасную победу.

— Отлично, Эрекозе! Отличный способ — сразу пускать этих тварей на дно! Пусть идут к своему хозяину, к дьяволу в пасть!

На палубе появился Каторн. У него тоже был чрезвычайно возбужденный вид.

— Ну, Эрекозе, должен признать, что ты молодец! Доказал, что элдренов убивать умеешь!

— Я вообще умею убивать, — спокойно сказал я. Оба они были мне отвратительны сейчас. Я с восхищением вспоминал, как принял смерть капитан элдренского судна. — А в данном случае просто благоприятная возможность представилась для того, чтобы тяжелый боевой корабль протаранил куда более легкое судно, особого ума тут не требовалось.

Однако времени долго рассуждать на эту тему не было. Наш корабль плыл среди обломков, среди полыхающих пожаров, окруженный клубами дыма, сквозь который невозможно было разглядеть, как обстоят дела на остальных наших кораблях. Со всех сторон доносились вопли и стоны.

— Надо выбираться на чистую воду, — сказал я. — Совершенно необходимо дать знать нашему флоту, что флагманский корабль не пострадал. Может быть, вы отдадите соответствующие распоряжения, лорд Каторн?

— Хорошо, — и Каторн вернулся к своим прямым обязанностям.

От непрерывного грохота пушек голова у меня раскалывалась. Меня словно с головой захлестнула волна дыма, огня, запахов смерти — не продохнуть.

И все же то, что творилось вокруг, было мне как бы знакомо.

До этого момента мои боевые планы были скорее умозрительными — работала лишь голова, инстинкты молчали. Теперь же во мне словно включились некие древние инстинкты, ибо я отдавал приказы, даже не задумываясь.

И при этом твердо знал, что приказы мои разумны и уместны. Даже Каторн выполнял их беспрекословно.

Так было, когда я велел протаранить элдренское судно. Я ведь тогда ни на секунду не задумался.

Могучие весла вынесли наконец «Иолинду» из облаков дыма на относительно чистое пространство, и тут же горны и барабаны оповестили остальные корабли, что мы целы и невредимы. С ближайших из наших судов послышались радостные возгласы.

Теперь оставалось лишь истреблять оставшиеся корабли элдренов поодиночке. Наши корабли, высмотрев себе очередную жертву, брали ее на абордаж. Чудовищные крючья впивались в белоснежные перила и снасти, сверкали среди прозрачных парусов, рвали на куски плоть элдренов, отсекая порой целиком руки и ноги. Потом наши огромные корабли подтаскивали легкие парусники элдренов к себе вплотную, как это делают китобойцы с полумертвой тушей загарпуненного кита, и начиналось самое страшное.

Туча стрел летела с одного борта на другой; лучники, забравшись повыше и цепляясь за ванты и реи, стреляли друг в друга без передышки. Копья пронзали тела и элдренов, и людей, пробивал доспехи насквозь. Порой по-прежнему слышался грохот пушек, но теперь то были лишь одиночные выстрелы на фоне непрерывного звона мечей и боевых кличей воинов: люди и элдрены сошлись в рукопашной.

Клубы дыма, вздымавшиеся ядовитыми цветками, часто застилали поле битвы темной пеленой, но, когда мне удавалось разглядеть зеленоватую поверхность моря, покрытую обломками судов и трупами людей и элдренов, я видел, что пена морская стала алой и вся вода как бы покрыта скользкой кровавой пленкой.

Когда наш корабль развернулся и снова ринулся в гущу схватки, я все время видел вокруг лица мертвецов, глядящих в небо и отчего-то на меня. У всех — и у людей, и у элдренов — на лицах было одно и то же выражение: изумленное обвинение.

Потребовалось некоторое время, чтобы я перестал обращать на эти лица внимание.

Глава XII
Нарушенное перемирие

Мы протаранили еще два элдренских корабля своим металлическим бивнем, сами практически при этом не пострадав. «Иолинда» действовала на поле битвы так, словно в ней была заключена некая неумолимая безжалостная сила, уничтожающая все на своем пути и требующая слепой веры от служащих ей.

Первым этот корабль заметил король Ригенос. Он прищурился и указал пальцем куда-то сквозь дымовую завесу, приоткрыв от возбуждения рот, казавшийся очень красным на почерневшем от грязи и копоти лице.

— Вон там! Видишь, Эрекозе? Вон там!

Прямо по курсу я увидел великолепный элдренский корабль, но мне было неясно, почему он так привлек внимание Ригеноса.

— Это их флагманский корабль! — воскликнул он. — Может быть, у него на борту сам их правитель. Если же он, этот проклятый пособник Азмобааны, действительно там и если мы сумеем уничтожить этот корабль, тогда битва будет окончательно выиграна. Молись, Эрекозе, чтобы правитель элдренов оказался на этом судне! Молись!

Из-за спины у нас раздалось ворчание Каторна:

— Я бы с большим удовольствием расправился с ним собственноручно, — в руках, почти до кончиков пальцев скрытых кольчугой, Каторн держал тяжелый арбалет, нежно поглаживая его ложе, словно любимого котенка.

— Хорошо бы, принц Арджав сам оказался на этом корабле. Господи, хорошо бы он оказался там! — злобно прошипел Ригенос.

Я не стал обращать на них особого внимания и крикнул, чтобы готовили абордажные крючья.

Удача, похоже, по-прежнему была на нашей стороне. Наше тяжелое судно как раз вовремя приподняла волна, и мы обрушились на элдренский корабль, как бы подмяв его под себя и цепляясь крючьями за палубу, перила и оснастку.

Поскрипывала обшивка. Корабль элдренов был намертво пришвартован к нашему борту — так страстный любовник сжимает в объятиях свою возлюбленную.

И я почувствовал, как губы мои кривятся в такой же, как у короля, кровожадной улыбке: мы одержали победу! Я ощущал на губах ее сладостный вкус. Самый сладостный в моей жизни. В жизни Эрекозе. Я знаком велел рабу вытереть влажной салфеткой мое закопченное, грязное лицо и гордо выпрямился во весь рост. Справа от меня и чуть позади стоял король Ригенос. Слева — Каторн. Внезапно осознав, что мы трое как бы составляем единое целое — втроем мы командовали этим победоносным сражением, — я гордо глянул вниз, на палубу вражеского судна. Элдрены явно были измотаны сражением, однако не опускали ни луков, ни мечей, зажатых в побелевших от напряжения пальцах, и забрала их были подняты. Они молча созерцали нас, не делая попыток перерезать веревки и ожидая, что первый шаг сделаем мы.

Когда два флагманских корабля оказываются в подобном положении, воины всегда ждут, прежде чем снова вступить в бой. Таким образом, командирам-противникам предоставляется возможность сказать свое слово и, если обе стороны согласны, объявить перемирие и обговорить его условия.

Король Ригенос перегнулся через перила и обратился к элдренам, взиравшим на него сквозь дымовую завесу своими странными блестящими глазами:

— Говорит король Ригенос. С ним рядом бессмертный Эрекозе, Защитник Человечества и ваш давнишний враг. Он снова явился в этот мир, чтобы уничтожить вас. Мы объявляем обычное краткое перемирие и выражаем желание переговорить с вашим командиром.

Откуда-то из-за паруса на капитанском мостике вдруг возник человек. Сквозь пелену дыма я сперва довольно плохо сумел разглядеть его узкое загорелое лицо с четкими чертами и очень светлыми голубыми глазами под высоким, чуть покатым лбом. Странночарующий, сверхъестественный голос музыкой зазвенел над морем:

— Я — герцог Байнан, командующий флотом. Мы не станем обсуждать с вами сложных условий какого бы то ни было мира, но если вы сейчас позволите нам уйти, продолжать битву не будем.

Ригенос улыбнулся, а Каторн фыркнул, пробурчав:

— Ну до чего благородно! Знает небось, что его песенка спета!

Ригенос захихикал. Потом снова обратился к герцогу Байнану.

— Мне это предложение представляется несколько наивным, герцог Байнан.

Байнан лишь устало пожал плечами.

— Тогда давайте с этим кончать, — вздохнул он и поднял руку в перчатке, подавая лучникам знак.

— Подождите! — вскричал Ригенос. — Есть и другой путь, если вы, конечно, хотите сохранить своих воинов.

Герцог Байнан медленно опустил руку.

— Что вы предлагаете? — голос его звучал устало.

— Если ваш повелитель, Арджав Мернадинский, на борту, как то ему положено, то пусть поднимется на палубу и сразится с лордом Эрекозе, Защитником Человечества. Если Арджав одержит победу — что ж, тогда мы позволим вам уйти. Если же победит Эрекозе, вы станете нашими пленниками.

Герцог Байнан скрестил руки на груди.

— Вынужден сообщить, что принц Арджав не сумел вовремя добраться до Пафанаала, чтобы участвовать в нашем походе. Он сейчас находится на западе, в Лус Птокаи.

Король Ригенос обернулся к Каторну.

— Убей этого элдрена, Каторн, — тихо сказал он.

Герцог Байнан продолжал:

— Однако я вполне готов сам сразиться с вашим героем, если…

— Нет! — крикнул я Каторну. — Остановись! Ваше величество, это бесчестно — отдавать такие приказания во время перемирия.

— Что говорить о чести, Эрекозе, когда я занят искоренением богомерзкого отродья! Ничего, ты и сам скоро это поймешь. Убей его, Каторн!

Герцог Байнан нахмурился, удивленный нашим неслышным ему спором, тщетно пытаясь разобрать слова.

— Итак, я буду биться с тобой, Эрекозе, — повторил он. — Ты согласен?

И тут Каторн поднял свой арбалет, стрела пропела в воздухе, и я услышал слабый вскрик, когда стрела пронзила герцогу горло.

Рука его поднялась к дрожащему оперению стрелы. Странные глаза подернулись какой-то пленкой. И он упал.

Меня привело в бешенство предательское поведение того, кто так часто говорил о предательском поведении других. Но сейчас не было времени выяснять отношения, ибо стрелы элдренов уже дождем сыпались на нас, и мне необходимо было подбодрить своих лучников, а потом вести абордажный отряд против команды вражеского судна.

Я схватился рукой за снасть, выхватил свой сверкающий меч из ножен, и слова сами полились из моих уст, хотя в душе я все еще горел гневом на короля и Каторна.

— За Человечество! — орал я. — Смерть Гончим Псам Зла!

Я перемахнул через борт и спрыгнул вниз, на палубу неприятельского судна, ведя за собой воющих и улюлюкающих воинов, быстро смешавшихся с защищавшими свой корабль элдренами.

И началась кровавая схватка.

Мои собственные воины старались держаться подальше от моего меча, оставлявшего странные бледные раны в телах элдренов и несшего смерть каждому, кто получал хотя бы поверхностную царапину. Много элдренов погибло, встретившись с мечом Канаяной, но сам я не чувствовал радости сражения: во-первых, потому, что я все еще был зол на короля и Каторна, а во-вторых, потому, что никакого особого искусства не требовалось, чтобы убивать таким мечом; к тому же элдрены были глубоко потрясены гибелью своего командира, полумертвы от усталости, однако сражались по-прежнему мужественно.

Как оказалось, легкие, похожие на хищных рыб корабли элдренов имеют значительно большую команду, чем я предполагал. Эти длинноголовые элдрены, прекрасно сознавая, что любое прикосновение к моему мечу несет смерть, бросались на меня с отчаянной и какой-то свирепой отвагой.

Многие пытались достать меня с помощью боевых топоров с очень длинной ручкой, значительно длиннее моего меча. Меч мой был, в общем-то, не более острым, чем любой другой, так что даже когда я изо всех сил ударял по рукоятям топоров, мне все равно удавалось разве что слегка расщепить их. Я был вынужден то и дело приседать и

увертываться от острых лезвий топоров, со свистом рассекавших воздух.

Какой-то юный златоволосый элдрен с размаху ударил меня топором по плечу; топор скользнул по доспехам, не пробив их, однако я потерял равновесие и покатился по палубе, тщетно пытаясь снова встать на ноги. Ноги скользили и разъезжались: доски были залиты кровью. Топор просвистел еще раз, удар пришелся по нагрудной пластине, снова сбив меня с ног. Я с трудом встал на четвереньки, рванулся вперед, избежав очередного удара топором, и одним ударом отсек обнаженную руку юного элдрена, сжимавшую топор.

Похожий на рыдание стон сорвался с его губ. И он умер. Снова «сработал» яд, заключенный в моем мече. Я по-прежнему не мог понять, как металл может быть столь ядовитым, однако сомнений в силе этого яда не возникало. Я выпрямился и посмотрел на юного элдрена, что сражался так храбро и теперь лежал у моих ног. Все мое избитое тело болело. Я огляделся и увидел, что преимущество явно на нашей стороне. Последняя горстка яростно отбивающихся элдренов собралась у своего знамени спиной к спине, обороняя его. На алом поле флага был изображен Серебряный василиск Мернадина.

Спотыкаясь, я побрел в их сторону. Элдрены стояли до последнего. Они понимали, что пощады им не будет.

Я остановился. Мои воины в помощи с моей стороны не нуждались. Я сунул меч в ножны и смотрел, как горстка элдренов, окруженная куда большим количеством врагов, продолжает сражаться, несмотря на страшные раны на теле у каждого.

Я снова огляделся. Какая-то странная тишина повисла над двумя прильнувшими друг к другу кораблями, хотя где-то вдали еще слышались порой раскаты пушечных выстрелов.

Потом Каторн, возглавивший атаку на последних защитников неприятельского корабля, сорвал знамя с изображенным на нем василиском, швырнул его в лужу элдренской крови и стал топтать, словно обезумев от ярости, пока флаг не превратился в окровавленную и совершенно ни на что не похожую тряпку.

— Вот что будет с каждым из проклятых элдренов! — кричал он, празднуя свою безумную победу. — С каждым! С каждым! С каждым — вот так!

И, отшвырнув флаг, он с грохотом бросился по трапу вниз, чтобы посмотреть, велика ли добыча.

Над кораблями вновь воцарилась тишина. Дымовая завеса над нами начала понемногу рассеиваться, показалось солнце, видимое пока не очень ясно.

Теперь, после захвата флагманского корабля, победа наша стала очевидной. Ясно было, что в плен не будет взят никто. На некотором расстоянии от нас один за другим вспыхивали уцелевшие элдренские корабли. Ни одному из них не удалось спастись, нигде на горизонте не видно было их прозрачных парусов. Многие наши суда тоже были разбиты, некоторые пожирало пламя. Сражение происходило на огромной территории, где вся поверхность моря была покрыта обломками судов и бесчисленными трупами — казалось, что оставшиеся на плаву корабли попали в плен, словно где-нибудь в Саргассовом море.

Мне и самому тоже казалось, что я стал пленником этого чудовищного побоища. Хотелось убраться отсюда как можно скорее. Трупный запах не давал дышать. Это был не тот бой, на который я рассчитывал. Это была не та слава, которую я надеялся заслужить.

На палубе снова появился Каторн, на его темнокожем лице было написано глубокое удовлетворение.

— А где же добыча? — спросил я. — Что это ты такой довольный?

Он вытер губы:

— Герцог Байнан взял с собой свою дочь.

— Она еще жива?

— Уже нет.

Меня передернуло.

Каторн озирался, вытянув шею.

— Так, хорошо. С этими мы покончили. Сейчас прикажу сжечь все оставшиеся корабли.

— По-моему, — сказал я, — это неразумно. Мы ведь могли бы воспользоваться их судами, чтобы заменить свои потопленные.

— Воспользоваться их проклятыми колдовскими кораблями? Ну уж нет, никогда! — Он весь перекосился, сплюнул и, перегнувшись через перила, крикнул матросам, остававшимся на пришвартованном к нашему элдренском судне, чтобы возвращались.

Я неохотно перелез через борт, оглядываясь на все еще лежавший на палубе труп преданного герцога Байнана, из хрупкой шеи которого прямо в небо торчала тяжелая арбалетная стрела.

Потом я велел команде освободить те абордажные крючья, которые можно, а с остальных срезать веревки.

Навстречу мне с ласковой улыбкой устремился король Ригенос. В последнем сражении сам он никакого участия не принимал.

— Ты отлично сражался, Эрекозе! А знаешь, ты, по-моему, мог бы и в одиночку захватить этот корабль.

— Мог бы, — сказал я. — Я мог бы один и весь их флот захватить…

Он весело рассмеялся:

— А ты уверен в себе! Надо же, целый флот!

— Да, целый флот. Была такая возможность.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурился он.

— Если бы мне позволили сразиться с герцогом Байнаном — как то им было предложено, — можно было бы спасти много жизней и много кораблей. Наших жизней. И наших кораблей.

— Неужели же ты ему поверил? Элдрены вечно стараются использовать какую-нибудь хитрость. Нет никакого сомнения, что если бы ты тогда принял его предложение и перешел к нему на корабль, то тут же оказался бы отрезанным от нас градом стрел. Поверь мне, Эрекозе, нельзя допускать, чтобы элдрены провели тебя так, как некогда — наших предков! Из-за их обмана мы и страдаем теперь.

— Может быть, вы и правы, ваше величество, — пожал я плечами.

— Конечно же, я прав! — Король обернулся и крикнул команде: — Эй, поджечь эти проклятые корабли! Сжечь дотла! Да поторапливайтесь, лентяи!

Ох, и замечательное же настроение было у него, у нашего короля Ригеноса. Просто замечательное!

В наиболее важные и уязвимые части корабля быстро насовали какие-то белые легко воспламеняющиеся волокна вроде пакли, и я видел, как с нашего борта туда полетели подожженные стрелы.

Хрупкое судно вспыхнуло почти сразу. Загорелись трупы на нем, и жирный вонючий дым клубами повалил в небеса. Корабль элдренов относило течением, его серебристые пушки торчали, как вытянутые

шеи мертвых животных; прозрачные, изодранные в клочья паруса вспыхивали и, точно шелуха, хлопьями падали на уже охваченную огнем палубу. Внезапно корабль в последний раз страшно содрогнулся, словно расставаясь с жизнью.

— А ну-ка угостите его парочкой ядер пониже ватерлинии, — крикнул Каторн артиллеристам. — Чтобы убедиться, что эта проклятая посудина затонула раз и навсегда.

Наша чудовищная пушка рявкнула разок-другой, и мощные ядра прошили флагманский корабль элдренов, круша легкую крепкую обшивку.

Корабль захлебывался, но все еще старался держаться гордо. Он почти остановился — вода настолько залила его, что течение уже не могло сдвинуть его с места. И вдруг как-то сразу он скрылся под водой, и на поверхности не осталось ничего.

Я подумал о герцоге Байнане. И о его дочери.

И в какой-то степени позавидовал им теперь. Они познают вечный покой, в то время как я, по всей видимости, не буду иметь иной судьбы, кроме вечного боя.

Наши суда вновь начинали собираться вокруг флагманского.

Мы потеряли тридцать восемь больших боевых кораблей и сто десять различных мелких судов.

Зато от флота элдренов не осталось ничего.

Ничего, кроме отдельных горящих обломков, которые мы так и бросили там, взяв курс на Пафанаал. Мы шли туда, упоенные победой, горя жаждой очередного сражения.

Глава XIII
Пафанаал

В течение всего плавания до Пафанаала я избегал их обоих — и короля, и Каторна. Может быть, они были и правы и элдренам доверять было нельзя. Но разве нельзя было хоть раз попробовать?

Вечером второго дня после великой битвы с элдренами меня навестил граф Ролдеро.

— Ты дрался отлично! — заявил он. — И план твой оказался превосходным. И я слышал, что в рукопашной ты тоже был весьма на высоте. — Он с притворным страхом огляделся и, кривляясь, прошептал, показывая пальцем куда-то в потолок каюты: — Но я знаю, что Ригенос вроде бы решил не подвергать свою королевскую особу излишнему риску, пока у нас, простых воинов, хватает мужества.

— Ну, — сказал я, — с Ригеносом все ясно. Не забывай, что он все-таки участвовал в походе. Хотя спокойно мог бы остаться в столице. Собственно, мы все так и думали, что он останется. А вот слышал ли ты о том, какое приказание он отдал во время перемирия? Насчет командующего элдренским флотом?

— Это чтобы Каторн его пристрелил, верно? — фыркнул Ролдеро.

— Да.

— Что ж… — Ролдеро ухмыльнулся. — Если ты согласишься, что Ригенос — трус, я соглашусь, что он предатель! — Он захохотал утробным смехом. — По справедливости, а?

Я тоже не мог сдержать улыбку. Но чуть позже очень серьезно спросил его:

— А сам бы ты так поступил, Ролдеро?

— Я? Да, наверное. Война все-таки…

— Но Байнан был готов сразиться со мной. Он ведь наверняка знал, сколь малы его шансы. И наверняка знал, что слову Ригеноса доверять нельзя…

— Если бы он это знал, то должен был действовать точно так же, как и Ригенос. Просто Ригенос оказался проворнее. Обыкновенная тактическая уловка, видишь ли. Всякий трюкач выбирает для своих фокусов наилучший момент.

— Не похоже, чтобы Байнан был склонен к такому коварству.

— Вполне возможно, что сам-то он вполне достойный и добрый человек, который очень любил свою семью. Я же говорил тебе, Эрекозе, что не собираюсь оспаривать отменных личных качеств Байнана или еще кого-то из элдренов. Я только хочу сказать, что, будучи воином, он непременно должен был бы действовать точно так же, как Ригенос, — постараться уничтожить командующего войсками противника. Просто Ригеносу это удалось, а ему нет. Это же элементарное правило воинского искусства!

— Ну, раз уж это говоришь ты, Ролдеро…

— Да, именно так! А теперь — выпей!

Я выпил и напился до полного умопомрачения, потому что теперь мне нужно было бороться не только с теми видениями, что являлись мне раньше, но и с совсем недавними воспоминаниями.

Прошли еще целые сутки, прежде чем мы достигли наконец порта Пафанаал и бросили якорь где-нибудь в миле от берега.

Едва забрезжил рассвет, мы подняли якоря и на веслах двинулись к причалам, ибо над морем был полный штиль.

Мы подплывали все ближе и ближе.

Я видел, как все выше вздымаются утесы и черные скалы.

Еще ближе.

И вдруг к востоку от нас радугой вспыхнули яркие краски.

— Пафанаал! — крикнул дозорный с верхушки мачты.

Мы подплыли еще ближе, и перед нами открылся Пафанаал.

Насколько мы сумели убедиться, город никто не оборонял. Всех его защитников мы утопили там, в открытом море.

В этом городе не было ни соборов со шпилями, ни минаретов. Виднелись лишь островерхие крыши зданий да контрфорсы в зубчатой крепостной стене, окружавшей порт. От этого казалось, что весь город — это одна-единственная крепость или дворец. Здания были построены из таких красивых материалов, что дух захватывало: из белого мрамора с розовыми, голубыми, зелеными и желтыми прожилками; из оранжевого с черными прожилками; из мрамора других цветов, щедро отделанного золотом, базальтом и горным хрусталем.

Это был какой-то светящийся город.

Причаливая, мы не заметили на причалах, на улицах или на крепостных стенах ни единого человека. Мне показалось, что жители покинули этот город.

Я ошибался.

Мы причалили и высадились на берег. Я велел воинам построиться в колонны и предупредил о возможных ловушках, хотя сам по-настоящему не верил в то, что такие ловушки существуют.

Наши воины в последние дни занимались тем, что приводили в порядок свои доспехи и оружие и несколько пострадавшие во время сражения корабли.

Теперь все наши корабли собрались в гавани, легкий ветерок трепал их флаги. Ветерок принес небольшую тучу, и ясный день сразу померк.

Одетые в блестящие начищенные доспехи, стояли наши воины перед королем Ригеносом, Каторном и передо мной.

Всего войско насчитывало семьсот отрядов, каждой сотней отрядов командовал маршал, которому подчинялись капитаны боевых кораблей, в подчинении у которых, в свою очередь, было двадцать пять отрядов у каждого, и рыцари, каждый из которых стоял во главе одного боевого отряда.

Вино несколько затуманило в моей душе воспоминания о кровавом сражении, и я почувствовал, как возвращается моя прежняя гордость при виде выстроившихся на пристани объединенных войск человечества.

— Маршалы, капитаны боевых кораблей, рыцари и славные воины, защитники всего человечества, — обратился я к ним, — все вы стали свидетелями того, как была одержана эта великая победа!

— Ура! — заревели они в восторге.

— Мы победим везде, где бы ни оказались! А теперь ступайте и ищите проклятых элдренов повсюду в этом первом городе континента Мернадин. Но будьте осторожны. Помните, что в таком городе легко спрятать целую армию!

Граф Ролдеро крикнул из первых рядов:

— А как быть с добром, лорд Эрекозе? Тут ведь добра полно.

Король Ригенос махнул рукой:

— Можете взять себе все добро, какое пожелаете. Но помните, что сказал вам Эрекозе, и особенно остерегайтесь таких вещей, как отравленная пища. Даже винные кубки могут быть смазаны ядом. В этом проклятом городе все что угодно может оказаться ядовитым!

Отряды воинов промаршировали мимо нас, направляясь каждый в свою сторону.

Я провожал их взглядом и думал, что, хотя этот город и допустил их в самое свое сердце, он им отнюдь не рад.

Интересно, что мы сможем найти в Пафанаале? Ловушки? Затаившихся стрелков? Отравленную пищу, как того опасается Ригенос?

Мы нашли город, полный одних только женщин.

В живых не осталось ни одного мужчины-элдрена.

Ни одного мальчика старше двенадцати. Ни одного даже самого старого старика.

Все они были уничтожены нами во время морского сражения.

Глава XIV
Эрмизад

Я ничего не знаю о том, как они убивали детей, и умолял короля Ригеноса не отдавать этого распоряжения. Я молил Каторна пощадить их, вывезти их из города куда угодно, если уж это ему так необходимо, но только не убивать их.

И все же дети были убиты. Не знаю, сколько их умерло.

Мы расположились во дворце, принадлежавшем ранее герцогу Байнану. Он, как стало известно, занимал пост губернатора Пафанаала.

Я заперся у себя, пока на улицах шла резня, и мрачно размышлял о том, что, несмотря на все разговоры о «грязных элдренах», они отнюдь не гнушаются забав с элдренскими женщинами.

Я ничего не мог поделать и даже возможности такой себе не представлял. В этот мир король Ригенос вызвал меня для того, чтобы сражаться за Человечество, а не судить его деяния. И я откликнулся тогда на призыв Ригеноса, наверное, в конце концов, не без причины. Только вот причину эту я совсем позабыл.

Я сидел в изящно убранной комнате, обставленной легкой красивой мебелью. Стены и пол ее покрывали роскошные ковры светлых тонов. Я любовался великолепными изделиями элдренских мастеров и потягивал великолепное элдренское вино, стараясь не слышать криков детей, которых в это время убивали прямо в кроватках, в их собственных домах, на улицах — повсюду за тонкими стенами дворца.

Я посмотрел на меч Канаяну, висевший в углу, и почувствовал ненависть к этому странному ядовитому оружию. Сняв меч с перевязи, я как бы отделил его от себя: сейчас я существовал отдельно, сам по себе.

И я все пил и пил.

Но вскоре вино элдренов обрело привкус крови, и я отшвырнул свой кубок. Потом отыскал бурдюк с другим вином, подаренным мне графом Ролдеро, и стал пить горьковатое вино прямо оттуда. Вскоре в бурдюке не осталось ни капли.

Но я по-прежнему был трезв. Мне было не справиться с криками, доносившимися с улицы: они все равно слышались совершенно отчетливо. Я спустил шторы на окнах, но все равно по движущимся теням представлял, что происходит за ними. Я никак не мог напиться, а потому не мог даже и попытаться заснуть, прекрасно представляя себе, каковы будут мои сны, и боялся этих снов не меньше, чем мыслей о том, что же мы делаем с оставшимися в живых жителями Пафанаала.

Почему я оказался здесь? О, Господи, почему?

За дверью послышался легкий шум, потом постучали.

— Войдите, — сказал я.

Но никто не вошел. Наверное, я не сказал, а прошептал это.

Снова раздался стук.

Я встал и неверными шагами подошел к двери, распахнув ее настежь.

— Неужели меня нельзя оставить в покое?

Там стоял перепутанный гвардеец.

— Лорд Эрекозе, простите, что потревожил вас, но у меня к вам послание от короля Ригеноса.

— Что еще за послание? — безо всякого интереса спросил я.

— Он бы хотел, чтобы вы присоединились к нему. Король говорит, что ему еще нужно обсудить с вами кое-какие планы.

— Ну хорошо. Скоро приду, — вздохнул я.

И гвардеец поспешил по коридору прочь от меня.

Очень неохотно я присоединился к ликующим завоевателям. Здесь были все крупные военачальники. Сам король Ригенос был настолько пьян, что я даже позавидовал ему. И с облегчением заметил, что Каторна там нет.

Без сомнения, он руководит грабежами.

Когда я вошел в зал, со всех сторон послышался одобрительный гул, и все маршалы потянулись ко мне со своими кубками — чокаться.

Я не обратил на них внимания и прошел к тому месту, где в одиночестве сидел король, бессмысленным взором уставившись в пространство.

— Вы хотели обсудить со мной дальнейшие планы нашей кампании, ваше величество? — спросил я. — Но вы уверены, что…

— А, друг мой Эрекозе, это ты. Мой бессмертный. Мой Герой. Спаситель Человечества. Приветствую тебя! — он с трудом нашел мою руку. — Тебе, я вижу, неприятно, что я так не по-королевски напился.

— Отнюдь, — сказал я. — Я и сам все это время пил.

— Значит, ты — ты ведь бессмертный! — можешь пить гораздо больше… — он икнул.

Я с трудом заставил себя улыбнуться и предположил:

— Но, может быть, ваше величество, у вас вино более крепкое. Если так, то дайте и мне попробовать.

— Раб! — возопил король. — Эй, раб! А ну-ка налей другу моему Эрекозе этого вина!

Занавески приподнялись, и вошел дрожащий элдренский мальчик. Он тащил бурдюк с вином, который был едва ли не больше его самого.

— Я вижу, вы не всех детей перебили, — заметил я.

— Пока не всех. Пока их еще можно как-то использовать, — захихикал король Ригенос.

Я взял у мальчика бурдюк и кивнул ему: «Можешь идти». Потом поднес бурдюк ко рту и начал пить жадными глотками. Но вино по-прежнему не желало туманить мои мозги. Я отшвырнул бурдюк, он тяжело шлепнулся, вино расплескалось по скатерти и коврам, устилавшим пол. Король Ригенос снова захихикал:

— Так, так, хорошо!

Да эти люди просто самые обыкновенные варвары! Мне вдруг снова очень захотелось стать Джоном Дэйкером. Погруженным в науку, не очень-то счастливым Джоном Дэйкером, живущим в общем-то спокойно и занимающимся никому не нужными исследованиями.

Я повернулся, чтобы уйти.

— Останься, Эрекозе. Я спою тебе одну песню. Это довольно-таки похабная песенка о вонючих элдренах…

— Лучше завтра…

— Так завтра уже наступило!

— Мне необходимо отдохнуть..

— Я твой король, Эрекозе. Ты самой своей плотью мне обязан. Не забывай об этом!

— Я не забываю.

Двери в зал внезапно распахнулись, и туда втащили девушку.

Впереди был Каторн, он ухмылялся, как нажравшийся до отвала волк.

Девушка была темноволосой, похожей на эльфа. Ее не совсем человеческое лицо казалось совершенно спокойным, несмотря на снедавший ее ужас. Она была красива какой-то странной, словно ускользающей красотой: облик ее, казалось, менялся при каждом вздохе. Одежда ее была разорвана, лицо и руки покрыты ссадинами.

— Эрекозе! — воскликнул вошедший Каторн. Он тоже был совершенно пьян. — Эрекозе, Ригенос… ваше величество, посмотрите, кого я привел!

Король, моргая, с отвращением уставился на девушку.

— Что нам до этого элдренского отродья? Убери ее отсюда, Каторн! Пользуйся ею сам, если хочешь, дело твое, но смотри, чтобы она не осталась в живых, когда мы уйдем из Пафанаала.

— Нет, ваше величество! — засмеялся Каторн. — Вы посмотрите на нее получше!

Король пожал плечами и внимательно обследовал содержимое своего кубка.

— Зачем ты притащил ее сюда, Каторн? — тихо спросил я его.

Каторн заржал еще громче. Его мясистые губы разверзлись, и он, брызгая слюной, хохотал прямо нам в лицо.

— Ну вот, я так и знал: вы ведь даже не представляете, кто она такая!

— Убери это элдренское дерьмо отсюда, Каторн! Немедленно! — раздраженно рявкнул пьяный король.

— Но, ваше величество, это же Эрмизад!

— Что? — Король наклонился вперед и уставился на девушку. — Что? Эта шлюха — Эрмизад? Та самая, из Призрачных Миров?

Каторн кивнул:

— Та самая.

Король, казалось, даже протрезвел.

— Я слышал, она многих смертных замучила до смерти. Что ж, пусть и сама умрет мучительной смертью, искупая свои кровавые преступления. Сжечь ее заживо!

Каторн покачал головой:

— Нет, мой король, пока еще рано. Неужели, ваше величество, вы забыли, что она сестра принца Арджава?

Король с идиотской серьезностью кивнул:

— Да, конечно, сестра.

— И что из этого следует, сир? Вы ведь понимаете, что это будет отличной приманкой? А если дойдет до сделки, то тут будет из-за чего поторговаться, не так ли?

— Ах, ну разумеется. Да, конечно, ты совершенно правильно поступил, Каторн. Посади ее под замок, — на устах короля играла глупейшая улыбка. — Нет. Это несправедливо. Тебе нужно еще повеселиться нынче ночью. Да и кому не хочется повеселиться… — он посмотрел на меня. — Эй, Эрекозе… Эрекозе, который никак не может напиться. Я отдаю девку под твою ответственность, Герой.

Я кивнул. Мне было жаль эту девушку, какие бы там чудовищные преступления она ни совершила.

— Я беру ответственность за нее на себя, — сказал я.

Каторн глянул на меня подозрительно.

— Не беспокойтесь, лорд Каторн, — сказал я ему. — Делайте, как вам велит ваш король, — продолжайте веселиться. Убейте еще кого-нибудь. Или изнасилуйте. Там, наверное, еще много осталось.

Каторн сдвинул брови. Взгляд его несколько прояснился.

— Не много, — сказал он, — но несколько человек еще есть. Впрочем, об этом мы позаботимся. Изо всех лишь она одна увидит восход солнца. — И он кивнул своим бандитам: — Пошли! Пора с этим покончить.

Спотыкаясь и шаркая ногами, Каторн удалился.

Ко мне медленно подошел граф Ролдеро. Я по-прежнему стоял и смотрел на девушку.

Король тоже поднял голову.

— Ну что ж, Эрекозе, береги ее, — сказал он издевательским тоном. — Береги как зеницу ока. Это ценная приманка в наших играх с Арджавом.

— Отведите ее в мои апартаменты в Восточном крыле дворца, — велел я стражникам, — и проследите, чтобы к ней никто не приставал. Да смотрите — не упустите!

Девушку увели, и тут король Ригенос сделал попытку встать на ноги, покачнулся и с грохотом рухнул на пол.

Граф Ролдеро едва заметно усмехнулся.

— Что-то король наш не в себе, — пробормотал он. — А вот Каторн прав. Элдренская сучка будет нам очень полезна.

— Я прекрасно понимаю, что такая заложница нам чрезвычайно полезна, — сказал я ему, — но я совершенно не понял, что такое «Призрачные Миры». Я и раньше слышал упоминания о них. Что это такое, Ролдеро?

— Призрачные Миры? Как же, это ведь всем известно. Мне казалось, что ты, конечно же, тоже о них знаешь. Только мы стараемся пореже упоминать эти слова…

— Почему?

— Этих союзников Арджава все люди так боятся, что стараются о них даже не говорить: опасаются, что своими словами вызовут их к жизни… Понимаешь?

— Нет, ничего не понимаю.

Ролдеро потер переносицу и прокашлялся.

— Сам-то я не очень этим предрассудкам верю, Эрекозе. Как и ты.

— Я понимаю. Но все-таки, что такое «Призрачные Миры»?

Ролдеро явно начинал нервничать.

— Я тебе о них расскажу, но мне неприятно говорить об этом в их чертовом дворце. Элдрены куда лучше нас знают, что из себя представляют эти Призрачные Миры. Мы ведь сначала думали, что и ты тоже являешься их узником и находишься в Призрачных Мирах. Именно поэтому твой вопрос так меня удивил.

— Где эти Миры находятся?

— Призрачные Миры расположены за пределами Земли — за пределами Времени и Пространства… С самой Землей они связаны лишь очень тонкой, почти неощутимой связью. — Голос у Ролдеро сорвался, и он продолжал шепотом: — Там, в этих Призрачных Мирах живут, например, гигантские змеи, несущие смерть всему в наших восьми измерениях. Там еще живут духи и разные загадочные народы: такие, что похожи на обычных людей, и такие, что совсем на них не похожи; среди них есть такие, кто знает, что им Судьбой предначертано жить как бы вне Времени, и такие, кто даже не подозревает о своей страшной Судьбе. А еще там живут всякие близкие родственники элдренов — упыри, оборотни и прочая нечисть.

— Но что все-таки представляют из себя сами эти Миры? — нетерпеливо прервал я его.

Ролдеро нервно облизал губы.

— Это такие Миры, куда порой отправляются наши колдуны в поисках неведомой людям премудрости; оттуда они иногда приводят себе помощников — чудовищ, обладающих немыслимым могуществом. Говорят, что посвященный может встретить в этих Мирах своих давным-давно убитых в бою товарищей, свою возлюбленную, своих покойных родителей — и они иногда даже помогают людям! — ну и, конечно, в первую очередь он может встретить там своих врагов — причиной чьей смерти он послужил сам. Это самые злобные и могущественные враги человека… Иногда, впрочем, они бывают вроде как калеки: у кого половинки души не хватает, у кого рук-ног нету…

Я поверил тому, что он мне нашептал, — может быть, к этому времени я уже достаточно много выпил. А не в этих ли Призрачных Мирах зарождались и мои странные сны? Мне хотелось узнать поподробнее.

— Но все-таки, Ролдеро, какие они, эти Миры?

Ролдеро только головой замотал.

— Знаешь, Эрекозе, я всегда не очень-то интересовался этими загадками, всякой там мистикой… Я просто верю в то, что они существуют, но не пытаюсь объяснить их существования. Я даже не знаю, как на все эти твои вопросы и ответить! Это такие Миры, где полно тьмы и всяких там теней и призраков, где унылые воды морей бьются о мрачные берега… Иногда с помощью заклятий можно вызвать их жителей в наш мир — надеясь на их помощь или желая кого-то запугать, например. Мы считаем, что и сами элдрены родом оттуда, из этих ненастоящих, Призрачных Миров, если только они не явились на свет, как о том говорят наши сказания, из чрева проклятой Королевы, подарившей Азмобаане свою девственность в обмен на бессмертие. Бессмертие это унаследовали и ее отпрыски. Впрочем, элдрены достаточно материальны, хотя у них и нет души, тогда как призрачное воинство редко является во плоти.

— А эта Эрмизад?..

— Шлюха из Призрачных Миров!

— Почему ее так называют?

— Говорят, что она совокупляется с упырями, — пробормотал граф Ролдеро и еще выпил. — А упыри за это дают ей силы, чтобы

повелевать всякой прочей нечистью. Говорят, упыри от нее без ума, если только они на это способны.

В это я никак не мог поверить. Девушка казалась такой юной и невинной! Я так и сказал Ролдеро. Он только отмахнулся:

— Разве можно определить на глаз, сколько лет бессмертному существу? Да ты на себя посмотри. Сколько тебе лет, Эрекозе? Тридцать? Во всяком случае, старше ты не выглядишь.

— Но я же не вечен, — запротестовал я. — По крайней мере, в одном и том же теле я никогда долго не жил.

— И все-таки как ты определишь ее возраст?

Разумеется, крыть мне было нечем.

— Знаешь, я думаю, что в твоей истории о Призрачных Мирах много взято из бабушкиных сказок, друг мой Ролдеро. От тебя, честно признаюсь, я такого не ожидал!

— Если хочешь, можешь называть это сказками, — пробурчал Ролдеро. — Только ведь доказательств-то у тебя никаких, так что уж лучше пока поверить на слово.

— Придется, наверное.

— Удивляюсь я порой, глядя на тебя, Эрекозе, — сказал граф. — Вот, например, ты жизнью своей обязан произнесенному заклятию, а в существовании Призрачных Миров сомневаешься больше всех!

Я улыбнулся:

— Ты прав, Ролдеро. Мне следует больше верить другим.

— Ну, пошли, — сказал Ролдеро, направляясь к королю, лежавшему ничком в луже вина. — Надо нам отвести его величество в постельку, пока он не утонул.

Мы вместе подняли короля и, позвав на подмогу гвардейцев, потащили его в спальню и водрузили на кровать.

Ролдеро положил руку мне на плечо:

— И перестань наконец думать обо всем этом, друг мой. Это не доведет тебя до добра. Может, думаешь, мне было приятно, когда детей убивали? Или девушек насиловали? — Он вытер губы тыльной стороной ладони, словно пытаясь избавиться от противного вкуса во рту. — Но если бы это не было сделано с ними сейчас, Эрекозе, то же самое когда-нибудь непременно случилось бы с нашими собственными детьми и девушками. Я понимаю: элдрены красивы. Но точно так же красивы и многие змеи. Или волки, что режут наших овец. Куда

мужественнее довести до конца то, что сделать необходимо, чем притворяться, что сам ты не имеешь к этому никакого отношения. Ты понимаешь, о чем я?

Мы стояли в королевской спальне и смотрели друг на друга.

— Ты очень добр, Ролдеро, — сказал я.

— Таков мой дружеский совет тебе, — пояснил он свои слова.

— Я понимаю.

— Это ведь не ты принял решение перебить всех детей, — сказал он.

— Но я сам принял решение ничего не говорить об этом королю Ригеносу, — ответил я.

Заслышав собственное имя, король пошевелился и начал что-то бормотать во сне.

— Пошли, — улыбнулся Ролдеро, — надо убраться отсюда до того, как он припомнит слова той похабной песенки, которую обещал спеть нам.

Мы расстались с Ролдеро в коридоре, за дверями спальни. Граф посмотрел на меня озабоченно.

— Такое иногда совершенно необходимо, — сказал он. — Просто на нашу долю выпало претворить в жизнь решение, принятое несколько столетий тому назад. И пусть совесть не мучает тебя. В будущем нас, возможно, станут считать мясниками, но мы-то знаем, что это не так. Мы просто мужчины. Воины. И мы ведем войну с теми, кто хотел бы нас уничтожить.

Я ничего не сказал, только положил руку ему на плечо, потом повернулся и пошел к себе.

Душевные страдания заставили меня совсем позабыть о той девушке, пока у дверей своих апартаментов я не увидел стражу.

— С узницей все в порядке? — спросил я.

— Другого выхода отсюда нет, лорд Эрекозе, — сказал мне стражник. — Во всяком случае, для людей. Вот только если она вздумает призвать на помощь своих упырей…

— Если мы только это заметим, им от нас не уйти, — заверил я его. Он отпер дверь, и я вошел к себе.

В комнате горела только одна лампа, так что видно было плохо. Я зажег еще одну лампу.

Девушка лежала на кровати. Глаза ее были закрыты, однако на щеках еще не просохли обильные слезы.

«Значит, они плачут точно так же, как и мы», — подумал я.

Я не хотел тревожить ее, однако она открыла глаза, и мне показалось, что в них плеснулся ужас, хотя я и не был уверен, ибо глаза эти были действительно странными, как бы лишенными белков, и сверкали голубыми и золотистыми искрами. Посмотрев в эти глаза, я вспомнил, что рассказывал мне Ролдеро. Я уже начинал верить ему.

— Как вы себя чувствуете? — глупо спросил я.

Губы ее шевельнулись, но она ничего не ответила.

— Я не собираюсь вредить вам, — продолжал я тупо. — Я бы и детей тех пощадил, если бы это было в моих силах. И оставил бы в живых ваших воинов во время морского сражения. Но я обречен лишь вести воинов на бой. Мне не дано спасать их жизни.

Она нахмурилась.

— Я Эрекозе, — сказал я.

— Эрекозе? — слово это прозвучало в ее устах словно музыка. Казалось, оно знакомо ей куда лучше, чем мне самому.

— Вы знаете, кто я такой?

— Я знаю, кем ты был прежде.

— Я возродился вновь, — сказал я. — Не спрашивай меня, каким образом.

— Похоже, твое возрождение не принесло тебе счастья, Эрекозе?

Я пожал плечами.

— Эрекозе, — снова сказала она. И тихонько засмеялась — горький это был смех.

— Чему ты смеешься?

Но больше разговаривать со мной она не пожелала. В ответ на все мои попытки она просто закрыла глаза. И мне ничего не оставалось, как уйти. Я сразу же лег спать.

Видимо, вино все-таки наконец подействовало, а может, и что-то другое, — но спал я достаточно хорошо.

Глава XV
Возвращение

Утром я встал, умылся и постучал в комнату Эрмизад.

Ответа не последовало.

Подумав, что она, возможно, сбежала и теперь Каторн совсем замучает меня своими подозрениями, полагая, что убежала она не без моей помощи, я настежь распахнул дверь и вошел к ней.

Никуда она не сбежала. По-прежнему лежала на постели, но на этот раз глаза ее были широко распахнуты. Она смотрела куда-то в потолок. Ее загадочные глаза напоминали бездонные глубины космоса, полные мерцающих звезд.

— Как спалось? — спросил я.

Она не ответила.

— Ты плохо себя чувствуешь? — тупо продолжал я задавать вопросы, хотя она явно решила больше со мной не разговаривать. Я еще раз попытался расшевелить ее, а потом просто ушел. И спустился в гостиную, некогда принадлежавшую убитому нами губернатору города. Там меня ждал Ролдеро и еще несколько военачальников, выглядевших довольно-таки помятыми. Короля Ригеноса и Каторна среди них не было.

Ролдеро подмигнул мне:

— Похоже, у тебя даже голова не гудит после вчерашнего.

Он был прав. Сам я даже внимания на это не обратил, но, несмотря на немыслимое количество выпитого вчера, я не чувствовал ни малейшего похмелья.

— Я чувствую себя прекрасно, — сказал я.

— Ага, ну вот теперь я окончательно поверил в то, что ты бессмертный! — засмеялся он. — Мне, например, это даром не прошло. И, по-моему, королю Ригеносу и Каторну тоже, да и многим другим, кто вчера так славно развлекся. — Он придвинулся ближе ко мне и тихо сказал: — Надеюсь, что сегодня у тебя настроение уже получше, друг мой.

— Да вроде бы, — откликнулся я. На самом деле душа моя казалась мне как бы иссохшей, лишенной каких бы то ни было эмоций.

— Это хорошо. А как там эта тварь? С ней все в порядке?

— Да.

— И она не пыталась соблазнить тебя?

— Наоборот, она вообще не пожелала со мной разговаривать!

— Ну и прекрасно. — Ролдеро нетерпеливо оглянулся на дверь. — Надеюсь, они все же встанут наконец. Нам еще многое нужно обсудить. Как ты думаешь, стоит ли нам идти в глубь страны или мы останемся на побережье?

— Я считал, что мы уже решили, что лучше всего будет оставить здесь значительный контингент для защиты города, а затем вернуться на Два Континента, чтобы пополнить команды кораблей, запасы продовольствия и вооружения, а заодно и проверить, не было ли попыток атаковать наши территории, пока наш флот находился в Пафанаале.

Ролдеро кивнул:

— Да, это было бы самым разумным. Хотя мне лично этот план не очень по душе. Он вполне логичен, однако у меня не хватает сил терпеть, когда же наконец дело дойдет до следующей битвы с врагом.

Я его понимал.

— Я бы и сам очень хотел со всем этим поскорее покончить, — сказал я ему.

Но мы весьма слабо представляли себе, где сосредоточены остальные, главные силы элдренов. На континенте Мернадин было еще, по крайней мере, четыре очень крупных города. И самым важным из них был Лус Птокаи, расположенный неподалеку от Долин Тающих Льдов. Это была столица принца Арджава, и, судя по тому, что сказал тот элдрен на флагманском корабле, принц сейчас либо находился в Лус Птокаи, либо двигался по направлению к Пафанаалу, чтобы отбить его у захватчиков. Нам казалось, что он все-таки предпримет подобную попытку, ибо Пафанаал был самым важным портом на все побережье Мернадина. Владея им, мы могли отлично разместить свои корабли и постоянно доставлять сюда людские резервы и оружие для захвата всего континента.

И если Арджав все-таки предпринял поход на Пафанаал, то всем нам оставалось только беречь свои силы и ждать. Мы полагали, что можем оставить большую часть своего войска в Пафанаале, вернуться

в Нунос и привезти оттуда тех воинов, которые из-за недостаточного количества кораблей не смогли участвовать в нашем первом походе.

Однако у Ролдеро было на уме и кое-что еще.

— Мы не должны забывать и о крепостях, расположенных во Внешних Землях. Там правят волшебники. Крепости эти стоят на самом краю света. И Внешние Земли нам следовало бы захватить в самую первую очередь.

— А ты не можешь объяснить мне поточнее, что представляют собой эти Внешние Земли? — попросил я его. — Так ли уж они важны для нас в стратегическом отношении? И почему прежде, при обсуждении планов, о них никто даже словом не обмолвился?

— А, это все из-за того, что мы очень не любим говорить о том, что связано с Призрачными Мирами, особенно сидя у себя дома, — пояснил граф.

Я сделал вид, что страшно испуган:

— Ах, какой ужас! Снова эти Призрачные Миры!..

— Внешние Земли лежат как бы в преддверии Призрачных Миров, — совершенно серьезно сказал граф Ролдеро. — Оттуда элдрены могут легко призвать себе на помощь своих союзников-упырей. Может быть, теперь, когда Пафанаал уже наш, нам как раз стоило бы сосредоточить свое внимание на западной окраине континента — и прежде всего сокрушить те силы, что имеются у элдренов во Внешних Землях.

Я подумал: «А что, если скептицизм мой в этом отношении действительно неуместен? Впрочем, может быть, и сам Ролдеро преувеличивает могущество обитателей Призрачных Миров?»

— Ролдеро, а сам ты когда-нибудь видел этих упырей или призраков? — спросил я его.

— О да, друг мой, — ответил он. — И ты заблуждаешься, если думаешь, что все это лишь сказки. Они в достаточной степени реальны, эти существа!

Слова его почти убедили меня: Ролдеро я верил больше, чем кому-либо другому.

— В таком случае, возможно, нам действительно стоило бы несколько изменить прежние планы, — сказал я. — Мы можем оставить свои основные силы здесь в ожидании той атаки, которую предпримет Арджав, чтобы отбить свой главный порт. Это ему будет

сделать нелегко, поскольку атаковать он будет с суши. Мы же вернемся в Нунос с большей частью наших кораблей, прихватим оттуда и те, что к этому времени будут построены, пополним запасы живой силы и двинемся по направлению к Внешним Землям, — если наша точка зрения окажется справедливой, Арджав будет тщетно пытаться взять Пафанаал.

Ролдеро согласно кивнул:

— По-моему, это мудрое решение, Эрекозе. Но как быть с той девчонкой — нашей заложницей? Как нам в таком случае получше ее использовать?

Я нахмурился. Мне вообще не хотелось никак ее использовать. Мне хотелось спрятать ее там, где всего безопаснее.

— Мне кажется, ее лучше держать подальше отсюда, — сказал я. — Лучше всего в Некранале. Вряд ли элдрены смогут выкрасть ее оттуда, а если ей самой каким-то чудом удастся сбежать, то добраться до Мернадина ей будет очень нелегко. Что ты на этот счет думаешь?

— Я думаю, что ты прав. Так с ней и следует поступить, — согласно закивал головой Ролдеро.

— Мы, разумеется, должны обсудить все это с королем, — сказал я мрачно.

— Разумеется! — подхватил Ролдеро и подмигнул мне.

— И с Каторном, — прибавил я.

— Ну, разумеется, и с Каторном, — тут же согласился он. — Прежде всего с Каторном.

С Каторном и королем нам удалось поговорить лишь когда день уже клонился к вечеру. Они оба были чрезвычайно бледны и легко соглашались с любым нашим предложением, явно желая лишь одного: чтобы их оставили в покое.

— Таким образом, — вещал я, — мы закрепимся здесь и сумеем быстро сплавать в Некранал и обратно. Времени терять нельзя. Теперь, когда мы захватили Мернадин, вполне возможны яростные атаки со стороны наших противников…

— О да! — пробурчал Каторн. Глаза у него были совершенно красные. — И ты прав, что хочешь решительно воспрепятствовать Арджаву призвать на помощь элдренских союзников из Призрачных Миров.

— Я рад, что вы одобряете мой план, лорд Каторн, — сухо сказал я.

Его улыбка была скорее похожа на гримасу.

— Я бы сказал, что ты начинаешь показывать свой норов, господин мой. Ты все еще слишком мягкосердечен по отношению к проклятым элдренам, но начинаешь понемногу разбираться в том, что они из себя представляют…

— Я специально занимаюсь этим вопросом, — сообщил я ему.

Мы обсудили еще кое-какие мелкие детали, и разработка дальнейших планов была практически завершена, а за окнами тем временем наше храброе воинство продолжало праздновать победу над врагом.

Новый план был хорош.

И он непременно сработает, если элдрены поведут себя так, как мы ожидаем. А мы были уверены, что они поведут себя именно так.

Мы договорились, что в Некранал поплывем мы с королем Ригеносом, а Каторн останется в Пафанаале в качестве командующего. Ролдеро также должен был плыть с нами. Большая часть нашего войска оставалась здесь. Мы надеялись, что у элдренов нет поблизости второго флота: нам пришлось бы очень нелегко в случае их нападения в открытом море, ибо мы собирались плыть назад с минимальным количеством людей на борту.

Впрочем, в данной ситуации любое из возможных решений содержало в себе достаточный элемент риска, так что нам пришлось остановиться на том варианте, который казался наиболее реальным.

Следующие несколько дней были посвящены подготовке к плаванию, и вскоре мы были полностью к нему готовы.

Мы вышли из Пафанаала на рассвете, во время прилива, корабли еле ползли — так тяжело они были нагружены награбленным элдренским добром.

Я очень удивился, когда король позволил выделить Эрмизад хорошую каюту рядом с моей. Вообще его отношение ко мне после той пьяной ночи в Пафанаале как-то изменилось. В моем присутствии он вел себя сдержанно, даже, пожалуй, смущенно. Без сомнения, он помнил, хотя и довольно смутно, что тогда свалял дурака. А может быть, помнил и то, что я отказался праздновать с ним вместе победу

над врагом, или же считал, что я не желаю делиться с ним славой, хотя — Боже мой! — зачем мне эта грязная слава!

Или, может быть, он почувствовал, какое отвращение внушает мне та война, в которой я согласился ради него участвовать, и боялся, что я внезапно раздумаю играть роль Великого Героя, Защитника Человечества, которая была так отчаянно необходима в задуманном им спектакле?

Мне не предоставилось возможности поговорить с ним об этом, а граф Ролдеро не смог предложить мне иных объяснений, кроме одного: короля при его мягкосердечии само сражение и захват Пафанаала травмировали столь же сильно, как и меня самого. Это предположение, пожалуй, королю даже льстило.

Но я в справедливости предположений Ролдеро вовсе не был уверен, ибо король теперь, казалось, ненавидел элдренов еще сильнее, чем прежде. Это было очевидно уже по одному его отношению к Эрмизад.

Эрмизад по-прежнему говорить не желала. Она почти ничего не ела и крайне редко выходила из своей каюты. Но однажды вечером, проходя по палубе, я заметил, что она стоит у перил и смотрит в воду с таким видом, словно собирается броситься в волны морские.

Я поспешил подойти ближе к ней на тот случай, если она действительно решит броситься в море. Она на мгновение обратила взгляд в мою сторону и тут же снова отвернулась.

В этот самый миг на капитанском мостике появился король и крикнул мне оттуда:

— Я вижу, ты встал правильно, лорд Эрекозе: ветер дует с твоей стороны, так что запаха этой элдренской суки ты не чувствуешь!

Я поднял голову. Сначала я вообще не понял его слов и посмотрел на Эрмизад, которая сделала вид, что не слышит оскорблений Ригеноса. Тогда я тоже притворился, что не расслышал его слов, и лишь слегка поклонился.

Затем я вполне сознательно прошел у Эрмизад за спиной и остановился по другую сторону от нее, тоже глядя в море.

— Ты что же, лорд Эрекозе, обоняние утратил? — снова крикнул король. И снова я не обратил на его слова ни малейшего внимания.

— Прямо даже смотреть противно — такое дерьмо приходится терпеть на палубе корабля, а ведь столько труда стоило отскрести ее от

поганой элдренской крови! — продолжал король.

Тут уж я не выдержал и в ярости резко обернулся, но король уже ушел с мостика. Я посмотрел на Эрмизад. Она все так же не отрывала взгляда от темной воды, пенившейся под ударами весел. Казалось, ее заворожил ритм гребцов. Может быть, она действительно не слышала оскорблений?

Впрочем, у короля было еще немало возможностей оскорбить Эрмизад на пути в Нунос. И как только такая возможность предоставлялась, король сразу же начинал говорить о ней самой и о ее народе так, словно самой Эрмизад там не было. Говорил он, разумеется, всякие гадости.

Чем дальше, тем для меня оказалось труднее сдерживаться, но я все-таки сдерживался, ибо Эрмизад вообще ничем не показала, что слышит грязные инсинуации короля.

Я видел ее реже, чем мне того хотелось, и, несмотря на предостережения Ригеноса, она все больше нравилась мне. Она, безусловно, была самой красивой женщиной, какую я когда-либо встречал. Ее красота сильно отличалась от холодной красоты Иолинды, моей нареченной.

Что такое любовь? Даже теперь, когда, казалось бы, намеченная для меня Судьбой тропа пройдена почти до конца, я не знаю ответа на этот вопрос. О да, я все еще любил Иолинду, но, даже не подозревая об этом, постепенно влюблялся и в Эрмизад.

Мне совершенно не верилось и в то, что о ней рассказывали, даже тогда она уже очень нравилась мне и я ей искренне сочувствовал. Но мне и в голову не приходило как-либо изменить свое поведение по отношению к ней. Я должен был вести себя, как тюремщик с заключенной. Несмотря на то, что роль нашей узницы могла быть исключительно важна для грядущих сделок. Да и для окончательной победы над элдренами.

Раза два я даже задумывался, а есть ли смысл в том, чтобы держать ее в качестве заложницы. Если, по утверждениям короля Ригеноса, элдрены так холодны и не имеют сострадания, в отличие от людей, то с какой стати Арджаву волноваться, даже если его родная сестра будет убита?

Эрмизад, даже если она и была такой, какой с уверенностью изображал ее Ригенос, ничем не проявила того зла, что якобы было в

ней заключено. Скорее было похоже, что она обладает исключительным благородством души, что составляло разительный контраст с грубыми шутками и юродством самого короля.

А потом мне вдруг пришло в голову следующее: «Король, вполне возможно, понимает, что я неравнодушен к Эрмизад, и опасается, как бы союз его дочери и Защитника Человечества не оказался под угрозой».

Но я по-прежнему был верен Иолинде. Мне даже и в голову не приходила мысль о том, что брак наш может не состояться.

Видимо, существует великое множество разных видов любви. Какая же любовь самая главная среди них? Этого я сказать не могу. Даже и пытаться не буду.

Красота Эрмизад, безусловно, была не совсем человеческой, но это лишь придавало ей еще большее очарование. Впрочем, красота ее была достаточно близка и к общечеловеческому идеалу, чтобы привлечь мое внимание.

У нее было продолговатое, чуть заостренное книзу личико, которое Джон Дэйкер счел бы похожим на лицо эльфа, но, вероятно, не смог бы определить, насколько благородны черты. У нее был странный ускользающий взгляд. Порой глаза ее, лишенные белков и как бы сплошь светло-голубые, казались слепыми. И чуть заостренные ушки; высокие изящные скулы и хрупкое, почти мальчишеского сложения тело. Элдренские женщины вообще все были хрупкими, с тонкими талиями и маленькой грудью. Зато губы у Эрмизад были полные, сочные, и уголки их естественным образом чуть приподнимались вверх, когда лицо ее было спокойно. Казалось, что она все время слегка улыбается.

В течение первых двух недель нашего путешествия она говорить со мной не желала, хотя я постоянно оказывал ей всяческие знаки внимания. Я заботился о том, чтобы она ни в чем не знала нужды, и она передавала мне через своих стражников слова благодарности. Более ничего. Но однажды, когда я стоял на палубе в том месте, куда выходили наши каюты — моя, Ригеноса и ее, и, опершись о поручни, смотрел вдаль, на серое море и затянутое тучами небо, она вдруг подошла ко мне.

— Приветствую вас, сэр, — сказала она насмешливо.

Я был потрясен.

— Приветствую вас, леди Эрмизад, — ответил я. На ней был темно-синий плащ и длинная простая рубаха из светло-голубой шерсти.

— Сегодня, мне кажется, день полон предзнаменований, — проговорила она, глядя на мрачные тучи, что кипели над нашими головами. Тучи были свинцовые, с каким-то тускло-желтым оттенком.

— Почему вам так кажется? — полюбопытствовал я.

Она рассмеялась. Смех у нее был очаровательный — словно заиграли золотострунные арфы и зазвенели хрустальные колокольчики. То была музыка рая — не ада!

— Простите меня, — сказала она. — Мне хотелось вас растревожить. А вы, оказывается, достаточно эмоциональны, не то что иные представители вашего племени.

Я усмехнулся.

— А вы, миледи, оказывается, весьма высокого обо мне мнения. Что касается моего племени, то я считаю их предрассудки довольно скучными и бессмысленными. Что же касается оскорблений…

— О, это меня вовсе не тревожит, — сказала она. — Это всего лишь ничтожные, мелкие глупости.

— Вы очень великодушны.

— Мне кажется, мы, элдрены, вообще очень великодушный народ.

— А мне о вас говорили совсем иное.

— Без сомнения.

— И тому доказательством служат мои собственные раны! — Я улыбнулся. — Ваши воины как-то не проявляли великодушия или милосердия во время морского сражения близ Пафанаала.

Она опустила голову.

— А ваши — когда взяли Пафанаал. Это ведь правда? Что, я единственная, кто остался в живых?

Я облизнул губы, которые вдруг пересохли.

— Видимо, это так, — тихо ответил я ей.

— Значит, мне повезло, — и голос ее зазвенел.

Я, разумеется, ничего больше не мог сказать ей в ответ.

Мы стояли и молча глядели в море.

Чуть позже она снова заговорила:

— Значит, ты и есть Эрекозе. Ты не похож на прочих людей. Точнее, ты вроде бы не совсем такой, как остальные люди…

— Ага! — воскликнул я. — Вот теперь-то я и понял, что ты — мой враг.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Мои враги — в частности, лорд Каторн — обычно подозревают меня в принадлежности к элдренам.

— А ты разве человек?

— И ничто другое! В этом я совершенно уверен. У меня абсолютно те же проблемы, что и любого смертного. И я столь же многого не понимаю, хотя, конечно, вопросы передо мной встают несколько иные… Я не понимаю, например, как я попал сюда. Они говорят, что я Великий Герой, возродившийся вновь. Явившийся в этот мир, чтобы спасти их от твоего народа. Они вызвали меня сюда с помощью заклятия. Но мне иногда кажется, — по ночам, во сне, — что прежде я выступал в обличье многих героев…

— И все они были люди?

— Не уверен. Не думаю, чтобы из-за вызвавшего меня заклятия полностью изменился и мой характер, и сама моя сущность. Впрочем, у меня нет ни особой мудрости, ни особого могущества. Разве тебе не кажется, что бессмертное существо должно было бы обрести великую мудрость за столь долгие годы?

Она едва заметно кивнула:

— Да, мой господин, я думаю, что это так.

— Я даже не очень хорошо представляю, где именно оказался, — продолжал я. — Я не знаю, явился ли я в этот мир из отдаленного будущего или из далекого прошлого…

— Слова «прошлое» и «будущее» мало что значат для элдренов, — сказала она. — Но многие из нас верят, что прошлое и будущее — это одно и то же, если время движется по кругу: ведь тогда прошлое становится будущим, а будущее — прошлым.

— Занятная теория, — сказал я. — Но слишком простая, не правда ли?

— Пожалуй, я согласна с тобой, — прошептала она. — Время — вещь коварная. Даже мудрейшие наши философы не до конца понимают его природу. Элдрены не слишком задумываются о времени — обычно в этом просто нет необходимости. Конечно, у нас

есть свои варианты истории. Но история не принадлежит кому-либо одному. Или даже целому народу. Это всего лишь запись некоей последовательности событий.

— Я тебя понимаю, — сказал я.

И она подошла совсем близко к поручням, положив свою легкую руку на них и глядя в море.

И тут у меня возникло такое чувство, какое отец может испытывать по отношению к дочери, восхищаясь ее невинностью и умом. Ей просто не могло быть — я это чувствовал! — больше девятнадцати. И все же в ее голосе звучала уверенность, которая приходит лишь с опытом, она держалась слишком гордо и достойно для столь юного возраста, хотя и доверчиво. Я впервые задумался о том, что король Ригенос, вполне возможно, говорил правду. Да и в самом деле, как определить возраст бессмертного существа?

— Сперва я думал, — снова заговорил я, — что явился из вашего будущего. Но теперь я в этом не уверен. Может быть, как раз наоборот, ваш мир по отношению к тому, что я называю «двадцатым веком», — далекое будущее.

— Этот мир очень стар, — согласилась она.

— Существуют ли исторические записи, свидетельствующие о том, что некогда мир этот населяли одни лишь люди?

— У нас подобных записей нет, — улыбнулась она. — Существует, правда, некий миф, некий обрывок легенды, говорящий о том, что некогда Землю населяли одни только элдрены. Всем этим серьезно занимался мой брат. Я уверена, что он, конечно, знает больше меня.

Я содрогнулся. Не знаю почему, но мне вдруг показалось, что внутри у меня все заледенело. И мне становилось, если честно, нелегко продолжать этот разговор, хотя я очень хотел его продолжить.

Она, похоже, не заметила моих переживаний.

— Итак, сегодня день предзнаменований, мадам. Надеюсь, нам удастся вскоре еще побеседовать, — и, откланявшись, я поспешил в свою каюту.

Глава XVI
Первая ссора с королем

В ту ночь я лег спать, не опустошив, как обычно, кувшин вина, способного затуманить мои мысли. И поступил так вполне сознательно, хотя и не без трепета душевного.

— Эрекозе…

Я слышал, как кто-то зовет меня, но теперь это не был голос короля Ригеноса.

— Эрекозе…

Голос был мелодичный, незнакомый.

Я видел зеленые, шумящие под ветром леса, зеленые холмы, поляны, замки и каких-то изящных животных, названия которых были мне неведомы…

— Эрекозе? Но меня зовут не Эрекозе, — сказал я. — Меня зовут Корум. Принц в Алой Мантии. И я ищу свой народ. Куда пропали все люди из моего племени? Неужели поискам этим не будет конца?

Я ехал верхом. Лошадь была покрыта желтой бархатной попоной, через седло перекинуты дорожные сумки и мое оружие — два копья, простой круглый щит, лук и колчан со стрелами. На голове у меня был конической формы серебряный шлем; на мне была двойная кольчуга из металлических колец — нижний слой из бронзы, а верхний из серебра. А в руках я держал длинный могучий меч, но не меч Канаяну…

— Эрекозе!

— Я не Эрекозе…

— Эрекозе!

— Я Джон Дэйкер!

— Эрекозе!

— Я Джерри Корнелиус.

— Эрекозе!

— Я Конрад Арфлейн.

— Эрекозе!

— Что тебе нужно?

— Нам нужна твоя помощь!

— Вы уже получили мою помощь!

— Эрекозе!

— Я Карл Глогауэр!

— Эрекозе!

Имена не имели никакого значения. Теперь я это понял. Имел значение только один факт. То, что я бессмертен. Не способен умереть. Вечен. Приговорен иметь множество обличий, множество имен, но всегда лишь участвовать в сражениях…

И, может быть, я заблуждался еще в одном. Может быть, я был не настоящим человеком, а всего лишь стал на него похож, поскольку в данный момент на меня была надета человеческая личина.

Мне показалось, что при этой мысли я взвыл нечеловеческим голосом. Кто же я такой, в конце концов? Кто? Если я не человек?..

Тот голос продолжал звать меня, но я не желал слышать эти призывы. Как бы мне хотелось никогда не слышать его, не слышать ничьего зова, спать себе спокойно в уютной постели в уютном обличье Джона Дэйкера…

Я проснулся весь в поту. Ничего нового я не узнал ни о себе, ни о своем загадочном происхождении. Похоже, я только больше запутался во всех этих проблемах.

Ночь еще не кончилась, но я не решился снова заснуть.

Я напряженно вглядывался во тьму. Я видел опущенные шторы на окнах, белые простыни на кровати, жену со мною рядом…

И тут я заплакал.

— ЭРЕКОЗЕ — ЭРЕКОЗЕ — ЭРЕКОЗЕ…

— Я Джон Дэйкер! — завопил я. — Посмотри — я ведь Джон Дэйкер!

— ЭРЕКОЗЕ…

— Я понятия не имею об этом имени — Эрекозе. Меня зовут Элрик, принц Мелнибонэ. Элрик-Убийца. У меня много и других прозвищ…

Много прозвищ… много прозвищ… много прозвищ…

Как это возможно: иметь одновременно десятки обличий? Совершенно беспрепятственно перемещаться из одной исторической

эпохи в другую? И даже улетать с Земли туда, где сияют лишь холодные звезды?

Послышался какой-то шелест, и теперь я куда-то падал в безвоздушном пространстве — вниз, вниз, вниз… И во всей Вселенной не было ничего, кроме неких сгустков газа. Не было ни силы притяжения, ни цветов, ни воздуха, ни разума — за исключением моего собственного, а может быть, и чьего-то еще, но неведомо где…

Я снова заплакал.

И решил больше ничего не узнавать о себе.

«Какой бы рок ни правил моей судьбой, — подумал я утром, — я все равно никогда не познаю его природы. И может быть, так оно и лучше».

Я вышел на палубу и увидел, что Эрмизад стоит на том же месте, что и вчера, словно никуда и не уходила. Небо расчистилось, и кое-где меж облаков даже проглядывали солнечные лучи, косо падая на неспокойную поверхность моря, отчего мир казался поделенным на две половины — темную и светлую.

Мрачноватый день.

Некоторое время мы стояли молча и смотрели, как убегают назад барашки волн, как равномерно погружаются в воду весла.

И снова она заговорила первой.

— Что они собираются со мной сделать? — тихо спросила она.

— Ты будешь заложницей на тот случай, если твой брат Арджав решится когда-либо атаковать Некранал, — сказал я. Это была лишь половина правды. Были и другие способы использовать ее в качестве приманки для Арджава, но бессмысленно было бы посвящать ее в подобные детали. — Ты будешь в безопасности — королю Ригеносу просто не удастся заключить ни одной сделки, если с тобой что-то случится.

Она вздохнула.

— Но почему ни ты, ни другие элдренские женщины не спаслись бегством, когда наши корабли вошли в гавань Пафанаала? — спросил я ее. Эта загадка уже давно не давала мне покоя.

— Элдрены не спасаются бегством, — ответила она. — Они не убегают из городов, которые построили.

— Но они же бежали в Горы Скорби несколько столетий назад, — заметил я.

— Нет, — она покачала головой. — Их туда согнали. Это совсем другое.

— Да, это совсем другое, — согласился я.

— Что «совсем другое»? — послышался вдруг чей-то еще голос. То был король Ригенос. Он, оказывается, неслышно вышел из своей каюты и стоял у нас за спиной чуть поодаль на раскачивающейся палубе. На Эрмизад он не смотрел, он уставился прямо на меня. Выглядел он плохо.

— Приветствую вас, сир, — сказал я. — Мы просто обсуждали различные значения слов.

— Что-то ты больно подружился с этой элдренской шлюхой, — презрительно фыркнул он. Как это в человеке, показавшем себя в разных обстоятельствах удивительно добрым и мужественным, мог просыпаться грубый варвар, стоило речи зайти об элдренах?

— Сир, — решительно сказал я, ибо сохранять прежнюю вежливость был уже не в состоянии. — Сир, вы говорите о женщине, которая хотя и является нашим врагом, но все же благородной королевской крови!

Он снова презрительно фыркнул:

— Королевской крови! Ту мерзость, что течет в их грязных жилах, даже и кровью-то назвать нельзя! Берегись, Эрекозе! Я все больше убеждаюсь, что ты недостаточно хорошо представляешь себе нашу жизнь, что память твоя замутнена. Помни одно: расплавленное золото, что сочится с языка этой шлюхи, может и тебя, и всех нас довести до погибели. Не слушай ее речей!

Он еще ни разу столь прямо и напыщенно не говорил со мною об этом.

— Сир… — начал было я.

— Она сплетет такое заклятие, что ты, подобно псу, станешь ползать у ее ног, ожидая подачки, и тогда уж нам от тебя никакого проку не будет. Берегись, Эрекозе, предупреждаю тебя! Великие Боги! Я уже склоняюсь к тому, чтобы отдать ее гребцам — поразвлечься, — а потом бросить за борт!

— Вы приказали мне защищать ее, ваше величество, — сердито сказал я. — И я поклялся защитить ее от любой опасности!

— Глупец! Но я тебя предупредил. Я не желаю ссориться с тобой, Эрекозе. Больше того, я не желаю терять своего Героя. Если я еще замечу, что она продолжает приманивать тебя, я ее убью. И ничто меня не остановит!

— Я служу вам, ваше величество, — сказал я, — и делаю это по вашей просьбе. Но вам следует запомнить — я Эрекозе. Я много раз играл роль разных Героев и Защитников. То, что я делаю сейчас, я делаю только ради племени людей. Я не присягал на верность ни вам, ни какому-нибудь другому королю. Я Эрекозе, Герой, Защитник Человечества, но не защитник Ригеноса!

Глаза его сузились.

— Это что же, предательство? — похоже было, что он хотел бы этого.

— Нет, король Ригенос. Разногласия с одним-единственным представителем Человечества еще не означают предательства всего племени людей.

Он ничего не сказал, но продолжал стоять и смотреть на меня, — похоже, он ненавидел меня столь же сильно, как и эту элдренскую девушку. Он тяжело дышал, он почти задыхался.

— Не давай мне поводов пожалеть о том, что я заклятием вызвал тебя в этот мир, мертвый Эрекозе, — сказал он наконец, повернулся и ушел к себе.

— Я думаю, нам лучше прекратить этот наш разговор, — тихо проговорила Эрмизад.

— Мертвый Эрекозе, а? — сказал я и засмеялся. — Если я мертв, то не слишком ли подвержен эмоциям для трупа? — Я не придавал нашей ссоре с королем особого значения, однако дело оборачивалось так, что теперь Ригенос вполне мог и не позволить мне жениться на Иолинде, ведь он до сих пор так и не знал, что мы с ней обручены.

Эрмизад посмотрела на меня как-то странно и чуть коснулась моей руки, словно желая успокоить.

— Ну, допустим, что я действительно мертв, — сказал я. — Не видела ли ты подобных мне существ в Призрачных Мирах?

Она покачала головой:

— Таких не видела.

— Значит, Призрачные Миры действительно существуют? — воскликнул я. Пожалуй, вопрос мой звучал вполне риторически.

— Ну конечно, они существуют! — она рассмеялась. — Никогда не встречала человека, который бы так во всем сомневался!

— Расскажи мне о них, Эрмизад.

— Что же тебе рассказать? — она покачала головой. — К тому же, если ты так и не веришь тому, что уже слышал о них, то вряд ли есть смысл мне рассказывать что-то еще — ты ведь все равно не поверишь, не так ли?

— Может быть, и не поверю, — пожал я плечами. Но чувствовал, что на самом деле ей очень хочется рассказать мне об этих Мирах, и решил не торопить события. — Скажи мне только одно: можно ли узнать тайну моего существования, побывав в Призрачных Мирах?

В улыбке ее сквозило сочувствие:

— Как же я могу ответить на этот вопрос, Эрекозе?

— Не знаю… я думал, что элдрены больше знают… больше знают о всяком колдовстве…

— Ну вот, теперь ты демонстрируешь те же предрассудки, что и все люди вашего племени, — сказала она. — Ты не веришь…

— Мадам, — сказал я, — я не знаю, чему мне следует верить. Логика этого мира — как человеческого, так и элдренского, — боюсь, совершенно мне недоступна.

Глава XVII
Снова в Некранале

Хотя король явно сдерживал себя и больше не проявлял столь откровенно свою неприязнь по отношению ко мне или Эрмизад, нельзя было все же сказать, что наши отношения стали более теплыми; впрочем, он как-то успокоился по мере того, как мы приближались к берегам Некранала.

Вскоре вдали показался Нунос, где мы оставили большую часть флота для пополнения запасов продовольствия и личного состава, а сами поплыли вверх по реке Друнаа в Некранал.

Вести о нашей великой победе в морском сражении уже достигли столицы. Разумеется, слухи о моем участии были сильно преувеличены, и выходило, будто я в одиночку потопил несколько кораблей, перерезав на них всю команду.

Я ничего не стал предпринимать, чтобы установить истину, ибо опасался козней со стороны короля Ригеноса. Народ восхищался мной так сильно и так раболепствовал передо мной, что вряд ли ему удалось бы как-то очернить меня. Могущество мое после возвращения в Некранал значительно возросло, ибо я одержал победу, доказал, что являюсь именно тем Героем, которого они хотели получить.

Теперь, скорее, было похоже на то, что если король пойдет против меня, то гнев народа поднимется против него самого — и тогда это, пожалуй, будет стоить ему короны, а может быть, и головы.

Это, разумеется, вовсе не означало, что он тут же горячо полюбит меня, но тем не менее, когда мы снова добрались до Дворца Десяти Тысяч Окон, король был со мной уже вполне любезен.

Думаю, что он уже начал воспринимать меня как угрозу своему трону, но, завидев свой дворец, подданных и родную дочь, как бы вновь убедился, что все еще правит этой страной и будет править всегда. Меня же его корона совершенно не интересовала — только его дочь.

Стражники увели Эрмизад в предназначенные для нее комнаты, едва мы успели подъехать ко дворцу, так что Иолинда, сбежавшая нам навстречу по широкой лестнице главного вестибюля и с сияющей

улыбкой бросившаяся целовать сперва отца, а потом и меня, ее не застала.

— Ты уже рассказывал отцу о нашей тайне? — спросила она.

— Я думаю, что он уже знал обо всем еще до того, как мы с тобой простились, — засмеялся я и обернулся к Ригеносу, на лице которого появилось несколько растерянное выражение. — Сир, мы обручены и хотели бы обвенчаться. Вы благословите нас?

Король раскрыл рот, вытер пот со лба и сглотнул, прежде чем кивнуть головой и ответить:

— Ну разумеется! Благословляю вас обоих. Этот брак еще больше укрепит наш союз.

Иолинда чуть-чуть нахмурилась:

— Отец… скажи, ты действительно рад?

— Ну, ко… да, разумеется, я очень доволен, разумеется! Но я очень устал после долгого пути и тяжкого сражения, дорогая моя. Мне необходимо отдохнуть. Прости меня…

— Ах, это ты прости меня, дорогой. Да-да, тебе совершенно необходимо отдохнуть. Ты плохо выглядишь. Я велю рабам приготовить тебе поесть, чтобы ты мог пообедать прямо в постели…

— Это хорошо, — проговорил король, — очень хорошо…

Когда он ушел, Иолинда внимательно посмотрела на меня.

— Ты тоже, конечно же, выглядишь очень утомленным, Эрекозе. Ты не ранен?

— Нет. Хотя бой был кровавый. И из того, что мы были вынуждены сделать, мне мало что пришлось по душе.

— Воины обычно убивают других людей — на то и война.

— Да, конечно, — хрипло сказал я. — Ну а женщин, Иолинда? Ну а детей? Совсем младенцев?

Она облизнула губы. Помолчав, сказала:

— Пойдем. Пойдем ко мне. Поешь у меня. Там тебе будет спокойнее.

Когда мы поели, я почувствовал себя лучше, но на душе у меня по-прежнему скребли кошки.

— Что с тобой? — спросила Иолинда. — Что-нибудь случилось в Мернадине?

— Да нет, всего лишь крупное морское сражение. Мы его выиграли.

— Но это ведь хорошо.

— Да.

— И вы захватили Пафанаал. Атаковали его и захватили.

— Кто сказал тебе, что мы его «атаковали»? — изумленно спросил я.

— Как? Ну все… все вернувшиеся воины… Мы узнали об этом незадолго до того, как прибыл ваш корабль…

— Нам никто не оказал ни малейшего сопротивления в Пафанаале, — сказал я ей. — Там и оставалась-то всего горстка женщин да горстка детей. Всех их перерезали наши воины.

— Во время захвата города всегда гибнут и женщины с детьми, — возразила она. — Ты не должен винить себя, если…

— Мы не захватывали этот город, — повторил я. — Он был беззащитен. Там не было ни одного мужчины. Все мужское население Пафанаала отправилось сражаться с нами на море. И все они погибли.

Она пожала плечами. Очевидно, так и не в состоянии была представить себе, что же там на самом деле произошло. Может, оно было и к лучшему, но я все-таки не смог удержаться и не прибавить:

— И еще: несмотря на то, что мы и так одержали бы победу, мы не обошлись без предательства.

— Так, значит, вы были преданы? — она с готовностью вскинула на меня глаза. — Вас коварно предали элдрены?

— Элдрены бились честно. А мы во время перемирия убили их командующего флотом.

— Понятно, — сказала она. И улыбнулась: — Ну что ж, надо постараться помочь тебе забыть обо всех этих ужасах, Эрекозе.

— Надеюсь, тебе это удастся, — сказал я.

На следующий день король объявил жителям Некранала о нашей помолвке. Весть эта была воспринята с большой радостью. Мы стояли с Иолиндой на большом балконе и смотрели на толпу внизу. Мы улыбались, приветливо махали руками, однако стоило нам вернуться во дворец, как король тут же ушел, поспешно пробормотав какие-то слова извинения.

— Кажется, отец все-таки действительно не слишком доволен нашим будущим браком, — растерянно проговорила Иолинда, — хотя и благословил нас.

— Мы просто не сошлись с ним в некоторых тактических вопросах еще во время сражения, — пояснил я. — Ты же знаешь, как мы, воины, близко к сердцу принимаем подобные разногласия. Скоро он об этом забудет.

Однако я был встревожен. Я считался Великим Героем, меня все кругом обожали, я собирался жениться на королевской дочке, как и подобает настоящему герою, и все-таки мне начинало отчетливо казаться, что не все идет так, как надо.

Такое чувство у меня явно уже возникало и прежде, но я не мог точно вспомнить, при каких обстоятельствах. Я не знал даже, не вызвано ли мое волнение всего лишь думами, которые навевали мне мои странные сны, моей тревогой по поводу своего появления в этом мире, или же то зрел тяжелый конфликт между королем и мною. Думаю, что вероятность последнего была крайне мала, а потому и беспокойство мое, скорее всего, было лишено оснований.

После объявления о нашей помолвке мы с Иолиндой могли уже делить одно ложе, как то было принято во всех королевствах.

Но в ту, самую первую, ночь нам было не до любви.

Где-то среди ночи, разбуженный легким прикосновением к моему плечу, я вскочил.

И улыбнулся с облегчением:

— Ах, это ты, Иолинда.

— Да, это я, Эрекозе. Ты так стонал и метался во сне, что я решила тебя разбудить.

— Да-да… — я протер глаза. — Спасибо. — Я почти ничего не помнил, но, видимо, это были все те же обычные сны.

— Расскажи мне об Эрмизад, — попросила вдруг Иолинда.

— Об Эрмизад? — Я зевнул. — А что тебе о ней рассказать?

— Я слышала, ты с ней часто виделся. И много разговаривал. Я никогда в жизни не разговаривала ни с одним элдреном. Обычно мы ведь пленных не берем…

— Что ж, не знаю, как для тебя это прозвучит, но мне она показалась… обычным человеком, — улыбнулся я.

— Ох, Эрекозе! Зачем так плохо шутить! Говорят, она красива. Говорят, у нее на совести тысяча человеческих жизней. Злая она или нет? Она ведь соблазном довела до смерти стольких мужчин…

— Я ее об этом не спрашивал, — сказал я. — Мы в основном обсуждали с ней философские вопросы.

— Значит, она весьма умна?

— Не знаю. Мне она показалась очень юной и совершенно невинной. — И я поспешил дипломатично добавить: — Впрочем, возможно, тут-то ее хитрость и проявляется: она только кажется невинной.

— Невинной, как же! — Иолинда нахмурилась.

Я рассердился:

— Я ведь всего лишь говорю, какое она произвела впечатление на меня, Иолинда. Ничего более я ни об Эрмизад, ни об остальных элдренах не знаю.

— Ты меня любишь, Эрекозе?

— Конечно!

— А ты… ты не предашь меня?

Я рассмеялся и обнял ее:

— Как ты можешь даже предполагать такое!

И после этого мы снова уснули.

На следующее утро король Ригенос, граф Ролдеро и я сошлись внизу, чтобы обсудить дальнейшие наши стратегические планы. Погрузившись в карты и планы сражений, король несколько оттаял и даже стал в какой-то степени вновь приветлив. Мнения наши относительно будущего полностью совпадали. Теперь было почти очевидно, что Арджав предпримет попытку отбить Пафанаал и, разумеется, потерпит поражение. Возможно, он осадит город, однако у нас будет возможность подвозить туда провизию и оружие с моря, так что он лишь будет напрасно терять время. Между тем наши войска предпримут поход на границу с Призрачными Мирами и, таким образом, нанесут элдренам удар с фланга; Ригенос и Ролдеро заверили меня, что в таком случае у тех уже не будет возможности призвать себе на помощь обитателей Призрачных Миров.

Целиком же весь план зависел, разумеется, от того, пойдет ли Арджав на штурм Пафанаала или нет.

— Но он ведь наверняка уже двинулся в поход, когда мы брали город, — уверял меня Ригенос. — Для него совершенно бессмысленно теперь поворачивать назад. Чего он, собственно, этим может добиться?

Ролдеро был с ним согласен:

— Я думаю, что он почти наверное сосредоточит свои главные силы на штурме Пафанаала. Еще два или три дня, и наши корабли будут снова готовы к походу. В скором времени мы подчиним себе Внешние Земли, а затем двинемся на Лус Птокаи. И будет отлично, если основная часть войска Арджава будет занята осадой Пафанаала. Тогда к концу года в наших руках окажутся все основные опорные пункты элдренов.

Мне подобная самоуверенность казалась несколько преждевременной. Нужно отдать должное Каторну — он не был бы так уверен в успехе. А потому я почти пожалел, что Каторн в совещании не участвует. Я уважал его советы: он был опытным воином и отличным стратегом.

А на следующий день, когда мы снова сидели, заваленные картами и планами, были получены первые новости.

Новости нас поразили. Теперь приходилось полностью пересматривать все наши планы. Вся наша стратегия оказывалась никуда не годной. Мало того, мы оказывались в весьма опасном положении.

Арджав, принц Мернадина, правитель всех элдренов, не стал штурмовать Пафанаал. Огромное наше войско тщетно ожидало его там, но он не удостоил город своим визитом.

А может быть, он никогда и не имел такого намерения.

Может быть, он с самого начала действовал по заранее намеченному плану, и в дураках оказались именно мы. Он переиграл нас! Обвел вокруг пальца!

— Я же говорил, что эти элдрены дьявольски умны, — заявил король Ригенос. — Я предупреждал тебя, Эрекозе.

— Теперь я вам верю, ваше величество, — скромно сказал я, тщетно пытаясь сразу переварить огромность свалившейся на нас проблемы.

— И каково же теперь твое отношение к ним, друг мой? — спросил Ролдеро. — Тебя все еще мучают сомнения?

Я только головой помотал. Всем сердцем я был предан Человечеству. Теперь не оставалось времени на угрызения совести, на попытки понять действия этих чуждых людям существ. Я их явно недооценил, а теперь Человечеству, похоже, придется за это платить.

Корабли элдренов достигли берегов Некралала на востоке континента и высадили десант достаточно близко от Некранала. Теперь их сухопутные войска упорно продвигаются к Некраналу, и, судя по сообщениям разведки, ничто не может сдержать их.

Я проклинал себя. Ригенос, Каторн, Ролдеро, даже Иолинда — все, все они оказались правы! А меня провели с помощью позлащенного язычка, с помощью нечеловеческой красоты…

А в Некранале между тем почти не осталось воинов. Половина нашего войска осталась в Пафанаале, и потребовался бы месяц, прежде чем они смогли бы добраться сюда. У нас были тяжелые суда, элдренские легкие парусники смогли бы пройти это расстояние в два раза быстрее! Мы-то считали, что уничтожили весь их флот в битве при Пафанаале. Ан нет, то была лишь его малая часть!

На лицах всех присутствующих была написана тревога, когда мы поспешно разрабатывали новые планы.

— Теперь не имеет смысла вызывать сюда из Пафанаала наши войска, — сказал я. — К тому времени, как они достигнут наших берегов, исход битвы будет уже предрешен. Пошли туда гонцов, Ролдеро. Пусть они как можно скорее сообщат нашим, что произошло, и пусть Каторн сам решает, как ему лучше поступать теперь. Вели передать, что я ему полностью доверяю.

— Хорошо, — кивнул Ролдеро. — Но у нас в распоряжении крайне мало солдат. Несколько отрядов могут быть переброшены сюда из Завары, если послать туда гонцов. Какое-то количество людей есть еще в Сталако, Калодемии и Тратарде. Предположим, что они будут здесь через неделю. Потом есть еще войска в Шилаале и Синане, но я не уверен, стоит ли отзывать их оттуда…

— Я согласен с тобой, — сказал я. — Порты необходимо удержать любой ценой. Кто знает, сколько еще кораблей имеется у элдренов в запасе? — Я снова выругался. — Ах, если б нам сведений побольше! Где бы шпионов взять…

— Об этом нечего и говорить, — оборвал меня Ролдеро. — Кто из людей способен притвориться элдреном? Да и у кого сил хватит —

даже ради такой цели! — среди них тереться?

— Все наши основные силы сосредоточены в данный момент в Нуносе, — вмешался Ригенос. — Мы должны будем послать за ними, и тогда нам останется только молиться, чтобы элдрены не вздумали пойти на штурм Нуноса. — Он посмотрел на меня. — Это не твоя вина, Эрекозе. Я очень сочувствую тебе. Мы слишком многого от тебя хотели…

— Что ж, теперь вы можете требовать от меня куда больше! Я заставлю этих элдренов отступить! — пообещал я ему.

Ригенос задумчиво насупился.

— У нас есть только одна приманка для элдренов, — сказал он. — Эта шлюха, сестра Арджава…

И тут меня осенило. Сестра Арджава… Мы-то думали, что он непременно атакует Пафанаал, а он этого делать не стал. Мы даже не предполагали, что он решится напасть на Некранал. А он поступил именно так. Сестра Арджава…

— И что мы с ней будем делать? — спросил я.

— Может быть, нам использовать ее так: сообщить Арджаву, что, если он не уберет свои войска, мы ее убьем?

— А он нам поверит?

— Ну, это зависит от того, насколько он любит собственную сестру, не так ли? — король ухмыльнулся, настроение у него явно улучшилось. — Да. Именно так и попробуй поступить, Эрекозе. Только ни в коем случае не показывай ему свою слабость. Возьми с собой столько людей, сколько тебе нужно.

— Естественно, возьму, — сказал я. — Только мне кажется, что личные переживания не смогут помешать Арджаву захватить нашу столицу, раз уж ему представилась такая возможность.

На эти мои слова король внимания не обратил. Да и сам я уже начинал сомневаться в их справедливости; я уже совершенно не представлял себе, что еще способен предпринять этот принц.

Король Ригенос положил руку мне на плечо:

— У нас с тобой были разногласия, Эрекозе. Но теперь мы снова союзники. Ступай же. И выиграй бой с Гончими Псами Зла. Убей Арджава. Это для тебя единственная возможность обезглавить элдренское чудовище. А если сражение между людьми и элдренами

все же будет неизбежным — используй его сестру, чтобы выиграть для нас время. Будь мужественным, Эрекозе, будь хитрым — держись!

— Я попытаюсь, — сказал я. — Я немедленно отправляюсь в Нунос. С собой возьму всю кавалерию, оставив лишь несколько отрядов пехоты и артиллерии для защиты города.

— Поступай как считаешь нужным, Эрекозе.

Я забежал к себе и попрощался с Иолиндой. Глаза ее были полны печали.

К Эрмизад я не зашел. И не сказал ей ничего о наших планах.

Глава XVIII
Принц Арджав

Верхом, в своих замечательных доспехах, выехал я из столицы во главе войска. На конце копья вился мой флажок — серебряный меч на черном поле, конь выступал гордо, в осанке моей чувствовалась уверенность, а за спиной у меня было пять тысяч рыцарей, и я понятия не имел о том, какова численность армии элдренов.

Мы направлялись к востоку от Нуноса, где было замечено передвижение войск противника. В наши планы входило: отсечь им доступ к Некраналу.

Задолго до того как мы встретились с армией Арджава, нам довелось немало услышать о победоносном продвижении элдренов от бежавших из оккупированных районов крестьян и горожан. По всей очевидности, элдрены упорно стремились достичь Некранала, обходя стороной остальные крупные населенные пункты. В общем-то никаких особых сообщений о жестокости элдренов я не услышал. Похоже, они слишком спешили, чтобы обращать внимание на мирных жителей.

У Арджава, видимо, не было иной цели. Он стремился как можно скорее осуществить задуманное. Я почти ничего не знал об этом элдренском принце, разве что «он дьявол во плоти, убийца и мучитель невинных женщин и детей». А потому мне хотелось как можно скорее вступить с ним в бой.

И еще один слушок прошел относительно армии принца Арджава: говорили, что она наполовину состоит из волшебных существ — обитателей Призрачных Миров. Слухи эти очень пугали моих воинов, хотя я и пытался уверить их, что все это ложь.

Ни Ригеноса, ни Ролдеро со мной не было. Ролдеро должен был отвечать за оборону Некранала в том случае, если мы потерпим неудачу. Ригенос также оставался в Некранале.

Впервые я был сам по себе. У меня не было советчиков, и по этому поводу я испытывал скорее облегчение. Ничьи советы мне не были нужны.

Впервые мы увидели элдренов, когда достигли обширного плато в горах, известного под названием Долина Оласа — по имени древнего города, некогда стоявшего здесь. Плато со всех сторон было окружено далекими вершинами гор. Зелень долины красиво сочеталась с красноватыми скалами. Здесь-то мы и увидели боевые знамена элдренов: на закате они вспыхивали, словно языки пламени.

Все мои военачальники в один голос уговаривали меня напасть на элдренов немедленно, едва рассветет. Мы испытали явное облегчение, обнаружив, что численность их войска, видимо, значительно меньше, чем нашего, у нас появилась надежда снова одержать победу.

Я же чувствовал облегчение еще и по другому поводу: теперь, видимо, мне не придется использовать Эрмизад для сделки с Арджавом и я смогу вести честную игру, правила которой люди почему-то распространяли лишь на себя, но никак не на элдренов.

Военачальники пришли в ужас от моих слов. Я сказал им:

— Мы должны отдать все силы этому сражению, но соблюсти правила боя. Пусть наше поведение будет для них примером.

Сейчас рядом со мной не было ни Каторна, ни Ригеноса, ни даже Ролдеро, так что некому было спорить со мною и убеждать меня в том, что с элдренами нам следует быть коварными и неуловимыми. Этот бой я намерен был вести по тем законам чести, какие существовали для Эрекозе, ибо теперь мои чувства были чувствами Эрекозе.

Я смотрел, как мчится в сторону элдренского войска наш гонец с белым флагом в руке, а потом, подчинившись внезапному порыву, бросился за ним вдогонку.

Военачальники вскочили:

— Куда вы, лорд Эрекозе?

— В лагерь элдренов! — крикнул я в ответ и засмеялся, увидев их изумленные лица.

Гонец обернулся, заслышав у себя за спиной тяжелый стук копыт моего боевого коня.

— Лорд Эрекозе? — Он был потрясен.

— Скачи, гонец, и я поскачу с тобой вместе.

Итак, вместе мы добрались до лагеря элдренов и остановились у первого поста.

— Что вам здесь надо, люди? — спросил нас, посверкивая своими голубыми глазами, какой-то дозорный.

Тут из-за туч выглянула луна и залила все вокруг своим серебристым светом. Я поднял свое копье с флажком и встряхнул им. Лунный свет заиграл на серебряном мече.

— Это флаг Эрекозе, — сказал стражник.

— А я и есть Эрекозе, — сказал я.

На лице элдрена появилась гримаса отвращения.

— Мы слышали, что ты натворил в Пафанаале. Если бы ты не был под защитой белого флага, я…

— Я ничего такого в Пафанаале не натворил, — сказал я. — Во всяком случае, ничего такого, чего мне нужно было бы стыдиться.

— Да уж. Стыдиться ты не будешь.

— Меч мой был в ножнах все то время, что я находился в Пафанаале, элдрен.

— Ну да, а ножнами ему служили тела детей!

— Можешь думать все, что тебе угодно, — сказал я. — Я не намерен тратить время на пустые разговоры с тобой. Веди меня к своему командующему.

Мы прошли через всю территорию спящего лагеря и оказались перед простой палаткой принца Арджава. Сопровождавший нас офицер вошел внутрь.

Потом я услышал какой-то шорох, и из палатки появился невысокий элдрен, одетый в легкие доспехи — по сути дела, то была всего лишь одна нагрудная пластина поверх свободной рубахи зеленого цвета, и поножи поверх штанов из кожи, заправленных в легкие башмаки. Его длинные черные волосы были откинуты назад, сдерживаемые золотым обручем с крупным рубином.

А лицо его — о, лицо его было прекрасно! Я не сразу решился использовать такое слово, описывая лицо мужчины, но лишь оно способно отразить тонкую красоту этих черт. Как и у Эрмизад, у Арджава был удлиненный череп, чуть раскосые сияющие глаза, словно лишенные белков. Однако же уголки его губ не загибались вверх в вечной улыбке, как у Эрмизад. Губы его были мрачно сжаты, в углах залегли усталые складки. Он провел по лицу ладонью и взглянул на нас.

— Я принц Арджав, правитель Мернадина, — голос у него был такой же мелодичный, как у сестры. — Что намеревался сказать мне ты, Эрекозе, укравший мою сестру?

— Я сам лично прибыл сюда, чтобы вызвать тебя на поединок от имени Человечества, — сказал я.

Он поднял голову и огляделся.

— Наверное, очередной обман? Новое коварство?

— Я говорю чистую правду!

Какая-то грустная ирония сквозила в его улыбке, когда он ответил мне:

— Что ж, прекрасно, лорд Эрекозе. От имени элдренов я принимаю твой благородный вызов. Значит, нам нужно драться, не так ли? Значит, завтра нам нужно постараться друг друга убить?

— Ты можешь сам решить, когда нам лучше начать, — предложил я, — потому что вызов исходит от нас.

Он нахмурился:

— Наверное, миллион лет прошел с тех пор, как элдрены и люди сражались по правилам рыцарского кодекса чести. Могу ли я доверять тебе, Эрекозе? Мы слышали, как ты перерезал всех невинных детей в городе.

— Я не убил ни одного ребенка, — тихо сказал я. — Я молил, чтобы их пощадили. Но в Пафанаале моими советниками были король Ригенос и его военачальники. Сейчас же во главе армии стою я сам, и я решил сражаться с вами в соответствии с законами чести. В соответствии с теми законами, вера в которые и по сей день жива в моем сердце…

— О да, — задумчиво проговорил Арджав. — Их еще иногда называют Кодексом Эрекозе. Но ты не настоящий Эрекозе. Он был смертным, как и все люди. Бессмертны только элдрены.

— Во многих отношениях я действительно смертен, — кратко пояснил я. — Но в некоторых — я смерти не знаю. Итак, давай обговорим условия поединка?

Арджав бессильно уронил руки:

— Скажи, ну как я могу верить всем этим словам? Сколько раз уже мы решались поверить вам, людям, и каждый раз бывали коварно обмануты! Как могу я поверить в то, например, что ты и есть Эрекозе, Защитник Человечества, наш старинный враг, которого, даже если

судить только по нашим легендам, мы всегда уважали как достойного и благородного противника? Я бы сам, пожалуй, поверил тебе, который называет себя этим именем, но не могу же я позволить себе…

— Ты позволишь мне спешиться? — спросил я его. Гонец изумленно воззрился на меня.

— Если угодно…

Я спрыгнул на землю и отцепил от седла притороченный к нему меч; потом оттолкнул коня, сделал несколько шагов вперед и остановился перед Арджавом, держа меч за рукоять.

— У нас более мощная армия, — сказал я ему, — и мы вполне можем рассчитывать выиграть завтрашнюю битву. Вполне возможно также, что не пройдет и недели, как даже те немногие твои воины, которым удастся завтра спастись после побоища, будут перебиты нашими солдатами или крестьянами. Я предлагаю тебе честный поединок, принц Арджав. Справедливый. Я предлагаю, чтобы условия его включали и пощаду пленным, лечение всем раненым, честный учет погибших и оставшихся в живых… — Я говорил медленно, припоминая все это на ходу.

— Ты хорошо знаешь Кодекс Эрекозе, — сказал он.

— Должен бы.

Он посмотрел куда-то в сторону, на луну.

— А моя сестра все еще жива?

— Жива.

— Почему ты вот так, следом за гонцом, явился в наш лагерь?

— Из любопытства, наверное, — ответил я. — Я довольно часто беседовал с Эрмизад. Мне хотелось узнать, кто ты: дьявол, как я слышал от людей, или тот, каким предстаешь из рассказов своей сестры.

— И что же ты узнал?

— Если ты и дьявол, то сил у тебя осталось немного.

— Ну, для поединка вполне достаточно, — заявил он. — И вполне достаточно, чтобы при первой же возможности взять Некранал штурмом.

— Мы рассчитывали, что ты сперва пойдешь на Пафанаал, — сказал я ему. — Мы считали, что для тебя логичнее было бы попытаться вернуть свой главный порт.

— Да, именно это я и собирался сделать. Пока не узнал, что ты похитил мою сестру. — Он помолчал. — Что с ней?

— С ней все в порядке, — сказал я. — Она была передана под мою защиту, и я позаботился, чтобы с ней обращались хорошо, по мере возможности, разумеется.

Он кивнул:

— Мы, собственно, шли, чтобы освободить ее.

— Я как раз думал, не это ли явилось причиной неожиданной смены ваших планов, — я слегка улыбнулся. — Нам следовало бы ожидать подобной реакции с вашей стороны, но мы не ожидали. Ты ведь отдаешь себе отчет в том, что если завтра вы выиграете битву, то они непременно пригрозят тебе, что убьют ее, если ты не отступишь?

Арджав закусил губу.

— Они ведь в любом случае убьют ее, разве не так? И будут ее мучить. Я знаю, как они обращаются с пленными элдренами.

Мне нечего было возразить ему.

— Если они убьют мою сестру, — проговорил принц Арджав, — я сожгу Некранал дотла, даже если изо всего моего войска в живых останусь я один. Я убью Ригеноса, его дочь и каждого…

— Ну и так далее, — тихо закончил я.

Арджав снова посмотрел на меня.

— Прошу прощения. Ты, кажется, хотел обсудить условия поединка. Что ж, Эрекозе, я поверю тебе. Я согласен со всеми твоими предложениями и кое-что предлагаю со своей стороны.

— Что же?

— То, что Эрмизад освободят немедленно в случае нашей победы. Это спасет множество жизней — как для вас, так и для нас.

— Да, конечно, — согласился я, — но только я не имею права заключать подобную сделку. Мне очень жаль, принц Арджав, но Эрмизад — пленница короля. Если бы я сам захватил ее в плен, я поступил бы так, как предлагаешь мне ты. Но она всего лишь находится у меня под защитой. Если ты одержишь победу, то должен будешь все равно идти на Некранал и осадить город.

Он вздохнул:

— Что ж, прекрасно, Герой. Мы будем готовы завтра на заре.

Я заторопился:

— Но мы значительно превосходим вас численностью, принц Арджав. Сейчас вам еще не поздно повернуть назад — и уйти с миром.

Он только головой покачал:

— Нет, пусть эта битва состоится.

— В таком случае до встречи на заре, принц.

Он устало махнул рукой:

— Прощай, лорд Эрекозе.

— Прощай. — Я пришпорил коня и помчался назад, в лагерь. На душе у меня было погано. Рядом со мной ехал озадаченный гонец.

Я снова испытывал тяжкую душевную борьбу с самим собой. Неужели элдрены так умны, что им ничего не стоит меня обмануть?

Завтрашний день покажет.

В ту ночь в палатке я спал так же плохо, как всегда, но не пытался, как обычно, бороться со снами и неясными воспоминаниями, не пытался их объяснять. Мне стало совершенно ясно, что делать это бессмысленно. Я был тем, кем был — Вечным Героем, Вечным Победителем во всех сражениях. Я никогда не узнаю, почему это так.

Перед рассветом запели горны. Я надел доспехи, взял меч, копье. И вышел в промозглую серость предрассветных сумерек. Заря еще не занялась. В утреннем тумане я видел силуэты своих всадников. Лоб мой покрыла вдруг холодная липкая испарина. Я все пытался вытереть пот платком, но испарина не проходила. Тогда я снял шлем. Мне протянули латные перчатки, и я надел их. Потом неуклюжей походкой из-за сковывающих движения лат подошел к своему коню. Мне помогли усесться в седло, подали щит и копье, и я проехал вдоль шеренги всадников, чтобы занять свое место во главе войска.

В полной тишине мы двинулись по направлению к стального цвета морю, где на берегу раскинулся лагерь элдренов.

Когда наступил бледный рассвет, построенные войска увидели друг друга. Ряды элдренов стояли возле лагеря, однако, завидев нас, двинулись нам навстречу. Очень медленно, но неколебимо.

Я поднял забрало, чтобы осмотреть окрестности более внимательно. Поверхность земли была довольно ровной и сухой. Похоже, нигде здесь не было ни коварных холмов, ни оврагов, способных дать кому-либо преимущество.

Копыта лошадей мягко ступали по торфу. Бряцало оружие. Поскрипывала сбруя. Но, кроме этих звуков, казалось, ничто не нарушало царившую вокруг тишину.

Мы все больше сближались.

Пара ласточек мелькнула высоко в небе над нашими головами и скрылась за далекими вершинами.

Я опустил забрало. Круп моего коня подрагивал. Мне казалось, что покрывающий мое тело холодный пот изнутри оседает на доспехах. Копье и щит вдруг показались очень тяжелыми.

Вокруг меня разливались волны «ароматов», исходивших от потных, напряженных тел воинов и лошадей. «Скоро я почувствую и запах их крови», — подумал я.

Мы очень спешили и не брали с собой пушек. Не было артиллерии и у элдренов, которые также стремились выиграть время. Возможно, решил я, их оружие, предназначенное для осады города, следует за ними.

Еще ближе. Теперь я уже хорошо видел боевой флажок Арджава, а также флажки его военачальников.

Мой главный расчет был на кавалерию. Всадники должны были разделиться и с двух сторон окружить элдренов, а третий отряд кавалерии в это время нанесет удар в самый центр их войска, постаравшись полностью дезорганизовать их боевой порядок.

Еще ближе. В животе у меня забурчало, во рту я ощущал привкус желчи.

Совсем близко. Я приподнялся в стременах, поднял копье и отдал лучникам приказ стрелять.

У нас не было арбалетов, только луки, которые обладали большей дальнобойностью и частотой выстрелов. Первый залп стрел просвистел над нашими головами, поражая элдренов, и почти сразу же мои лучники выстрелили снова.

Лучники элдренов отвечали нам градом небольших тонких стрел. То тут, то там слышались пронзительные крики воинов и ржание лошадей — это элдренские стрелы попадали в цель; в какой-то момент мне даже показалось, что войско мое несколько дезорганизовано. Но вскоре дисциплина и порядок были восстановлены.

И снова я поднял копье, на конце которого развевался флажок — серебряный меч на черном поле.

— Кавалерия! Галопом, вперед!

Горны протрубили сигнал к атаке. От их пронзительных воплей кровь стыла в жилах. Рыцари, пришпорив боевых коней, стали ряд за рядом расходиться в стороны и окружать войско противника, а третий удар кавалерия нанесла прямо в центр расположения элдренов. Эти всадники неслись на большой скорости, пригнувшись к лошадиным шеям и держа копья наперевес. На шлемах у них вились перья, плащи разлетались за спинами, над головами развевались боевые знамена, и солнце играло на их блестящих доспехах.

Я чуть не оглох от топота копыт по твердой земле. Потом тоже пустил коня галопом и в окружении отряда из пятидесяти рыцарей поскакал в гущу схватки, выискивая глазами Арджава, которого в данный момент ненавидел лютой ненавистью. В центре следовавшего за мной отряда развевались знамена Двух Континентов и мой флаг.

А ненавидел я Арджава потому, что должен был биться с ним и, возможно, убить его.

С ужасным шумом, криками, бряцанием металла мы вломились в саму сердцевину элдренского войска, и вскоре я забыл обо всем, кроме необходимости убивать и следить за тем, чтобы не убили меня. Довольно скоро я сломал свое копье: оно пробило насквозь тело и доспехи какого-то благородного элдрена и расщепилось. Я оставил копье торчать из его тела и выхватил меч.

Теперь я особенно жадно всматривался в окружавших меня воинов, разыскивая Арджава. Наконец я его увидел, рукой в латной перчатке он держал огромную булаву, которой отбивался от солдат, пытавшихся стащить его с седла.

— Арджав!

Он искоса глянул в мою сторону:

— Сейчас, Эрекозе, у меня тут пока работка есть.

— Арджав! — это слово в данный момент не означало ничего, кроме вызова на поединок.

Арджав прикончил последнего из атаковавших его пехотинцев и резко развернул коня в мою сторону, по-прежнему яростно размахивая своей булавой, ибо к нему уже устремились двое наших всадников. Потом все вдруг отступили: стало ясно, что поединок двух главных соперников начинается.

Теперь мы были друг от друга достаточно близко. И я нанес ему удар своим ядовитым мечом, но он вовремя увернулся и успел сильно огреть меня по спине своей булавой, когда, после неудачного выпада, я по инерции проскочил вперед и чуть не вылетел из седла.

Я попытался нанести более хитрый удар, но булава тут же отразила его. Мы бились так несколько минут, пока не заслышали доносившийся издали и весьма поразивший меня клич:

— Поднимите знамена! Поднимите их выше!

Наш план не удался! Теперь это стало ясно. В данный момент наши войска пытались объединиться и нанести новый удар. Арджав улыбнулся и опустил булаву.

— Они надеялись окружить волшебный народ! — засмеялся он.

— Ничего, скоро мы с тобой снова встретимся, Арджав! — крикнул я в ответ, развернул коня, вонзил ему шпоры в бока и ринулся в самую гущу сражения, разя противника направо и налево, к знаменам объединенного Человечества.

Никакой трусости в моем поступке не было, и Арджав знал это. Я должен был быть вместе со своим войском в такой момент. Именно поэтому Арджав и опустил булаву. И не предпринял ни малейшей попытки остановить меня.

Глава XIX
Исход сражения

Неужели Арджав действительно упомянул обитателей Призрачных Миров? Никаких упырей в его войске я не заметил. Но, в таком случае, кто же это? Что это за существа, которых окружить невозможно?

Однако о волшебных существах я подумал лишь мимолетно. Следовало срочно принять новое тактическое решение, иначе битва этого дня вскоре будет безнадежно проиграна. Четверо из моих военачальников тщетно пытались сомкнуть наши ряды, когда я добрался до своих. Оказалось, что не мы элдренов, а они нас взяли в кольцо, и целые отряды наших воинов оказались полностью отрезанными.

Стараясь перекричать шум сражения, я обратился к одному из маршалов:

— В чем дело? Почему наш план так быстро потерпел неудачу? Мы ведь значительно превосходим их числом…

— Трудно сказать что-либо определенное, лорд Эрекозе, — ответил маршал. — В какой-то миг мы совершенно точно держали элдренов в кольце, но буквально через несколько секунд сами оказались окруженными по крайней мере половиной их войска. Они как бы вдруг скрылись из виду и зашли с тыла! Даже теперь мы не могли бы сказать, кто из них настоящий, а кто призрак, — таков был ответ графа Майбеды, опытного старого воина. Голос у него дрожал от ярости, и выглядел он страшно потрясенным случившимся.

— А какими еще свойствами обладают эти волшебные существа? — спросил я.

— Во время боя, лорд Эрекозе, они вполне материальны: они тогда из плоти и крови, как и мы, и их можно убить самым обычным оружием. Однако по своему желанию они могут становиться невидимыми, а потом появляться вновь в совершенно другом месте. Против такого никакая тактика не поможет.

— В таком случае, — решил я, — нам лучше всего сомкнуть ряды и занять оборонительную позицию. На мой взгляд, нас все еще

больше, чем этих элдренов и их призрачных союзников. Пусть-ка попробуют теперь сами атаковать нас!

Однако боевой дух моих воинов весьма сильно пострадал. Они были обескуражены тем, что оказались перед возможным поражением, тогда как победа ранее представлялась всем нам неизбежной.

Поверх голов сражающихся я увидел, как к нам приближается знамя элдренов с изображенным на нем василиском. То была их быстрая кавалерия во главе с принцем Арджавом.

Ряды моих воинов сомкнулись теснее, мне же вновь предстоял поединок с вождем элдренов.

Он знал о могуществе моего меча — знал, что может погибнуть от малейшей царапины, нанесенной им, — однако его чудовищная булава так и взлетала в воздух, отражая каждый мой точно нацеленный удар.

Мы бились примерно полчаса, пока я не заметил, что он несколько подустал, мои же собственные мышцы почти свело от боли и усталости.

И снова элдренам удалось разъединить мое войско! И снова я утратил возможность контролировать ход сражения! Хотя большую часть времени я был поглощен лишь одним: стремился во что бы то ни стало сломить блестящую защиту Арджава.

Потом заметил, как мимо меня промчался граф Майбеда в разрубленных доспехах, с окровавленными руками и лицом. В одной израненной руке он сжимал истрепанное в клочья знамя Двух Континентов, глаза на изможденном, залитом кровью лице казались безумными.

— Бегите, лорд Эрекозе! — прокричал он мне. — Спасайтесь! Сегодняшняя битва проиграна!

Я не мог поверить в это, пока мимо меня не начали поспешно отступать остатки моего войска. Их бегство было совершенно однозначным.

— Выше знамена, люди! — воззвал я. — Выше знамена! — Но они на меня даже внимания не обратили. И снова принц Арджав опустил свою страшную булаву.

— Вы потерпели поражение, — сказал он.

Я неохотно опустил меч.

— Ты сильный противник, Арджав…

— Ты тоже сильный противник, Эрекозе. Я помню твои условия. Ступай с миром. Ты еще понадобишься в Некранале.

Я медленно покачал головой и тяжело вздохнул, переводя дыхание.

— Защищайся, принц, — сказал я ему.

Он пожал плечами, снова быстрым движением взметнув булаву, отразил мой меткий удар и вдруг, совершенно неожиданно, выбил меч из моей одетой в латную перчатку руки. Вся моя рука онемела от этого удара. Я попытался подхватить меч, но пальцы не слушались, и меч повис на темляке, прикрепленном к запястью.

С проклятием я почти выскочил из седла, набросившись на него и пытаясь схватить за горло здоровой рукой, но он лишь чуть тронул поводья и отступил, а я полетел на землю лицом вниз, ткнувшись прямо в залитую кровью, растоптанную копытами лошадей и ногами людей землю.

Я попытался было встать, но мне это не удалось, и я потерял сознание.

Глава XX
Сделка

— КТО Я?
— Ты Эрекозе, Вечный Герой.
— КАКОВО МОЕ ПОДЛИННОЕ ИМЯ?
— Какое выпадет.
— ПОЧЕМУ Я ТАКОЙ?
— Потому что таким ты был всегда.
— ЧТО ЗНАЧИТ «ВСЕГДА»?
— Всегда.
— ПОЗНАЮ Я КОГДА-ЛИБО МИР?
— Иногда ты будешь жить в мире.
— КАК ДОЛГО?
— Некоторое время.
— ОТКУДА Я ПРИШЕЛ?
— Ты был всегда.
— КУДА Я УЙДУ ПОТОМ?
— Туда, где ты должен быть.
— ЗАЧЕМ?
— Чтобы драться.
— ДРАТЬСЯ ВО ИМЯ ЧЕГО?
— Во имя победы в сражении.
— В СРАЖЕНИИ ЗА ЧТО?

Я вздрогнул и осознал, что доспехов на мне нет. Потом посмотрел вверх. Надо мной стоял Арджав.

— Интересно, почему же он в таком случае так ненавидел меня, — шептал он, явно разговаривая с самим собой. Заметив, что я очнулся, он сразу переменился в лице и слегка улыбнулся. — Ну и свирепый вы боец, сэр Защитник!

Я посмотрел в его печальные, светло-голубые глаза.

— Мои воины… что с ними?..

— Те, что остались в живых, бежали с поля боя. Мы отпустили тех немногих пленников, которых нам удалось захватить. Пусть

воссоединятся со своими товарищами. По-моему, именно таковы были твои условия?

Я попытался встать.

— В таком случае что же, ты и меня отпустишь?

— Наверное. Хотя…

— Хотя что?

— Ты был бы весьма полезен для будущей сделки.

Я понял, что он имеет в виду, и бессильно упал на свое твердое ложе. Я тщетно гнал от себя эту мысль, но она оказалась сильнее меня и все-таки вырвалась наружу, и я сказал почти против собственной воли:

— Обменяй меня на Эрмизад.

На какое-то мгновение глаза его вспыхнули изумлением:

— Ты сам предлагаешь это? Но ведь для людей Эрмизад — такая дорогостоящая заложница…

— Черт бы вас, элдренов, побрал! Я же сказал: обменяй меня на Эрмизад.

— Ну, приятель, если ты и человек, то довольно странный. Но, с твоего позволения, я именно так и поступлю. Благодарю тебя. Ты действительно хорошо помнишь старые военные правила? И мне кажется, что ты именно тот, кем себя называешь.

Я закрыл глаза. Голова у меня страшно болела.

Он вышел из палатки, и я услышал, как он что-то говорит гонцу.

— Обязательно сделай так, чтобы об этом знал весь народ! — крикнул я что было силы. — Король может не согласиться, но народ заставит его сделать это. Я их Герой! Они с охотой отдадут за меня любого элдрена — кем бы этот элдрен ни был.

Арджав дал гонцу соответствующие указания. Потом вернулся в палатку.

— Вот что меня удивляет… — заговорил я через некоторое время. — Меня удивляет, почему элдрены до сих пор не подчинили себе людей и не завоевали их территории. С такими волшебными союзниками вы, по-моему, неуязвимы.

Он покачал головой.

— Мы редко прибегаем к помощи наших союзников, — сказал он. — Но на этот раз я был в отчаянии. Ты ведь можешь понять, что я был готов на все, чтобы только спасти сестру.

— Да, это я понять могу, — сказал я.

— Мы бы никогда не вторглись в ваши земли, — продолжал он, — если бы не она. — Он сказал это так просто, что я сразу ему поверил. Да, собственно, я уже и не сомневался, что именно так оно и есть.

Я глубоко вздохнул.

— Мне тоже нелегко, — сказал я. — Я вынужден участвовать в таких сражениях, даже не представляя себе достаточно ясно, кто прав и кто виноват, каков на самом деле этот мир, не зная, кто его обитатели. Простые и очевидные факты на деле оборачиваются ложью, а самые невероятные, наоборот, оказываются правдой. Кто такие, например, эти волшебные существа?

И снова он улыбнулся.

— Колдуны, призраки, — сказал он.

— Это я и от короля Ригеноса слышал. Но это не объяснение.

— Ну а что, если я скажу тебе, что они способны расщеплять свое тело на атомы и восстанавливать его вновь в любом другом месте? Ты же не поймешь меня. Ты непременно скажешь, что это колдовство.

Я был поражен столь научным объяснением.

— В этом случае я пойму тебя куда лучше, — медленно проговорил я.

Его брови вразлет изумленно приподнялись.

— Нет, ты действительно не такой, как все, — сказал он. — Видишь ли, эти волшебные существа, как ты и сам видел, являются дальними родственниками элдренам. Не все обитатели Призрачных Миров, конечно, родственны нам — некоторые из них куда ближе людям, кроме того, там есть и иные, более примитивные виды существ… Все обитатели Призрачных Миров, впрочем, вполне материальны, просто они существуют в иных измерениях. И в этих измерениях они отнюдь не обладают какой-то сверхъестественной силой, — во всяком случае, они там не более могущественны, чем мы здесь, — но в нашем измерении они обретают необычайное могущество. Мы не знаем, почему так происходит. И они тоже этого не знают. Похоже, они подчиняются неким древним законам жизни на Земле. Более миллиона лет назад мы открыли способ перехода из одного измерения в другое, путь в эти загадочные миры. И там мы обнаружили родственную нам расу, которая порой приходит нам на

помощь, когда бывает особенно трудно. Сейчас был как раз один из таких моментов. Однако иногда связь между нашими мирами нарушается — это происходит тогда, когда Призрачные Миры переходят в определенную фазу своего загадочного состояния, — и в таких случаях оставшиеся на Земле волшебные существа не могут вернуться в свой мир, а наши люди — сюда. А потому, как тебе теперь должно быть ясно, оставаться подолгу в том или ином мире опасно для представителей обеих сторон.

— Возможно ли, что происхождение элдренов непосредственно связано с Призрачными Мирами? — спросил я Арджава.

— Я думаю, что да, — ответил он. — Хотя никаких исторических записей на этот счет не существует…

— Может быть, именно поэтому люди так ненавидят вас, считая чуждыми роду человеческому, — предположил я.

— Нет, причина не в этом, — возразил он, — ибо элдрены жили повсюду на Земле задолго до того, как на этой планете появились представители человеческой расы.

— Что?

— Но это правда, — сказал он. — Я ведь бессмертен, и дед мой бессмертен. Он был убит во время первых войн между элдренами и людьми. Когда первые представители племени людей прибыли на Землю, то привезли с собой оружие, обладающее невероятной разрушительной силой. В те времена и мы, элдрены, тоже пользовались подобным оружием. И те войны нанесли Земле такой ущерб, что она казалась черным обугленным шаром, когда элдрены отступили. Земля пострадала настолько, что мы поклялись никогда более не пользоваться нашим чудовищным оружием — вне зависимости от того даже, будет нам грозить полное истребление или нет. Мы не могли взять на себя ответственность за уничтожение целой планеты.

— Ты хочешь сказать, что подобное оружие все еще у вас есть?

— Да, оно заперто и тщательно охраняется. Далеко отсюда.

— И вы по-прежнему умеете с ним обращаться?

— Ну конечно. Мы ведь бессмертны. Среди нас немало тех, кто принимал участие в великих войнах древности, некоторые из них даже конструировали новые виды оружия непосредственно перед тем, как нашим народом было принято то решение.

— Но тогда почему же…

— Я уже сказал тебе, почему. Мы поклялись.

— А что случилось с тем могущественным оружием людей — и с их умением его использовать? Неужели они приняли такое же решение, как и вы?

— Нет. Через некоторое время раса людей в какой-то степени деградировала. Они стали воевать друг с другом. В какой-то период истории они чуть было не уничтожили сами себя как вид, потом стали самыми настоящими варварами, потом, кажется, наконец-то начали взрослеть, обретать мир в собственных душах, жить в мире с соседями… На каком-то этапе своего развития они и утратили знание об этих видах оружия, да и само оружие тоже. В течение последнего миллиона лет люди потихоньку карабкались вверх, выбираясь из полной дикости и невежества, — те мирные времена, к сожалению, оказались весьма недолгими — и я бы, пожалуй, с уверенностью сказал, что вскоре они снова откатятся назад в своем развитии. Похоже, они совершенно зациклились на мысли не только о нашем уничтожении, но и на уничтожении своего собственного племени. Нам всегда хотелось узнать, каковы те гуманоиды, что наверняка должны существовать и на других планетах, похожи ли они на этих людей. Может быть, и не похожи.

— Надеюсь, что нет, — сказал я. — А как тебе кажется: смогут ли элдрены выдержать натиск человеческих племен?

— С трудом, — сказал он. — Прежде всего потому, что Человечество надеется на твою главенствующую роль в этой войне. И кроме того, проход в Призрачные Миры вскоре вновь закроется. Видишь ли, прежде людские племена были разъединены междоусобицами. Королю Ригеносу никак не удавалось достигнуть согласия среди своих военачальников, и он был слишком неуверен в себе, чтобы принимать какие-то важные решения. Но теперь за него стал принимать решения ты, и это ты объединил его военачальников во имя единой цели. А потому, мне кажется, ты выиграешь эту войну.

— Ты фаталист, — проговорил я.

— Я реалист, — возразил он.

— А разве нельзя заключить мир? Обсудить его условия?

Он покачал головой.

— Какой смысл говорить об этом? — с горечью воскликнул он. — Мне жаль вас, людей. Почему вы всегда считаете, что у нас цели те же, что и у вас? Мы ведь не ищем господства — мы всего лишь хотим покоя, мира. Мира! Но именно мира-то эта планета и не сможет, по-моему, обрести, пока на ней не вымрет вся раса людей.

Я еще несколько дней прожил в палатке Арджава, а потом он отпустил меня — в полном соответствии с нашей договоренностью — и я верхом помчался в Некранал. Весь этот долгий путь я проделал в полном одиночестве, так что на размышления времени у меня хватало.

На этот раз во мне едва признали Эрекозе, ибо я был весь покрыт пылью, в растерзанных латах, да и население Некранала привыкло уже, что в столицу постоянно возвращается кто-то из разгромленной армии.

Я добрался до Дворца Десяти Тысяч Окон и обнаружил, что там царит мрачная тишина. В гостиной не было короля, нигде я не смог найти и Иолинду.

В своих прежних апартаментах я спросил раба, сбросив наконец доспехи:

— Когда уехала леди Эрмизад?

— Уехала? А разве она не здесь, хозяин?

— Как здесь? Где же?

— В тех же комнатах, конечно…

Я еще не успел снять нагрудник и с мечом в руке устремился к знакомой двери, возле которой стоял стражник, и распахнул ее.

— Эрмизад… тебя должны будут обменять на меня. Таковы были условия нашей сделки. А где король? Почему он не сдержал своего слова?

— Я ничего об этом не знала, — сказала она. — Я не знала, что Арджав был так близко отсюда, иначе…

Я оборвал ее:

— Пойдем со мной. Сейчас мы отыщем короля и отправим тебя к брату.

Мне пришлось почти волочь ее за собой из комнаты в комнату, пока я не отыскал короля в его собственной маленькой гостиной. Он о чем-то совещался с Ролдеро, когда я обрушился на них:

— Ваше величество, что все это значит? Я дал принцу Арджаву слово, что после моего освобождения Эрмизад беспрепятственно покинет ваш дворец. Он поверил мне, и вот я здесь, но леди Эрмизад по-прежнему является вашей заложницей. Я требую, чтобы ее немедленно освободили!

Король и Ролдеро рассмеялись мне в лицо.

— Успокойся, Эрекозе, — сказал Ролдеро. — Кому придет в голову выполнять обещание, данное этим шакалам? Теперь наш Герой вернулся, а главная заложница все еще здесь. Забудь ты об этом, Эрекозе. Разве можно воспринимать элдренов так серьезно, они же не люди!

Эрмизад улыбнулась.

— Не беспокойся, Эрекозе. У меня есть и другие друзья. — Она закрыла глаза и принялась что-то тихо и монотонно напевать. Сперва слова были еле слышны, но потом странная мелодия зазвучала более отчетливо.

Ролдеро прыгнул к ней, сжимая в руках меч.

— Колдовство!

Я заслонил Эрмизад собой.

— Прочь с дороги, Эрекозе! Эта ведьма призывает к себе на помощь демонов!

Я тоже выхватил меч и предостерегающе взмахнул им у Ролдеро перед носом. Я понятия не имел, куда намерена отправиться Эрмизад, но был твердо намерен предоставить ей возможность отправиться куда ей будет угодно.

Голос ее вдруг странно переменился, и она умолкла, а потом вдруг крикнула:

— Братья! О братья мои из Призрачных Миров! Помогите мне!

Глава XXI
Клятва

Внезапно в комнате оказалось что-то около десятка элдренов, чьи лица несколько отличались от всех, какие я видел раньше. Я догадался, что это обитатели Призрачных Миров.

— Ну вот! — вскричал Ригенос. — Вот оно, зловредное колдовство! Она ведьма. Я же говорил тебе, что она ведьма!

Волшебные существа хранили молчание. Они плотным кольцом окружили Эрмизад так, чтобы их собственные тела касались друг друга и ее тела. И Эрмизад громко крикнула:

— Прочь отсюда, братья мои! Назад, в лагерь элдренов!

Тела обитателей Призрачных Миров начали мерцать, словно они частично уже были в другом измерении.

— Прощай, Эрекозе, — крикнула Эрмизад. — Надеюсь, что нам еще удастся встретиться с тобой при более счастливых обстоятельствах.

— Я тоже на это надеюсь! — крикнул я в ответ. И она исчезла.

— Предатель! — завопил король Ригенос. — Это ты помог ей сбежать!

— Пытать бы тебя надо до смерти! — с отвращением прибавил Ролдеро.

— Никакой я не предатель, и вы это прекрасно знаете, — живо возразил я. — Это вы предатели… вы нарушили собственное обещание, великую традицию своих предков! А я чист перед вами, о глупцы… глупцы!..

Я умолк, резко повернулся и пошел прочь.

— Ты проиграл сражение, Великий Герой! — завопил мне вслед король Ригенос. — А народ побежденным уважения не оказывает!

Но я не обернулся. Я пошел искать Иолинду.

Оказывается, она прогуливалась по галереям и только что вернулась к себе. Я поцеловал ее, ощущая острую потребность в женском сочувствии и ласке, но, похоже, натолкнулся на невидимую стену. По всей очевидности, она вовсе не намерена была чем-то помогать мне, хотя и поцеловала меня машинально. Очень скоро я

перестал обнимать ее и даже отступил назад, чтобы заглянуть ей в глаза.

— В чем дело?

— Ни в чем, — ответила она. — А что, собственно, тебе не нравится? Ты в безопасности. Я-то ведь думала, что ты погиб.

Неужели же все дело во мне самом? Неужели?.. Я отогнал эту мысль. Но может ли мужчина *заставить* себя любить женщину? Может ли он одновременно любить двух женщин? В отчаянии я цеплялся за память о той любви, которую испытывал по отношению к Иолинде в первые дни нашего знакомства.

— Эрмизад теперь в безопасности тоже, — вырвалось у меня. — Она призвала на помощь своих волшебных братьев, и, когда она вернется в лагерь элдренов, Арджав отведет свои войска назад, в Мернадин. Ты должна бы радоваться этому.

— Я и радуюсь, — заявила она и прибавила: — А вот ты зато страшно рад, что нашей заложнице удалось бежать!

— Что ты хочешь этим сказать?

— Отец рассказал мне, как она очаровала тебя своим поганым колдовством. Ты, видно, куда больше озабочен ее безопасностью, чем нашей.

— Что за глупости!

— Тебе, наверно, и общество элдренов приятнее, чем наше. Для тебя это просто праздник — побывать в лагере нашего злейшего врага…

— Довольно! Все это полная чушь!

— Неужели? А по-моему, отец говорил правду, Эрекозе. — Голос ее звучал глухо. Она отвернулась.

— Но, Иолинда, я же люблю тебя. Только тебя.

— Я не верю тебе, Эрекозе.

Так неужели все-таки сам я был причиной того, что происходило со мной? И тогда я принес клятву, которой впоследствии суждено было так сильно повлиять на наши судьбы. Ну почему я, чувствуя, что любовь моя к Иолинде начинает ослабевать, понимая, что она оказалась просто эгоистичной дурочкой, все равно упорствовал и убеждал себя, что люблю ее ничуть не меньше, чем прежде?

Этого я не знаю. Я знаю только, что именно тогда я и дал эту клятву.

— Я люблю тебя больше жизни, Иолинда! — заявил я. — Я все что угодно могу для тебя сделать!

— Я не верю тебе!

— Но это правда! Я докажу! — кричал я в отчаянии.

Она повернулась ко мне. В глазах ее были боль и упрек. И такая горечь, что я, казалось, утонул в ней. И еще в этих глазах светился гнев и желание мстить.

— Как же ты докажешь это, Эрекозе? — тихо спросила она.

— Клянусь: я уничтожу всех элдренов.

— Всех?

— Всех до единого.

— И ты никого не пощадишь?

— Никого! Никого! Я хочу, чтобы все это наконец кончилось. И единственный способ — это перебить их всех. Тогда наступит конец — только тогда!

— И ты убьешь даже принца Арджава и его сестру?

— Даже их!

— Ты поклянешься, что сделаешь это? Поклянешься?

— Клянусь! И когда умрет последний элдрен, когда весь мир будет принадлежать нам, я принесу этот мир к твоим ногам и мы с тобой станем мужем и женой.

Она кивнула:

— Хорошо, Эрекоэе. Увидимся чуть позже.

И быстро выскользнула из комнаты.

Я снял меч с перевязи и злобно швырнул на пол. Душа моя изнывала от страданий и борьбы с самим собой.

Но я уже дал клятву.

Постепенно я успокоился. Я решил поступить так, как я сказал. Я уничтожу всех элдренов. Избавлю этот мир от них, а себя — от этой нескончаемой душевной муки.

Глава XXII
Похищение

Чем меньше во мне оставалось человеческого, чем машинальнее я исполнял свои обязанности, тем меньше мучили меня те сны и полузабытые видения. Меня словно заставили исполнять эту роль безмозглого существа, пообещав, что, если я буду по-прежнему лишен совести и разума, они наградят меня своим отсутствием. Если же снова проявлю признаки обычного человеческого характера, то сны появятся вновь.

Но это так, между прочим. Мои предположения, которые столь же близки к истине, как и любые другие. Можно с тем же успехом утверждать, что мне, например, было бы только полезно пережить некий катарсис, ибо он помог бы избавиться от этой двойственности и от ночных кошмаров.

В течение того месяца, который я провел в подготовке к великой войне против элдренов, я крайне редко виделся со своей нареченной и в конце концов просто перестал искать ее общества, сосредоточившись исключительно на планах готовившихся военных кампаний.

Я развил в себе качества, совершенно необходимые настоящему воину: холодный, полностью контролируемый рассудок. Я не позволял никаким чувствам, что бы это ни было — ненависть или любовь, — брать над собой верх.

Я очень укрепился душой и телом. И, обретя эту силу, стал как бы вовсе не человеком. Я знал, что многие замечают это, но знал и то, что люди ценят во мне именно качества великого военачальника, и пусть по отдельности они избегали моего общества, но в целом — были счастливы, что Эрекозе ведет их на бой.

Арджав и его сестра вместе вернулись к своим кораблям, а затем поплыли назад, в свою страну. Теперь они, без сомнения, уже ждали нас, готовясь к следующему сражению.

Мы продолжали действовать согласно ранее намеченным планам и вскоре готовы были отплыть к Внешним Землям, воротам в Призрачные Миры. Мы намеревались навсегда захлопнуть эти ворота.

И вот наступил день отплытия.

И плавание было долгим и полным опасностей, пока впереди не завиднелись острые утесы Внешних Островов. И тогда мы стали готовиться к вторжению.

Ролдеро был все время рядом, но то был мрачный Ролдеро, молчаливый Ролдеро; он, точно так же как и я, превратился в некое безгласное военное орудие.

Мы осторожно причалили, но, похоже, элдрены уже знали о нашем прибытии заранее: ни одного человека в их городах не осталось. На этот раз там не было ни женщин, ни детей. Там мы обнаружили всего горстку элдренов-мужчин, которых тут же перебили. Что же касается волшебных существ, то их видно не было. Арджав говорил тогда правду: видимо, ворота в Призрачные Миры действительно были закрыты.

В городках мы не оставили камня на камне, грабя и сжигая дома как бы походя, однако не испытывая при этом никаких особых чувств. Мы до смерти пытали захваченных в плен элдренов, пытаясь выведать причину их исчезновения, а сам-то я втайне уже знал эту причину. Теперь нашими воинами владело совсем иное настроение: наступила реакция, и, хотя в городах не осталось ни одного целого здания, ни одного живого элдрена, люди не могли отделаться от ощущения, что все их планы рухнули, а сами они обмануты — так пылкий любовник, наверное, чувствует себя обманутым игривой и неверной любовницей.

И еще: поскольку элдрены не пожелали вступить с нами в кровопролитное сражение, мы стали ненавидеть их еще больше.

Когда с Внешними Землями было покончено, города обратились в прах, как и все живое, мы почти сразу погрузились на корабли и взяли курс на Мернадин. Мы бросили якоря в порту Пафанаал, который по-прежнему удерживали наши силы под командованием лорда Каторна. За то время к ним присоединился король Ригенос и ждал нашего прибытия. Наши войска высадились на берег, и мы сразу устремились в глубь континента, горя жаждой победы.

Я хорошо помню лишь некоторые детали этого похода. Дни были похожи один на другой, они мелькали безостановочной чередой, мы с мрачным упорством продвигались все дальше и дальше, убивали

элдренов, уничтожали их города и укрепления, и казалось, что ни одна крепость не способна противостоять нашей силе…

Убивая, я не знал усталости; ничто не могло удовлетворить моей жажды крови. Человечеству нужен был такой вот кровожадный волк, и они его получили, они послушно следовали за ним, хотя и боялись его.

Весь тот год был заполнен пожарами и звоном стали, континент Мернадин порой казался морем крови с висящими над этим морем тучами дыма. Армия была чудовищно измотана, но все еще жаждала убивать, и это единственное владевшее людьми желание придавало им сил.

То был год боли и смерти, и повсюду, где знамена Человечества встречались в бою со знаменами элдренов с изображенным на них василиском, последние неизменно оказывались сорванными и втоптанными в грязь.

Все вопросы решались силой, с помощью оружия. Мы безжалостно расправлялись с собственными дезертирами: используя насилие, мы приучали людей терпеть.

Мы как бы стали вестниками смерти — король Ригенос, лорд Каторн, граф Ролдеро и я. Мы исхудали, как голодные псы, и казалось, что пищей нам служит плоть элдренов, а питьем — их кровь. О да, мы были свирепыми псами. Дикие глаза, прерывистое дыхание, острые клыки и вечные поиски свежепролитой крови.

Там, где мы проходили, оставались горящие развалины городов, прах, пепел, трупы элдренов, и самыми надежными и постоянными нашими спутниками были стервятники и шакалы.

Год кровопролитий. Год разрушений. Если я не мог заставить себя любить, то, по крайней мере, мог заставить ненавидеть, и это мне удалось отлично. Все боялись меня, люди и элдрены, когда я превращал прекрасный Мернадин в погребальный костер и рыскал потом на пожарище, страдая от чудовищного разочарования и невыносимой скорби, словно сжег на этом костре свое собственное племя.

Король Ригенос был убит в Долине Калакита, близ города-сада под названием Лакх.

Этот город выглядел таким мирным и совсем пустым, что мы вошли в него почти без опаски. С дикими воплями и гиканьем

ворвались мы туда — то было уже не отлично вымуштрованное войско, что некогда высадилось в Пафанаале, но кровожадная орда в перепачканных кровью доспехах, толпа вонючих, пропыленных насквозь завоевателей, которые, размахивая оружием, на полном скаку влетели в город Лакх, топча копытами своих коней его прекрасные сады.

Город оказался ловушкой.

Элдрены ждали в окрестных холмах, использовав прекрасный Лакх как приманку. Их серебристые пушки внезапно рявкнули где-то совсем поблизости, обрушив на головы наших обезумевших воинов свои страшные снаряды. Скрывшиеся среди деревьев и холмов элдренские лучники тоже не теряли времени даром: их тонкие стрелы непрерывно свистели в воздухе.

Падали убитые и раненые лошади. Кричали и стонали люди. Наше обескураженное войско повернулось лицом к невидимому противнику, но наши собственные лучники почему-то стали отвечать, сконцентрировав свое внимание не на лучниках элдренов, а на их артиллерии. В какой-то степени это дало результаты: постепенно смолкли залпы серебристых пушек, элдренские лучники исчезли, словно растворились в зелени холмов, видимо, отступив к одной из нескольких последних оставшихся под их контролем крепостей.

Я обернулся к королю Ригеносу, который был рядом со мной. Он, застыв, сидел на огромном боевом коне и смотрел остановившимися глазами куда-то в небо. И тут я заметил, что стрела насквозь пробила его бедро и как бы пригвоздила короля к седлу.

— Ролдеро! — крикнул я. — Скорей, врача королю, если врач остался в живых!

Ролдеро в это время подсчитывал наши потери. Он примчался тут же, откинул забрало на шлеме короля и пожал плечами. Потом с каким-то странным выражением посмотрел на меня.

— Он уже довольно давно не дышит, судя по его виду.

— Ерунда. Не могла же его убить стрела, попавшая в бедро. Во всяком случае, такое случается крайне редко, да и не мог он умереть от подобной раны за несколько минут. Приведи доктора.

Бесстрастное лицо Ролдеро исказила загадочная улыбка.

— По-моему, он умер просто от страха. — И тут он засмеялся каким-то сатанинским смехом и с такой силой толкнул закованный в

латы труп, что даже стрела выскочила из раны, а тело Ригеноса рухнуло в грязь у нас под ногами. — Теперь твоя невеста стала королевой, Эрекозе, — проговорил Ролдеро, все еще продолжая смеяться. — Так что я тебя поздравляю.

Мой жеребец дрожал, стоя над трупом, а я смотрел на мертвого Ригеноса. Потом я пожал плечами и поехал прочь.

Таков был наш обычай — оставлять мертвецов там, где они пали, вне зависимости от того, кто был убит.

А коня Ригеноса мы забрали с собой. Это был отличный конь.

Гибель короля нисколько не огорчила наших воинов, хотя несколько встревожила Каторна. Но, видимо, только потому, что сам он пользовался чрезвычайным влиянием на нашего правителя. Впрочем, для всех уже король был лишь марионеткой в руках Каторна, особенно в этот последний год, ибо фактически людьми правил совсем другой человек — мрачный завоеватель Эрекозе, и народ шел за ним и беспрекословно ему подчинялся.

Мертвый Эрекозе — так люди называли меня теперь. И еще: *карающий меч Человечества.*

Мне было безразлично, как они еще меня назовут: Грабитель, Кровопийца, Неистовый Рыцарь, — ибо теперь прежние сны перестали меня терзать и конечная моя цель была близка.

До тех пор, пока не пала последняя крепость элдренов. После этого я тащил за собой свои войска, словно на веревке. Я тащил их к главному городу Мернадина, через Долины Тающих Льдов — к столице принца Арджава. К Лус Птокаи.

И наконец мы увидели неясные силуэты башен Лус Птокаи на фоне красного закатного неба. Башни из черного гранита и мрамора высились, могучие и неколебимые, над нашими головами. Но я знал, что мы должны взять этот город.

В конце концов, так сказал мне и сам Арджав. По его словам, мы должны были победить в этой войне.

На следующую ночь после того, как мы разбили лагерь у стен Лус Птокаи, я сидел, вытянувшись в походном кресле, и не мог уснуть. Я глядел во тьму и думал. Это было не совсем обычно для меня. В последнее время я едва успевал добраться до постели, как тут же

засыпал и храпел до рассвета, утомленный бесконечными убийствами, которые совершал в течение дня.

Но в ту ночь я размышлял.

А потом, на рассвете, с застывшим, как камень, лицом поскакал верхом в лагерь элдренов. На поднятом вверх копье развевался мой боевой флажок. И, как и год назад, рядом со мной скакал гонец.

Мы подъехали к главным воротам Лус Птокаи и остановились. С крепостных стен на нас смотрели элдрены.

Гонец поднял свой золотистый горн, и его призывные звуки эхом отдались от черных и белых башен Лус Птокаи.

— Принц элдренов! — воззвал я своим мертвым, потухшим голосом. — Арджав из Мернадина, я пришел, чтобы убить тебя.

И тут на привратных башнях я заметил какое-то движение, и появился сам Арджав. Он смотрел на меня оттуда, и в его странных глазах светилась печаль.

— Здравствуй, старый враг, — крикнул он. — Вам придется долго осаждать этот город, последний наш оплот, прежде чем вы ворветесь сюда.

— Да будет так, — сказал я, — но мы все же ворвемся в город.

Арджав помолчал. Потом снова заговорил:

— Когда-то мы условились с тобой вести сражение в соответствии с Кодексом Эрекозе. Не хочешь ли снова обсудить условия?

Я покачал головой:

— Мы не остановимся до тех пор, пока не уничтожим всех элдренов до единого. Я поклялся очистить Землю от вашего племени.

— В таком случае, — сказал Арджав, — прежде чем начнется сражение, я приглашаю тебя посетить Лус Птокаи в качестве моего гостя и отдохнуть в моем доме. Мне кажется, что отдых тебе совершенно необходим.

Я не сразу ответил ему, а мой спутник, гонец, фыркнул:

— Они, видно, почуяли, что им грозит, господин мой, и думают, что смогут так просто обмануть тебя!

Однако приглашение Арджава подняло в моей душе целую бурю таких противоречивых эмоций, что я рявкнул:

— Помолчи!

И с тяжелым вздохом вновь погрузился в раздумья.

— Что же ты мне ответишь? — крикнул Арджав со стены.

— Я принимаю твое предложение, — медленно проговорил я. И прибавил: — А леди Эрмизад в городе?

— Да, в городе, и очень хочет снова тебя увидеть. — Эти последние слова Арджав выговорил с такой странной интонацией, что в душе моей проснулись подозрения. Может быть, гонец прав? Я знал, что Арджав очень любит свою сестру.

Может быть, он знает о моем тщательно скрываемом чувстве по отношению к ней? Я и самому себе бы не признался в тех чувствах, что испытывал к Эрмизад, но именно они исподволь воздействовали на мое решение принять приглашение Арджава.

— Господин мой, неужели ты серьезно намерен войти в этот город? Да стоит тебе только оказаться за воротами, как они убьют тебя. Раньше ходили, правда, слухи, что для заклятых врагов у вас с принцем Арджавом слишком хорошие отношения, но после тех побоищ, которые ты учинил в Мернадине, он непременно сразу же убьет тебя. Как и каждый на его месте, это ведь ясно! — удивленно проговорил мой спутник.

Я покачал головой. Настроение у меня совершенно переменилось, я стал гораздо спокойнее.

— Он меня не убьет, — сказал я гонцу. — В этом я уверен. А попав в город, я смогу оценить силы противника, что было бы для нас очень полезно.

— Но ведь для нас будет настоящей катастрофой, если они убьют тебя, господин мой…

— Не убьют, — снова сказал я и почувствовал, как улетучивается моя свирепость и ненависть, как гаснет в душе моей жажда битвы. И я отвернулся от своего спутника, чтобы он не заметил блеснувших в моих глазах слез.

— Открывайте ваши ворота, — крикнул я каким-то не слишком уверенным голосом. — Я войду в Лус Птокаи как твой гость, принц Арджав.

Глава XXIII
В Лус Птокаи

Верхом я медленно въехал в город, оставив свой меч и свое копье у гонца, который теперь, должно быть, уже мчался во весь опор, совершенно потрясенный, назад, в наш лагерь, чтобы рассказать обо всем маршалам.

Улицы Лус Птокаи были тихи и печальны; Арджав спустился с крепостной стены мне навстречу, и я увидел, что и его лицо, подобно моему, сильно изменилось после всех этих сражений: заострились и посуровели черты, взгляд казался пыльным. Он и двигался не так уверенно и легко, и голос его звучал не так звонко, как в день нашей с ним первой встречи год назад.

Я спрыгнул на землю. Он схватил меня за руку.

— Итак, — проговорил он с притворным весельем, — боевой идол этих варваров все еще вполне материален. А мой народ уже начал сомневаться в этом.

— Наверное, вы ненавидите меня, — сказал я.

Он, казалось, был несколько удивлен моими словами.

— Элдрены не умеют ненавидеть, — сказал он и повел меня в свой дворец.

Арджав провел меня в небольшую комнату, где были лишь кровать, столик и стул — все сделанное на редкость искусно, все очень легкое и хрупкое, казавшееся выполненным из драгоценного металла, однако же каким-то хитроумным способом вырезанное из дерева. В углу была ванна, полная горячей воды.

Арджав вышел, и я скинул свои испачканные кровью и грязью доспехи, которые почти не снимал за последний год, и выскользнул из штанов и рубахи. А потом с чувством облегчения и благодарности погрузился в теплую воду.

После того шока, который я испытал, получив приглашение Арджава, душа моя совершенно успокоилась, даже как-то отупела. А теперь, впервые за весь этот год, я и сам полностью расслабился, я больше ни о чем не думал, как бы смывая со своего сердца налет горечи и ненависти вместе с той грязью, которая покрывала мое тело.

Я был почти весел, надевая чистое белье, приготовленное для меня заранее, и тут кто-то постучал в дверь.

— Здравствуй, Эрекозе, — это была Эрмизад.

— Госпожа… — я поклонился ей.

— Как ты живешь, Эрекозе?

— Видишь ли, во время войны я живу хорошо и действую успешно. А сейчас я с удовольствием воспользовался бы твоим гостеприимством.

— Арджав послал меня, чтобы я пригласила тебя отобедать с нами.

— Я готов. Но сперва скажи мне, как ты сама жила все это время, Эрмизад.

— Ну, в общем-то, неплохо… я здорова… — проговорила она. Потом подошла ко мне ближе. Низко опустила голову и, глядя в землю, поднесла руки к горлу каким-то умоляющим жестом. — А скажи… ты теперь уже муж королевы Иолинды?

— Мы все еще жених и невеста, — сообщил я ей. И потом, решившись, я заглянул ей в глаза и добавил, стараясь по возможности говорить ровным тоном: — Мы поженимся, как только…

— Как только?..

— Как только будет взят Лус Птокаи.

Она промолчала.

Я сделал еще шаг вперед, и теперь мы стояли почти вплотную друг к другу.

— Это единственное условие для того, чтобы наш брак состоялся, — сказал я. — Я должен уничтожить всех элдренов до единого. Ваши поруганные знамена должны стать моим свадебным подарком Иолинде.

Эрмизад кивнула, быстро на меня взглянув, во взгляде ее была печаль и, одновременно, насмешка.

— Значит, такова данная тобой клятва. Ты должен ее выполнить. Должен убить всех элдренов. До последнего.

Я прокашлялся.

— Да, такова моя клятва.

— Ну пойдем, — сказала она. — Обед остывает.

За обедом мы сидели с Эрмизад рядом, а Арджав так оживленно рассказывал об одном из весьма странных экспериментов своих

предков-ученых, что все мы на какое-то время как бы забыли о предстоящем сражении. Но позже, когда мы с Эрмизад тихо заговорили о чем-то друг с другом, я вдруг поймал взгляд умолкнувшего на время Арджава: в этом взгляде была такая боль! Потом он вмешался в наш разговор:

— Как ты уже и сам понял, Эрекозе, мы потерпели поражение.

Мне не хотелось говорить об этом. Я только пожал плечами и попытался возобновить нашу приятную беседу с Эрмизад, но Арджав был настойчив:

— Мы обречены, Эрекозе. Наши защитники вскоре падут под мечами твоей огромной армии.

У меня перехватило дыхание. Я посмотрел ему прямо в глаза.

— Да, вы обречены, принц Арджав.

— Это лишь вопрос времени — когда именно вы возьмете город.

На этот раз я отвел глаза, избегая его пристального взгляда, и просто кивнул в ответ.

— Значит… ты… — голос у него сорвался.

Я начал терять терпение. Противоречивые чувства кипели в моей душе.

— Моя клятва… — напомнил я ему. — Я должен выполнить то, в чем поклялся, Арджав.

— Самому мне умереть не страшно… — начал он.

— Я понимаю, чего ты страшишься, — сказал я.

— Но неужели нельзя позволить элдренам просто сдаться? Неужели они не могут просто признать, что Человечество одержало над ними победу, Эрекозе? Разумеется, один город…

— Я дал клятву. — Теперь печаль переполняла мое сердце.

— Но не можешь же ты… — Эрмизад слабо махнула своей тонкой рукой. — Мы ведь твои друзья, Эрекозе. Нам так приятно быть вместе. Мы… мы ведь действительно друзья…

— Мы принадлежим к разным народам, — сказал я. — И между нами идет война.

— Пощады я не прошу, — сказал Арджав.

— Знаю, — ответил я. — И ничуть не сомневаюсь в мужестве остальных элдренов. Я слишком много видел тому примеров.

— Ты связан клятвой, которую дал в порыве гнева, дал беспричинно, бесцельно, просто так, и теперь клятва эта привела к

тому, что ты убиваешь тех, кого любишь и уважаешь… — в голосе Эрмизад было изумление. — Неужели ты не устал убивать, Эрекозе?

— Очень устал.

— Но в таком случае?..

— Но именно я все это затеял, — сказал я. — Иногда мне кажется, что это не я веду людей на битву, а они как бы толкают меня вперед. Может быть, весь я целиком — всего лишь их создание. Нечто, созданное волей Человечества. Может быть, я всего лишь лоскутный коврик, созданный ими из их представлений о самых различных героях. Может быть, никакой другой жизни у меня нет и не было, и когда я выполню свою задачу, то исчезну, поскольку исчезнет и чувство опасности, питающее души этих людей…

— Думаю, что этого не произойдет, — мрачно сказал Арджав.

Я только пожал плечами:

— Но ведь ты же не я. И у тебя не было таких странных снов…

— А тебе по-прежнему снятся эти сны? — спросила Эрмизад.

— В последнее время нет. С тех пор, как началась эта военная кампания, сны пропали. Они мучают меня только тогда, когда я пытаюсь понять, кто же я на самом деле такой. А когда я делаю то, что от меня требуется, сны оставляют меня в покое. Скорее всего, я просто призрак. И ничего больше.

— Вот этого я не понимаю, — вздохнул Арджав. — Мне кажется, тебе просто жаль самого себя, Эрекозе. Ты можешь проявить свою собственную волю, однако боишься это сделать! И вместо этого предаешься кровопролитиям, отдаешь душу на растерзание ненависти, позволяешь меланхолии мучать тебя. Ты пребываешь в такой тоске потому, что не делаешь того, что действительно хотел бы делать. Эти сны все равно вернутся, Эрекозе. Запомни мои слова — сны вернутся и будут куда более ужасны, чем виденные тобой когда-либо прежде.

— Довольно! — вскричал я. — Не надо портить наше последнее свидание. Я пришел сюда лишь потому…

— Ну и почему же? — Арджав поднял тонкую бровь.

— Потому что мне необходимо было поговорить с умными и воспитанными людьми…

— Поговорить с кем-либо, подобным тебе, — тихо проговорила Эрмизад.

Я обернулся к ней и вскочил:

— Нет! Я совсем другой, чем вы! Мой народ ждет меня там, за этими стенами! Они ждут, когда мы уничтожим ваше племя!

— Но между нами существует родство духовное, — сказал Арджав. — Эти связи тоньше и крепче кровных…

Лицо мое исказила гримаса, и я спрятал его в ладонях.

— Нет!

Арджав положил руку мне на плечо:

— Ты куда более настоящий человек, Эрекозе, чем сам позволяешь себе казаться. От тебя потребуется немалое мужество, если ты решишься серьезно переменить свою жизнь и образ мыслей…

Руки мои бессильно упали.

— Ты прав, — сказал я ему. — И этого мужества я в себе не чувствую. Я всего лишь меч. Некая сила, вроде урагана. Больше мне ничего не дано, больше я не позволяю себе ничего. Больше мне ничего не позволяют…

Эрмизад снова вмешалась в наш разговор. В голосе ее отчетливо звучала ярость:

— Ради тебя самого ты должен позволить этой второй половине твоего «я» одержать верх! Забудь о данной Иолинде клятве. Ты ее не любишь. У тебя ничего нет общего с той кровожадной толпой, которая следует за тобой столь послушно. Ты куда более великий человек, чем любой из них… чем любой из тех, с кем ты ведешь войну…

— Прекрати это! Довольно!

— Она права, Эрекозе, — сказал Арджав. — Мы ведь спорим с тобой не ради собственного спасения. Это спор во имя твоей души…

Я снова рухнул в кресло.

— Я так старался не позволять более сомнениям овладевать моей душой и вести простую деятельную жизнь воина, — проговорил я бессильно. — Вы правы я не чувствую никакого родства с теми, кого веду за собой… или с теми, кто толкает меня вперед… Но они ведь, несомненно, мой народ! И долг мой…

— Пусть живут так, как им хочется, — сказала Эрмизад. — И ты в долгу не перед ними. Перед самим собой.

Я сделал глоток вина. Потом тихо сказал:

— Я боюсь.

Арджав покачал головой:

— Нет, ты смел. И не твоя вина, если…

— Кто знает? — сказал я. — Может быть, некогда я совершил чудовищное преступление. А теперь за него расплачиваюсь.

— Все это потому, что ты себя жалеешь, — все эти твои размышления! — снова заявил Арджав. — Знаешь, Эрекозе, все это как-то… как-то не по-мужски…

Я затаил дыхание.

— Может, оно и так. — Я посмотрел прямо на него. — Но если время имеет циклический характер, то разве не может быть — хотя бы в одной какой-нибудь его точке! — просвета для меня, такого отрезка, когда я еще не совершал этого преступления…

— Все эти разговоры о каком-то «преступлении» ни к чему, — заявила нетерпеливо Эрмизад. — А что велит тебе твое сердце?

— Мое сердце? Я уже много месяцев не прислушивался к его голосу.

— Ну так теперь прислушайся! — рассердилась она.

Я покачал головой:

— Я разучился это делать, Эрмизад. Я должен закончить начатое мной. То, для чего и был призван в этот мир…

— А ты уверен, что именно король Ригенос призвал тебя в этот мир?

— А кто же еще?

— И это тоже всего лишь бессмысленные предположения, — улыбнулся Арджав. — Ты должен поступать так, как считаешь нужным, Эрекозе. Я больше не стану просить тебя пощадить мой народ.

— Ну вот и спасибо! — сказал я, вскочил из-за стола, пошатнулся и зажмурился. — Господи! До чего же я устал!

— Вот и отдохни здесь, — тихо сказала Эрмизад. — Со мной…

Я посмотрел на нее.

— Со мной, — повторила она.

Арджав собрался было что-то сказать, но передумал и вышел из комнаты.

И тут я понял, что не хочу ничего другого — только сделать то, что предлагала мне Эрмизад. Но я отрицательно замотал головой:

— Нет, это было бы проявлением слабости…

— Наоборот, это придало бы тебе сил. Это позволило бы тебе принять более ясное решение…

— Я уже принял решение. И кроме того, моя клятва Иолинде…

— Ты поклялся ей в верности?..

Я только развел руками:

— Я не могу вспомнить.

Она придвинулась ближе и погладила меня по щеке.

— А может быть, благодаря этому как раз что-нибудь и окончится, — предположила она. — Может быть, как раз это и оживит твою любовь к Иолинде…

Теперь я ощущал почти физическую боль. На какое-то мгновение мне даже показалось, что они меня отравили.

— Нет!

— Это непременно поможет тебе, — продолжала она. — Я знаю, что поможет! Хотя я и сама, пожалуй, не уверена, что мне этого хочется, но…

— Сейчас я не имею права проявлять слабость, Эрмизад.

— Эрекозе, но ведь это не будет проявлением слабости!

— И все-таки…

Она отвернулась от меня и сказала тихим и каким-то очень странным голосом:

— Ну, хорошо, тогда отдохни хотя бы прямо здесь. Выспись в хорошей постели, чтобы чувствовать себя хорошо во время завтрашнего сражения. Я люблю тебя, Эрекозе. Я люблю тебя больше всех на свете. Я помогу тебе во всем, что бы ты ни решил сделать.

— Я ведь уже решил, что мне делать, — напомнил я ей. — И в этом ты мне помочь не можешь. — Голова у меня кружилась. Я совсем не хотел возвращаться в свой лагерь в таком состоянии, потому что они непременно решили бы, что меня подпоили, и перестали бы мне доверять. Лучше действительно переночевать здесь и встретиться со своими воинами в добром здравии. — Хорошо, я останусь на ночь, — сказал я. — Один.

— Как хочешь, Эрекозе. — Она пошла к двери. — Слуга покажет тебе, где спальня.

— Я буду спать здесь, — сказал я ей. — Пусть сюда принесут постель.

— Как хочешь.

— Приятно будет выспаться в настоящей постели, — сказал я. — Утром голова будет лучше варить.

— Надеюсь. Спокойной ночи, Эрекозе.

Неужели они знали, что именно в эту ночь сны вернутся снова? Неужели я стал жертвой тонкого коварства, на какое способны лишь эти загадочные существа?

Я лежал в постели, в элдренской столице, и мне снились сны.

Но снилось мне не то, как я пытаюсь отыскать свое настоящее имя. На этот раз у меня имени вообще не было. И мне оно было совсем не нужно.

Я смотрел, как кружится наша Земля, и видел ее обитателей, суетящихся на поверхности планеты подобно муравьям на вершине холма, подобно жучкам в гнилом пне. Я видел, как они сражаются друг с другом, уничтожают друг друга, заключают друг с другом мир, строят новые здания, чтобы снова начать разрушать их в следующей неизбежной войне. И мне показалось, что существа эти по уровню своего развития лишь немного отличаются от животных и что по какому-то капризу судьбы они обречены снова и снова совершать одни и те же ошибки. И я понял, что для них нет надежды на будущее — для этих несовершенных существ, застрявших где-то на середине пути между животными и Богами. Что это их судьба, как и у меня самого, — без конца вести войны и никогда не знать чувства удовлетворения. Те же парадоксы бытия, что мучили меня, мучили и всю мою расу в целом. Те вопросы, на которые я не находил ответа, в действительности и не имели ответа. Не было смысла в бесконечных поисках решения: его не существовало, и приходилось либо принимать данное, либо отвергать его. И так будет всегда. О, в этих существах было много такого, за что их стоило любить, но ненавидеть их было не за что. Как можно было их ненавидеть, если все их ошибки были вызваны гримасой всемогущей судьбы, которая и сделала их такими — полуслепыми, полуглухими, полунемыми…

Проснувшись, я почувствовал необычайный покой в душе. А потом вдруг душой моей неумолимо завладел ужас — то были отголоски виденного мною во сне.

Неужели элдрены наслали на меня этот сон — благодаря своему колдовству?

Нет, я так не думал. Это был как раз тот сон, который иные сны, те, прежние, пытались от меня скрыть. В этом я был уверен. Это была та самая правда, которую я искал.

И это она привела меня в ужас.

То была не моя личная судьба — вести вечную войну, то была судьба всего моего народа. И, будучи его частью, его представителем, я тоже вынужден был вести вечную войну.

А я именно этого-то и стремился избежать. Мне невыносима была даже мысль о вечной войне, о моем участии в ней. И тем не менее, что бы я ни предпринимал, чтобы покончить с войной, довести дело до конца казалось практически безнадежным занятием. Итак, я мог совершить лишь одно…

Я отбросил эту мысль.

Но что мне оставалось?

Попытаться заключить мир? Посмотреть, сработает ли такой план? Дать элдренам возможность выжить?

Арджав выразил нетерпение, когда мы повели «беспочвенные разговоры». Но ведь и эти мои размышления тоже были беспочвенны. Раса людей поклялась уничтожить расу элдренов. После этого, разумеется, человеческие племена обратят свой гнев на самих себя, и начнутся вечные ссоры, вечные междоусобицы — как того требует их неумолимая судьба.

И все-таки — разве не стоит мне попробовать найти компромиссное решение?

Или же мне стоит с прежним рвением продолжать уничтожать элдренов, позволяя своему народу утолять жажду братоубийства? В какой-то степени я был уверен, что если в живых будет оставаться хоть горстка элдренов, людские племена будут держаться вместе. Перед лицом общего врага, по крайней мере, они будут в какой-то степени сохранять единство. Однако же мне не очень нравилась идея сохранить некоторое количество элдренов в живых — лишь для того, чтобы поддержать Человечество.

Я вдруг понял, что между данной мной клятвой и моим нежеланием вести войну нет никаких противоречий. Напротив, это были как бы две половинки единого целого. Тот сон просто помог мне соединить эти две половинки и увидеть все яснее.

Возможно, мне было дано некое весьма сложное объяснение ситуации. Впрочем, этого я никогда не узнаю. Я чувствовал, что прав, хотя, возможно, обстоятельства докажут обратное. В конце концов мне стоит попробовать…

Я сел в постели, потому что в комнату вошел слуга, который принес мне умыться и мою собственную одежду, выстиранную и выглаженную. Я привел себя в порядок, и тут в дверь постучали.

Это была Эрмизад. Она принесла мне завтрак и стала расставлять еду на столе. Я поблагодарил, и она как-то странно посмотрела на меня.

— Мне кажется, за прошедшую ночь ты переменился, — сказала она. — В душе у тебя теперь больше покоя и целостности.

— Наверное, ты права, — сказал я ей, уплетая завтрак. — Сегодня мне снился совсем другой сон…

— И он был таким же страшным, как и остальные?

— В какой-то степени даже более страшным, — сказал я. — Но на этот раз передо мной не ставились вопросы. Напротив, мне было предложено некое решение.

— И ты чувствуешь, что в тебе есть силы для сражения…

— Можно сказать и так. Я думаю, что в интересах нашей расы мы должны заключить с элдренами мир. Или, по крайней мере, объявить длительное перемирие…

— Ты понял наконец, что мы не представляем для вас опасности.

— Как раз наоборот, именно та опасность, что заключена в вашем существовании для моей расы, и делает само ваше существование столь необходимым. — Я улыбнулся, припоминая какой-то давно известный афоризм. — Если бы вас не было, вас следовало бы изобрести.

Светлая улыбка озарила ее лицо.

— Мне кажется, я тебя понимаю.

— И я намерен изложить свои мысли королеве Иолинде, — сказал я. — Я надеюсь, что мне удастся убедить ее, что это в наших же интересах — положить конец войне с элдренами.

— А каковы твои условия?

— Не вижу необходимости обсуждать эти условия с тобой, — сказал я ей. — Мы просто перестанем вести военные действия и уберемся восвояси.

— Неужели это будет так просто? — засмеялась она.

Я с подозрением посмотрел на нее, несколько засомневавшись было, но потом решительно тряхнул головой:

— Может быть, и нет. Но я должен попробовать.

— Ты вдруг стал очень разумным, Эрекозе. Я очень этому рада. Значит, ночь, проведенная здесь, пошла тебе на пользу…

— А может быть, на пользу и всем элдренам…

— Может быть, — снова улыбнулась она.

— Я постараюсь как можно скорее вернуться в Некранал и переговорить с королевой Иолиндой.

— И если она согласится с твоим планом, ты на ней женишься?

Я почувствовал, как у меня подгибаются колени. С трудом я выговорил:

— Я должен это сделать. Все может пойти прахом, если я этого не сделаю. Ты меня понимаешь?

— Я полностью понимаю тебя, — сказала она и улыбнулась сквозь слезы.

Через несколько минут в комнату вошел Арджав, и я рассказал ему о том, что собираюсь делать. Он воспринял мое решение с куда большим скептицизмом, чем Эрмизад.

— Ты не веришь, что я действительно намерен сделать это? — спросил я его.

Он пожал плечами:

— Я полностью доверяю тебе, Эрекозе. Но не думаю, что элдрены смогут выжить.

— Но почему? Может быть, ты боишься какой-нибудь болезни? Чего-то такого, что свойственно только вашим организмам?..

— Нет, нет, — он коротко засмеялся. — Просто я думаю, что ты предложишь заключить перемирие, а люди не позволят тебе его заключить. Твой народ будет удовлетворен лишь тогда, когда все элдрены до единого исчезнут с лица Земли. Ты сказал, что судьба людей — воевать вечно. А не может ли быть, что втайне они ненавидят элдренов именно потому, что те самим своим присутствием мешают им вести себя так, как они бы того хотели, — я имею в виду их войны друг с другом. Может быть, это всего лишь передышка, пауза в этих войнах, за время которой они хотели бы нас уничтожить? И если они

не уничтожат нас теперь, то все равно сделают это очень скоро, вне зависимости от того, будешь ты во главе их войска или нет.

— И все-таки я должен попробовать… — сказал я.

— Ну конечно, попробуй. Но они заставят тебя выполнить твою же клятву, уверен.

— Иолинда умна. Если она прислушается к моим доводам…

— Она одна из них. Сомневаюсь, что она вообще стала бы тебя слушать. Ум не имеет ничего общего с… Вчера вечером, когда я так просил тебя, я был не в себе, меня охватило отчаяние лишь от одной мысли о том, что мира не будет никогда.

— Я должен попытаться.

— Надеюсь, тебе это удастся.

Может быть, конечно, я был во власти элдренских чар, но это вряд ли. Я бы сделал все, что в моих силах, чтобы мир вновь воцарился на истерзанных землях Мернадина, хотя это и означало бы, что я никогда не увижу больше своих элдренских друзей… никогда не увижу Эрмизад…

Я выбросил эти мысли из головы и решил больше не думать об этом.

Тут в комнату вошел слуга. Мой вчерашний спутник, гонец, а вместе с ним несколько военачальников, включая графа Ролдеро, ожидали перед воротами города, почти уверенные, что элдрены убили меня.

— Им достаточно лишь взглянуть на тебя, — прошептал Арджав. Я кивнул и вышел из комнаты.

Подойдя к крепостной стене, я услышал вопли гонца:

— Мы боимся, что вы проявили чудовищное коварство. Покажите нам лорда Эрекозе — или его труп! — Он помолчал. — Тогда мы сами решим, что нам делать дальше.

Арджав и я поднялись по лестнице на стену. Я сразу заметил, что гонец повеселел, увидев меня живым и невредимым.

— Я вел переговоры с принцем Арджавом, — сказал я. — Я долгое время провел в раздумьях. Наши люди чрезвычайно устали от бесконечной войны, а элдренов осталось совсем немного — ведь это последний их незахваченный город. Мы можем взять Лус Птокаи штурмом, но я не вижу в этом смысла. Давайте проявим великодушие победителей, давайте объявим перемирие.

— Перемирие, лорд Эрекозе? — граф Ролдеро изумленно вытаращил глаза. — Неужели ты лишишь нас последней и заслуженной победы? Последней и самой сильной радости? Нашего величайшего триумфа? Мир, надо же!

— Да, — сказал я, — мир. А теперь ступайте назад. Сообщите войску, что я жив.

— Мы легко можем взять этот город, Эрекозе, — крикнул мне Ролдеро. — К чему все эти разговоры о мире? Мы можем раз и навсегда уничтожить элдренов. Неужели же ты вновь поддался их проклятым чарам? Неужели они вновь заморочили тебя своими сладостными речами?

— Нет, — ответил я ему, — я сам первым предложил заключить перемирие.

Ролдеро от отвращения даже сплюнул.

— Мир! — и подал знак своим сопровождающим воззращаться в лагерь. — Наш Герой, видно, сошел с ума!

Арджав задумчиво поскреб подбородок:

— Ну вот, я вижу, у тебя уже начались неприятности.

— Они боятся меня, — сказал я ему, — и они мне подчинятся. Они станут мне подчиняться — по крайней мере, пока.

— Что ж, будем на это надеяться, — сказал Арджав.

Глава XXIV
Расставание

На этот раз в Некранале меня не встречали радостные толпы — слухи о моем новом решении меня опередили. Люди с трудом могли поверить этому, но, поверив, оказывались жестоко разочарованными мною. Они считали, что с моей стороны это проявление слабости.

С тех пор как Иолинда стала королевой, я не видел ее. Вид у нее был весьма высокомерный, когда она проследовала через тронный зал мне навстречу.

В душе я даже немножко посмеялся. Я чувствовал себя примерно как давний отвергнутый поклонник, который спустя много лет явился посмотреть на объект своего поклонения и увидел, что дама замужем и проявляет весьма неприятные свойства характера. В какой-то степени я даже почувствовал облегчение…

Однако это длилось недолго.

— Что ж, Эрекозе, — сказала она, — я знаю, зачем ты здесь, знаю, почему ты предал свои войска, нарушил данное мне слово — свою клятву уничтожить всех элдренов до конца. Каторн все рассказал мне.

— Каторн здесь?

— Он примчался сюда сразу же, как увидел тебя в окружении твоих элдренских друзей на стенах Лус Птокаи: ты делал свое предательское заявление о мире!

— Иолинда, — я старался говорить как можно убедительнее, — я убежден, что элдрены чрезвычайно измотаны войной. У них никогда не было даже намерения угрожать безопасности Двух Континентов. Единственное, к чему они стремятся, это мир.

— Да, у нас воцарится мир. Когда раса элдренов будет стерта с лица Земли!

— Иолинда, если ты любишь меня, по крайней мере, выслушай!

— Что? Если я люблю тебя? А как же лорд Эрекозе? Разве он по-прежнему любит свою королеву?

Я открыл было рот, но не смог сказать ни слова.

Вдруг в глазах ее заблестели слезы.

— О, Эрекозе… — теперь она говорила куда нежнее и тише, — неужели все это правда?

— Нет, — сдавленным голосом сказал я. — Я все еще люблю тебя, Иолинда. Мы с тобой станем мужем и женой…

Но она уже поняла. Раньше она только подозревала, но теперь знала твердо. И все же, если окончательный мир зависит лишь от того, как я буду вести себя с ней, то я готов был продолжать лгать, притворяться, уверять ее в неизменности моей страстной любви к ней, жениться…

— Я по-прежнему хочу, чтобы ты стала моей женой, Иолинда.

— Нет, — возразила она. — Нет. Этого ты не хочешь.

— Но я женюсь на тебе, — в отчаянии воскликнул я, — как только дело дойдет до мирных переговоров с элдренами!..

И снова ее огромные глаза сердито сверкнули:

— Ты оскорбляешь меня, лорд Эрекозе! Только не при этих условиях. Нет. Никогда! Ты виновен в государственной измене, в измене всему Человечеству! Все уже говорят о тебе только как о предателе.

— Но ведь я же завоевал для них целый континент! Я захватил Мернадин!

— Кроме Лус Птокаи, где тебя ждет эта твоя элдренская ведьма, эта шлюха!

— Иолинда! Это неправда!

Но это была правда.

— Ты несправедлива… — начал было я.

— Ты самый настоящий предатель! Стража!

И тут же, словно они стояли за дверьми наготове, в комнату ворвались человек двенадцать из королевской гвардии во главе с лордом Каторном. В глазах его светилось торжество, и я окончательно уверился в причине его постоянной ненависти ко мне: он всегда мечтал заполучить Иолинду.

Потом я понял, что даже если я успею выхватить меч, то он все равно постарается немедленно убить меня.

Но меч я все-таки выхватил. Меч Канаяну. Сверкнула сталь, и блеск ее отразился в черных глазах Каторна.

— Взять его, Каторн! — крикнула Иолинда. Голос у нее сорвался от ярости. Я предал ее. Я не смог стать той силой, которая была столь

необходима ей. — Взять его! Живым или мертвым! Он предал свой собственный народ!

Для нее я был предателем. Она действительно была уверена в этом. И именно поэтому я должен был умереть.

Но я все еще надеялся хоть что-то спасти.

— Это несправедливо… — начал снова я, но Каторн уже осторожно подбирался ко мне, сзади него полукругом надвигались гвардейцы. Я прислонился спиной к стене возле окна. Тронный зал находился невысоко. За окном были личные сады королевы. — Подумай, Иолинда, — сказал я. — Прикажи им остановиться. Тобой движет ревность. Я не предатель.

— Убей его, Каторн!

Но это я убил Каторна. Когда он с искаженным ненавистью лицом бросился на меня, мой меч, сверкнув в воздухе, обрушился прямо на это лицо. Он дико вскрикнул, споткнулся, стремительно поднес к лицу руки и вдруг как бы съежился в своих позолоченных доспехах, а потом с грохотом рухнул на каменные плиты пола.

Он был первым человеком, которого я вынужден был убить.

На меня набросились и остальные гвардейцы, но с куда меньшим рвением. Я выбил у нескольких из них мечи, еще парочку убил, отогнал остальных назад, краем глаза заметив, что Иолинда наблюдает за мной с залитым слезами лицом, и отступил к подоконнику.

— Прощай, королева. Теперь ты окончательно утратила своего Героя.

И я выпрыгнул в окно.

Я приземлился прямо на розовые кусты, и шипы здорово исцарапали меня; выбравшись из их колючих лап, я бросился к воротам, гвардейцы преследовали меня по пятам.

Я рывком распахнул ворота и бросился по склону холма вниз, все дальше от дворца, на извилистые улочки Некранала. Гвардейцы не отставали, к ним присоединились толпы завывающих горожан, которые вообще понятия не имели, ни зачем я понадобился гвардейцам, ни кто я такой. Просто эта охота доставляла им удовольствие.

Итак, все сложилось наихудшим образом. Иолинда позабыла обо всем в тумане горя и ревности. И скоро из-за ее решения должно было

пролиться куда больше крови, чем ей самой требовалось.

Я бежал, сперва не разбирая дороги, а потом свернул к реке. Я надеялся, что команда моего судна по-прежнему верна мне. Если это так, то какой-то шанс на спасение еще оставался. Я влетел на палубу корабля прямо перед носом у своих преследователей. И завопил:

— Отдать концы!

На борту оказалось не более половины команды. Остальные были на берегу, в тавернах и прочих увеселительных местах. Но матросы поспешно бросились исполнять мой приказ, сели на весла, и мы вышли из порта, оставив у причалов и гвардейцев, и беснующуюся толпу.

Так началось наше бегство по реке Друнаа.

Им удалось подготовить корабль и послать его за нами вдогонку лишь спустя некоторое время, так что мы успели достаточно сильно оторваться. Команда не задавала мне никаких вопросов. Они привыкли к моему вечному молчанию, к моим, порой совершенно неожиданным, поступкам. Но примерно через неделю после того, как наш корабль вышел в море и взял курс на Мернадин, я кратко сообщил своей команде, что теперь являюсь изгнанником.

— Но почему, лорд Эрекозе? — изумился капитан. — Это ведь несправедливо…

— Да, это несправедливо, мне тоже так кажется. Можете назвать это вероломством королевы. Я подозреваю, что Каторн что-то наплел ей про меня, вызвав столь сильную ненависть ко мне.

Такое объяснение, видимо, вполне их удовлетворило, а когда мы причалили в небольшой гавани близ Долины Тающих Льдов, я распрощался с ними, вскочил на коня и погнал его в сторону Лус Птокаи, не зная даже, что именно предприму, когда доберусь туда. Я хорошо знал лишь одно: непременно нужно было дать знать Арджаву, как обернулись дела.

Они тогда были правы. Племя людей не позволило мне проявить милосердие.

Команда попрощалась со мной очень тепло. Они, пожалуй, даже полюбили меня. Они еще не знали, не знал этого и я, что вскоре все они из-за меня будут убиты.

Теперь я стремился лишь поскорее добраться до Лус Птокаи. Я змеей прополз мимо того огромного лагеря, который мы разбили, намереваясь осадить город, и ночью проник в столицу элдренского государства.

Арджав вскочил с постели, узнав, что я вернулся.

— Ну как, Эрекозе? — Он внимательно посмотрел на меня. И сказал: — Тебе ничего не удалось, не так ли? Ты гнал во весь опор, тебе даже пришлось сражаться, чтобы спасти свою жизнь? Что же произошло?

Я рассказал.

— Так, значит, совет наш оказался глупым, — вздохнул он. — Теперь тебе придется умереть вместе с нами.

— Лучше уж это, — откликнулся я.

Прошло два месяца. Два зловещих месяца в Лус Птокаи. Племя людей не стало сразу штурмовать город, и вскоре выяснилось, что они ждут указаний от королевы Иолинды. Она же, по всей видимости, отказывалась принимать решение.

Такая бездеятельность сама по себе уже угнетала.

Я часто поднимался на крепостные стены и смотрел на огромный лагерь внизу, надеясь, что сражение наконец начнется и быстро закончится. Легче мне становилось только в присутствии Эрмизад. Теперь мы уже признались в любви друг к другу.

Я жаждал спасти ее, потому что она стала мне слишком дорога.

Хотелось спасти и ее, и себя, и всех жителей Лус Птокаи, именно потому, что я жаждал всю жизнь прожить с ней рядом. Мне вовсе не нравилась мысль о смерти.

В отчаянии я без конца строил различные планы того, как нам противостоять чудовищной военной силе, что ждала своего часа, но все мои планы оказывались совершенно нелепыми и безнадежными.

И вдруг в один прекрасный день я вспомнил.

Я вспомнил тот разговор, который произошел у нас с Арджавом на горном плато, когда он победил меня в поединке.

Я отправился искать его и нашел в кабинете. Он что-то читал.

— Эрекозе? Они что же, начали штурм?

— Нет, Арджав. Но я помню, что однажды ты рассказывал мне о некоем древнем оружии, которое имелось у элдренов… которое есть у вас и сейчас.

— Что-что?

— О том древнем ужасном оружии, — повторил я. — Том самом, которое вы поклялись никогда более не использовать из-за его чудовищной разрушительной силы.

Он покачал головой:

— Только не это…

— Используй его всего лишь один раз, Арджав, — попросил я его. — Всего лишь покажи свою силу, ничего более. Тогда они, наверное, сразу согласятся обсудить условия перемирия.

Он захлопнул книгу.

— Нет. Они никогда не станут обсуждать с нами условия перемирия. Они скорее согласятся погибнуть. В любом случае, я не считаю, что даже в подобной ситуации можно думать о нарушении столь давней клятвы.

— Арджав, — сказал я, — я уважаю ваше нежелание использовать это оружие. Но чем дальше, тем сильнее я люблю элдренов. Я уже нарушил одну клятву. Позволь же мне нарушить и вторую — вместо тебя.

Он снова покачал головой.

— Ну тогда только скажи, что согласен, — продолжал я. — Если наступит тот час, когда я пойму, что мы неизбежно должны использовать это оружие, позволь мне — вместо тебя — принять это страшное решение. Пусть ответственность за это падет на мою голову.

Он испытующе посмотрел на меня. Его сплошь голубые глаза, казалось, пронзали меня насквозь.

— Может быть, — сказал он.

— Арджав… ты сделаешь это?

— Мы, элдрены, никогда не действовали под влиянием своих чувств и страстей — в отличие от вас, людей. Во всяком случае, мы никогда бы не смогли уничтожить целый народ во имя собственного спасения, Эрекозе. Так что не смешивай наши духовные ценности с человеческими.

— Я и не смешиваю, — ответил я. — Это ведь моя собственная инициатива, я первым заговорил об этом оружии. Я не смогу вынести, если ваша благородная раса будет дотла уничтожена скотами, что расположились лагерем у ваших стен!

Арджав встал и поставил свою книгу обратно на полку.

— Иолинда сказала правду, — промолвил он тихо. — Ты предал свой собственный народ.

— Народ — слово, в общем-то, довольно неопределенное и бессмысленное. Ведь именно вы с Эрмизад призывали меня к тому, чтобы я стал личностью. Я уже выбрал, с кем мне быть и оставаться.

Он закусил губу.

— Ну что ж…

— Я хочу лишь одного: остановить это безумие, — сказал я.

Принц стиснул свои тонкие бледные руки.

— Арджав, я прошу тебя во имя той великой любви, которую мы с Эрмизад испытываем друг к другу. Во имя той великой дружбы, которой ты одарил меня. Во имя жизни всех элдренов. Я умоляю тебя, позволь мне принять необходимое решение относительно этого оружия, если в том возникнет необходимость.

— Из-за Эрмизад? — он поднял свои тонкие брови. — Из-за тебя самого? Из-за меня? Из-за моего народа? Не во имя мести?

— Нет, — тихо сказал я. — Не думаю, чтобы я стал мстить.

— Ну, хорошо. Я предоставляю тебе право принять это решение. Думаю, что это справедливо. Я тоже не хочу умирать. Но помни: нельзя действовать так необдуманно, как это часто делаете вы, люди.

— Я буду помнить это, — пообещал я.

И, по-моему, я свое обещание сдержал.

Глава XXV
Штурм

Так проходил день за днем, пока не стало холодать: приближалась зима. Если зима успеет наступить, то мы пока спасены, ибо нужно быть дураком, чтобы до самой весны вести столь тяжкую и длительную осаду.

Видимо, они тоже это понимали. Иолинда все-таки должна была принять какое-то решение. И она отдала приказ штурмовать Лус Птокаи.

Я уже знал, что после длительных споров и перебранок между собой военачальники выберут кого-то одного — одного из наиболее опытных, чтобы он сыграл роль их Героя.

И они избрали графа Ролдеро.

И начали готовиться к штурму.

Были использованы все виды осадного оружия, включая гигантскую пушку под названием Огненный Дракон. Таких пушек у них было несколько — чудовищные, черные, украшенные литьем с изображениями свирепых морд.

К стенам города подъехал верхом сам Ролдеро, и герольд возвестил о его прибытии. Я поднялся на городскую стену, чтобы переговорить с ним.

— Здравствуй, предатель Эрекозе! — крикнул он. — Мы решили наказать тебя — а заодно и всех элдренов, что прячутся за этими стенами. Мы непременно сотрем вас всех в порошок, но тех, кого захватим в плен, постараемся умертвить медленной смертью.

Глубокая печаль охватила меня.

— Ролдеро, — взывал я к нему, — мы ведь некогда были друзьями. Может быть, ты даже был моим единственным настоящим другом. Мы с тобой вместе пили, сражались, шутили… Мы с тобой были товарищами, Ролдеро, настоящими боевыми товарищами.

Его конь взвился на дыбы и ударил копытами.

— Все это было очень давно, — сказал он, не глядя на меня. — Сто лет назад.

— Всего лишь чуть больше года назад, Ролдеро…

— Но мы больше уже не друзья с тобой, Эрекозе. — Он посмотрел вверх, на стену, прикрывая глаза от солнца рукой в латной перчатке. Я заметил, что лицо его сильно постарело, на нем прибавилось немало новых шрамов и рубцов. Разумеется, и сам я выглядел иначе, чем прежде. — Мы с тобой очень разные, слишком разные, Эрекозе. — И Ролдеро, натянув поводья, развернул коня, с яростью вонзил ему в бока шпоры и помчался назад, в свой лагерь.

Теперь ничего не оставалось, как сражаться.

Огненные Драконы изрыгнули в стены крепости свои страшные снаряды. Зажигательные бомбы из захваченной артиллерии элдренов со свистом посыпались на улицы города. За ними следом в воздух взметнулись тучи стрел.

И затем многотысячная армия ринулась на штурм Лус Птокаи, защищаемого лишь горсткой элдренов.

Мы пытались вести ответный огонь с помощью оставшейся в нашем распоряжении артиллерии, но снарядов у нас было маловато, так что приходилось рассчитывать главным образом на лучников, которым и довелось принять на себя первый удар противника.

И нам все-таки удалось отразить первую атаку — после десяти часов сражения. Они отступили.

Но на следующий день и потом они продолжали атаковать, а Лус Птокаи, древняя столица Мернадина, и не думала сдаваться.

Отряд за отрядом вопящие и улюлюкающие воины карабкались на стены, а мы отвечали сверху градом стрел, расплавленным металлом и изредка выстрелами из элдренских огнеметов. Мы и сами сражались в первых рядах, Арджав и я, и каждый раз, как кто-нибудь из людей внизу замечал меня, вой и крики усиливались: они жаждали мести, каждый мечтал первым вонзить свой меч в мою грудь.

Мы бились с Арджавом как братья, бок о бок, однако наши воины-элдрены начинали уставать, и после недели непрерывных боев мы уже понимали, что вскоре будем не в состоянии сдерживать этот чудовищный натиск противника.

В ту ночь, после того как Эрмизад ушла спать, мы еще долго сидели вдвоем. Мы растирали свои ноющие от усталости руки и ноги, но говорили совсем мало.

— Скоро нам всем конец, Арджав, — заговорил я наконец. — Умрем и ты, и я. И Эрмизад. И все остальные элдрены.

Он продолжал массировать плечо, пытаясь немного расслабить будто сведенные судорогой мышцы.

— Да, — сказал он. — Это произойдет скоро.

Я рассчитывал, что он сам заговорит о том, что готово было сорваться у меня с языка, но он так и не заговорил.

На следующий день, чуя близкую победу, воины Человечества повели атаку еще более яростную. Они ближе подкатили своих Огненных Драконов, и те стали методично обстреливать главные крепостные ворота.

Я видел, как Ролдеро верхом на своем огромном вороном жеребце лично руководил этой операцией, и что-то в его поведении заставило меня осознать, что он абсолютно не сомневается в победе и намерен сокрушить нашу защиту еще до исхода дня.

Я повернулся к стоявшему рядом со мной Арджаву и уже хотел было начать разговор, но тут Огненные Драконы все одновременно изрыгнули свои страшные заряды прямо в ворота города. Левая створка огромных металлических ворот оказалась сильно поврежденной этим мощным залпом. Ворота еще держались, но было совершенно очевидно, что они падут при следующем подобном ударе артиллерии.

— Арджав! — крикнул я. — Мы немедленно должны воспользоваться вашим древним оружием. Мы должны вооружить наших элдренов!

Лицо его было смертельно бледным, но он отрицательно покачал головой.

— Арджав! Мы должны это сделать! Еще час от силы, и нас сметут вместе с городскими стенами! А еще часа через три от нас и следа не останется на этой Земле.

Он посмотрел туда, где стоял Ролдеро, дававший указания артиллеристам, и на этот раз мне не возразил.

— Хорошо, — кивнул он. — Я согласился тогда с тем, чтобы последнее решение осталось за тобой. Пошли.

И он повел меня вниз.

Я надеялся лишь на то, что он не переоценил силу своего оружия.

Арджав привел меня в подвалы, лежавшие в самом сердце крепости. Мы шли по пустым коридорам со стенами из полированного

черного мрамора, освещенным маленькими фонариками, светившимися зеленоватым светом. Наконец мы оказались перед дверью из неведомого мне темного металла, и Арджав нажал на какой-то рычаг рядом с ней. Дверь отворилась, и мы вошли в кабину лифта, который повез нас куда-то еще глубже под землю.

В который раз уже я не мог скрыть изумления: ведь элдрены явно отказались от всех этих технических чудес и удобств во имя некоей странно понимаемой ими справедливости.

Потом мы вышли и оказались в большом зале, полном загадочных машин, содержавшихся в таком порядке, словно они только что были изготовлены. Ряды механизмов тянулись, по крайней мере, на полмили вперед.

— Вот это оружие, — глухо сказал Арджав.

Вокруг повсюду на стенах было развешано немыслимое количество ручного автоматического оружия, винтовок, чего-то, с точки зрения Джона Дэйкера, очень напоминавшего противотанковые гранатометы, и так далее. Там стояли машины, очень похожие на полицейские вездеходы на гусеничном ходу или на танки сверхобтекаемой формы, с прозрачными кабинами на одного человека и очень удобными сиденьями, на которых водитель мог практически лежа управлять движением. Я с удивлением заметил, что там не было ни одного летательного устройства, или, может быть, я просто не разобрался, какие из них способны летать. А потому я задал этот вопрос Арджаву.

— Летающие машины! Было бы интересно, если бы кто-нибудь изобрел их. Но не думаю, что такое возможно. За всю нашу историю нам никогда не удавалось создать машину, которая смогла бы достаточно долго продержаться в воздухе.

Я был поражен столь странным недостатком в развитии их технологии, но никак не стал это комментировать.

— Ну вот, теперь ты видел все эти устрашающие механизмы, — сказал Арджав. — Неужели ты по-прежнему хочешь их использовать?

Но он, конечно же, считал, что подобное оружие мне совершенно неведомо. А ведь все это, в общем-то, не так уж сильно отличалось от боевого оружия, известного Джону Дэйкеру. А уж в снах моих появлялись и куда более странные виды оружия.

— Надо подготовить все это к бою, — сказал я ему.

Мы вернулись наверх и приказали воинам доставить оружие на поверхность.

Ролдеро уже удалось пробить одну из створок ворот, и пришлось выставить дополнительную артиллерию специально для их защиты, однако воины человечества напирали, и кое-где близ ворот уже завязывались рукопашные схватки.

Опускалась ночь. Я надеялся, что, несмотря на несомненный успех, с наступлением темноты войска людей все-таки отойдут на прежние позиции, дав нам тем самым время на подготовку. Сквозь пробитую в воротах дыру я видел, как Ролдеро отдавал приказания своим солдатам, явно надеясь закрепить достигнутый успех до наступления темноты.

Я послал к воротам подкрепление.

Я уже начинал сомневаться в справедливости моего собственного решения.

Может быть, Арджав был все-таки прав и это преступление — выпускать на волю столь могучую огненную силу? Но потом я подумал: «А не все ли равно? Лучше, наверное, уничтожить их всех и половину планеты в придачу, чем позволить им уничтожить красоту мира — элдренов».

Я даже как-то вынужденно улыбнулся собственным мыслям. Арджаву очень не понравились бы подобные рассуждения: они были ему совершенно чужды.

Увидев, что Ролдеро привел новые силы к прорыву в воротах, я вскочил в седло ближайшей лошади и ринулся на помощь защитникам.

Я выхватил свой ядовитый меч Канаяну, я издал свой боевой клич — тот самый, что еще совсем недавно так поднимал дух тех людей, которых я вел в атаку! Они услышали его и, по-моему, были несколько ошеломлены.

Я гнал коня, не разбирая пути ни среди своих, ни среди чужих, пока не оказался прямо перед самим Ролдеро. Он изумленно воззрился на меня и осадил коня.

— Станешь биться со мной, Ролдеро? — спросил я его.

— Ну да, предатель, конечно стану, — пожал он плечами.

И он, намотав поводья на луку седла и ухватившись обеими руками за рукоять меча, обрушил на меня удар такой неимоверной силы, что я еле успел пригнуться. Меч просвистел у меня над головой.

Повсюду вокруг нас у разрушенных стен Лус Птокаи люди и элдрены отчаянно сражались в меркнувшем свете — не на жизнь, а на смерть.

Ролдеро устал, наверное, устал сильнее, чем я, но бился он упорно, и мне так и не удавалось преодолеть его защиту. Его меч ударил меня по шлему, голова у меня закружилась, я обернулся и постарался тоже нанести ему удар. Мой шлем удержался у меня на голове, а вот его свалился на землю. Он совершенно поседел с тех пор, как я в последний раз видел его без шлема.

Лицо его побагровело, глаза сверкали, рот был угрожающе оскален. Он попытался ударить меня прямо в забрало, но я успел наклонить голову, и он, не удержавшись, завалился вперед, а я тут же направил меч ему в грудь. И ударил.

Он застонал, весь гнев, казалось, улетучился из его глаз, когда он, задыхаясь, прошептал:

— Ну вот, Эрекозе, теперь мы снова сможем стать друзьями… — и умер.

Я смотрел на него, скрючившегося в седле, и вспоминал его доброту, вино, которое он присылал мне, чтобы я мог заснуть, советы, которые он пытался мне давать. А еще — как он столкнул тогда мертвого короля на землю из седла. И все-таки граф Ролдеро был хорошим человеком. Хорошим человеком, которого ход истории заставил вершить злые дела.

Его черный жеребец повернулся и медленно потрусил прочь, к видневшейся вдали палатке графа.

Я поднял меч, как бы отдавая Ролдеро последние почести, а потом крикнул наступающим:

— Эй, воины Человечества, смотрите! Ваш Великий Герой мертв!

Закат догорал.

Люди начинали отступать, поглядывая в мою сторону с ненавистью, а я смеялся над ними, потому что напасть на меня они не решались — ведь окровавленный меч Канаяна был по-прежнему у меня в руке.

Один из них, однако, ответил на мои насмешки:

— Мы отнюдь не обезглавлены, Эрекозе, если ты надеешься именно на это! У нас есть наша королева, и она вдохновит нас на

дальнейшие сражения. Она прибыла в лагерь, чтобы завтра стать свидетельницей твоего поражения!

Итак, среди осаждающих город была Иолинда!

Я несколько мгновений подумал и крикнул в ответ:

— Передай своей госпоже, чтобы она завтра прибыла к городским стенам. На рассвете. Для кратких переговоров.

В течение всей ночи мы трудились над укреплением поврежденных ворот и установкой нового оружия. Боевые машины были установлены во всех подходящих местах, а воины-элдрены вооружились автоматами и винтовками.

«Интересно, — думал я, — получила ли Иолинда мое приглашение на переговоры? И решится ли она прийти?»

Она пришла. Она явилась в сопровождении всех оставшихся в живых военачальников, сверкающих своими дурацкими доспехами. Сейчас эти блестящие латы казались особенно нелепыми перед лицом древнего оружия элдренов.

Одну из огромных пушек мы поставили жерлом вверх на самом виду — чтобы иметь возможность продемонстрировать ее чудовищные возможности.

До нас долетел голос Иолинды:

— Здравствуйте, элдрены! Здравствуй и ты, их любимец, их игрушка в человечьем обличье! Ну что, он уже многому у вас научился?

— Здравствуй, Иолинда, — сказал я, появляясь перед ней. — Ты, кажется, начинаешь следовать примеру отца и проявлять склонность к сварливым оскорблениям. Давай лучше не тратить времени даром.

— Я уже трачу время даром, — заявила она. — Сегодня мы намерены смешать вас с землей.

— Может быть, этого и не произойдет, — сказал я. — Потому что мы предлагаем вам мир.

Иолинда во весь голос рассмеялась:

— Это ты, предатель, предлагаешь нам мир! Да ты и должен был бы молить нас об этом! Но мира ты никогда не получишь!

— Я предупреждаю тебя, Иолинда, — вскричал я в отчаянии, — я предупреждаю вас всех, воины! У нас есть совершенно новое оружие. Оружие, способное уничтожить даже саму Землю! Вот, смотрите!

И я отдал приказ выстрелить из огромной пушки.

Элдрен-артиллерист выполнил мое приказание.

В жерле пушки послышалось глухое ворчание, и почти сразу оттуда вылетел ослепительный сгусток огня. Нам, стоявшим неподалеку, жар выстрела даже слегка опалил кожу, и мы отшатнулись, прикрывая глаза.

Пронзительно заржали лошади. Лица военачальников посерели, они хватали воздух ртами. Они с трудом сдерживали своих коней. И только Иолинда прямо сидела в седле, явно храня спокойствие.

— Вот чем мы ответим вам, если вы не согласитесь на мир, — крикнул я. — У нас таких больше десятка, а есть еще и другие, но не менее мощные. Есть и обычные пушки, способные, однако, одним выстрелом поразить не менее сотни человек. Что ты скажешь теперь?

Иолинда вскинула голову и посмотрела прямо на меня.

— Мы будем биться, — сказала она.

— Иолинда, — молил я ее, — ради нашей былой любви, ради твоей собственной жизни — прекрати бессмысленное кровопролитие! Мы не причиним вам вреда. Вы сможете вернуться домой — все! И до конца своей жизни жить в мире и спокойствии. Я говорю чистую правду.

— Мир и спокойствие! — горько рассмеялась она. — Мир и спокойствие рядом с оружием такой силы!

— Ты должна верить мне, Иолинда!

— Нет, — сказала она. — Люди будут сражаться до конца. Нам покровительствуют Великие Добрые Боги, и мы непременно победим! Мы должны положить конец этому колдовству, а сегодня мы видели самый отвратительный пример этого колдовства.

— Это не колдовство. Это научное достижение. Это точно такая же пушка, как у вас, только значительно более мощная.

— Колдовство! — теперь каждый тихонько повторял это слово. Эти дураки были действительно, пожалуй, самыми настоящими варварами.

— Если мы будем продолжать сражение, — сказал я, — то только до победного конца. Элдрены предпочли бы отпустить вас после того, как мы одержим победу. Но если мы одержим победу, я бы хотел очистить планету от вашего племени — точно так же, как вы поклялись очистить ее от элдренов. Используйте же свой шанс! Заключите с элдренами мир, будьте благоразумны!

— Что ж, если это так, то мы лучше умрем от ваших колдовских штучек. Но мы умрем — сражаясь! — заявила Иолинда.

Я устал убеждать ее.

— Что ж, тогда давай с этим кончать, — сказал я.

Иолинда погнала коня прочь от города, и маршалы ее отправились готовить свои войска к новому штурму.

Я не видел, как погибла Иолинда. В тот день их погибло так много.

Они пошли на приступ, и мы их ждали. Они оказались беспомощны против нашего оружия. Сгустки чудовищного огня, вырывавшиеся из жерл пушек, сметали ряды людей с лица земли. Стреляя в них, все мы в душе страдали от невыносимой боли: гордых воинов, могучих боевых коней, целые отряды людей выстрелы из наших пушек обращали в прах.

Мы поступили именно так, как они и предсказывали. Мы уничтожили их всех до единого.

Мне было так жаль их, когда они шли и шли на приступ: то поистине были сливки Человечества.

Потребовался час, чтобы уничтожить миллион воинов.

Один час.

Когда побоище было закончено, я преисполнился странным чувством, которое и тогда не мог описать и теперь классифицировать тоже не могу. То была некая смесь скорби, облегчения и триумфа. Я оплакивал Иолинду. Она была где-то там, в этой груде дымящихся костей и почерневшей плоти, превратившаяся в кусок пушечного мяса, утратившая всю свою красоту в один миг — как и жизнь, впрочем. «Что ж, хотя бы смерть ее была мгновенной, и это уже хорошо», — подумал я.

И именно тогда я принял окончательное решение. Хотя могу ли я с уверенностью сказать, что вообще принимал его? Разве я не для этого предназначался Судьбой?

А может быть, это было тем самым тяжким преступлением, о котором я говорил ранее? Может быть, именно такое преступление и повергло меня на тот путь, который я должен был пройти теперь?

Был ли я прав?

Несмотря на то что Арджав все время противился этому, я отдал приказ вывести боевые машины за крепостные стены Лус Птокаи и,

усевшись в одну из них, повел их в бой.

И вот что я сделал дальше.

За два месяца до этого именно я возглавил завоевание городов Мернадина людьми. Теперь я отвоевывал их назад уже от имени элдренов.

Страшными были эти бои: я уничтожал людей — всех до единого, — если они там еще оставались.

Через неделю мы уже были в Панафаале, где стояли на якорях их корабли.

Я уничтожил и эти корабли, и их команды — вместе с семьями, женами и детьми. Пощады не было никому.

А потом, поскольку могучие боевые машины по большей части оказались амфибиями, я повел свои войска через море к Двум Континентам, хотя Арджав и Эрмизад за мной не последовали.

И пали их города — Нунос со своими чудными, украшенными самоцветами башнями, Таркар; дивные городки плодородных сельскохозяйственных долин — Сталако, Калодемия, Мурос, Нинадун. Были дотла сожжены Ведьма, Шилааль, Синан и многие другие. Города людей были стерты с лица Земли за несколько часов.

В Некранале, окутанной нежной дымкой столице Двух Континентов, возвышающейся на горе, было пять миллионов жителей, и все они умерли, а от самого города осталась лишь обугленная дымящаяся гора.

Но я действовал методично. Были уничтожены не только крупные города, но и деревни и даже отдельные фермы.

Я обнаружил, что кое-кто из людей пытался скрываться в пещерах. И пещеры эти были разрушены.

Я уничтожил леса, где они могли бы спастись от меня. Я стер с поверхности земли даже скалы, под которые они могли бы заползти.

Я бы, без сомнения, уничтожил каждую травинку, если б Арджав не примчался с того берега моря и не остановил меня.

Он был в ужасе от того, что я сотворил. Он умолял меня остановиться.

Я остановился.

Больше убивать было некого.

Мы вместе отправились назад, к побережью, на какое-то время задержавшись у дымящихся развалин, которые некогда назывались Некраналом.

— И ты сделал это из-за гнева одной женщины и любви другой? — воскликнул Арджав.

Я пожал плечами:

— Не знаю. Наверное, я сделал это ради того единственного варианта мира, который был возможен. Я слишком хорошо знаю людей — свою собственную расу. Эту Землю без конца сотрясали бы войны, подобные той. Мне пришлось выбирать, кто более достоин продолжать жить. Если бы они уничтожили элдренов, то, как ты и сам понимаешь, вскоре начали бы воевать друг с другом. И войны эти были бы совершенно бессмысленными. Они дрались бы из-за власти над себе подобными, из-за нескольких акров земли, из-за обладания женщиной, которая знать их не желает…

— Ты говоришь о них так, словно они еще живы, — тихо заметил Арджав. — Ты, Эрекозе, видно, до сих пор еще не осознал содеянного тобой.

— Но дело-то сделано, — вздохнул я.

— Да, — прошептал он. И сжал мою руку. — Пойдем, друг мой. Нам пора обратно, в Мернадин. Пусть вся эта мерзость останется здесь — там тебя ждет Эрмизад.

У меня даже чувств никаких не проснулось при этих словах: эмоции умерли во мне, я был пуст. И тупо последовал за Арджавом к берегу реки. Воды ее еле текли: они были завалены грудами черной сажи.

— Я думаю, что поступил правильно, — проговорил я. — То была даже не моя воля — ты ведь знаешь это — но воля кого-то свыше. Мне кажется, я именно для исполнения ее и был вызван в этот мир. Существуют такие силы, природы которых, мне кажется, мы не узнаем и не постигнем никогда. Они могут лишь являться нам во сне. Мне думается, что не Ригенос позвал меня сюда — нет, то была куда более могущественная воля. Но чья? Ригенос, как и я сам, был всего лишь марионеткой, инструментом, орудием. Нас обоих просто использовали. И судьбой была уже предрешена гибель Человечества на этой планете.

— Да, лучше, если ты будешь представлять себе это именно так, — сказал Арджав. — А теперь поехали домой.

Эпилог

Теперь шрамы страшных разрушений стали менее заметны, и хроника моя подходит к концу.

Я вернулся в Лус Птокаи, женился на Эрмизад, обрел, благодаря элдренам, знание вечного бессмертия и года два провел в размышлениях, пока разум мой не очистился.

Теперь я мыслю ясно. Я не испытываю вины за то, что совершил. Теперь я более, чем когда-либо, уверен, что это было не мое решение.

Возможно, это безумие? Возможно, я просто постарался рационально оправдать собственную вину? Если это так, то безумие мое меня не беспокоит, не разрывает мне душу, как те давние мои сны. Теперь подобные сны снятся мне очень редко.

Итак, мы живем вместе — Эрмизад, Арджав и я. Арджав, бесспорно, является правителем всей Земли. Земли, принадлежащей элдренам. А мы правим с ним вместе.

Мы очистили планету от людей. Я — последний представитель этого племени. И, будучи им, я чувствую, что мы направили развитие жизни здесь по верному пути, и теперь Земля гармонично сосуществует с остальными планетами во Вселенной. Ибо Вселенная стара, может быть, куда старше, чем я сам, и ей не под силу терпеть людей, нарушающих ее покой.

Правильно ли я поступил?

Вы должны сами судить об этом, где бы вы ни находились.

Мне же задавать подобный вопрос поздно. И теперь я научился достаточно владеть собой, чтобы больше не спрашивать себя об этом. Существует лишь один-единственный ответ, который я мог бы дать, но он, безусловно, полностью разрушил бы мой разум.

И все же одно удивляет меня. Если Время действительно имеет в какой-то степени циклический характер и та Вселенная, что мы знаем, когда-нибудь возродится снова и вступит в новый долгий период своего существования, то и Человечество когда-нибудь возродится на этой Земле, а тот народ, что принял меня в свое лоно, исчезнет или почти исчезнет.

И вы, те, кто читает эти строки, если вы ЛЮДИ, возможно, уже знаете ответ. Возможно, вам мой вопрос кажется наивным и вы смеетесь надо мной. Но у меня-то ответа нет. И я не могу себе ни одного даже вообразить.

Я не смогу быть пр *а* отцем новой человеческой расы, ибо мы с Эрмизад не можем иметь детей.

Так как же вы сумеете возродиться снова и нарушить своим присутствием гармонию Вселенной?

И буду ли я встречать ваше появление на Земле? Стану ли я снова вашим Героем или умру во время ваших сражений с элдренами?

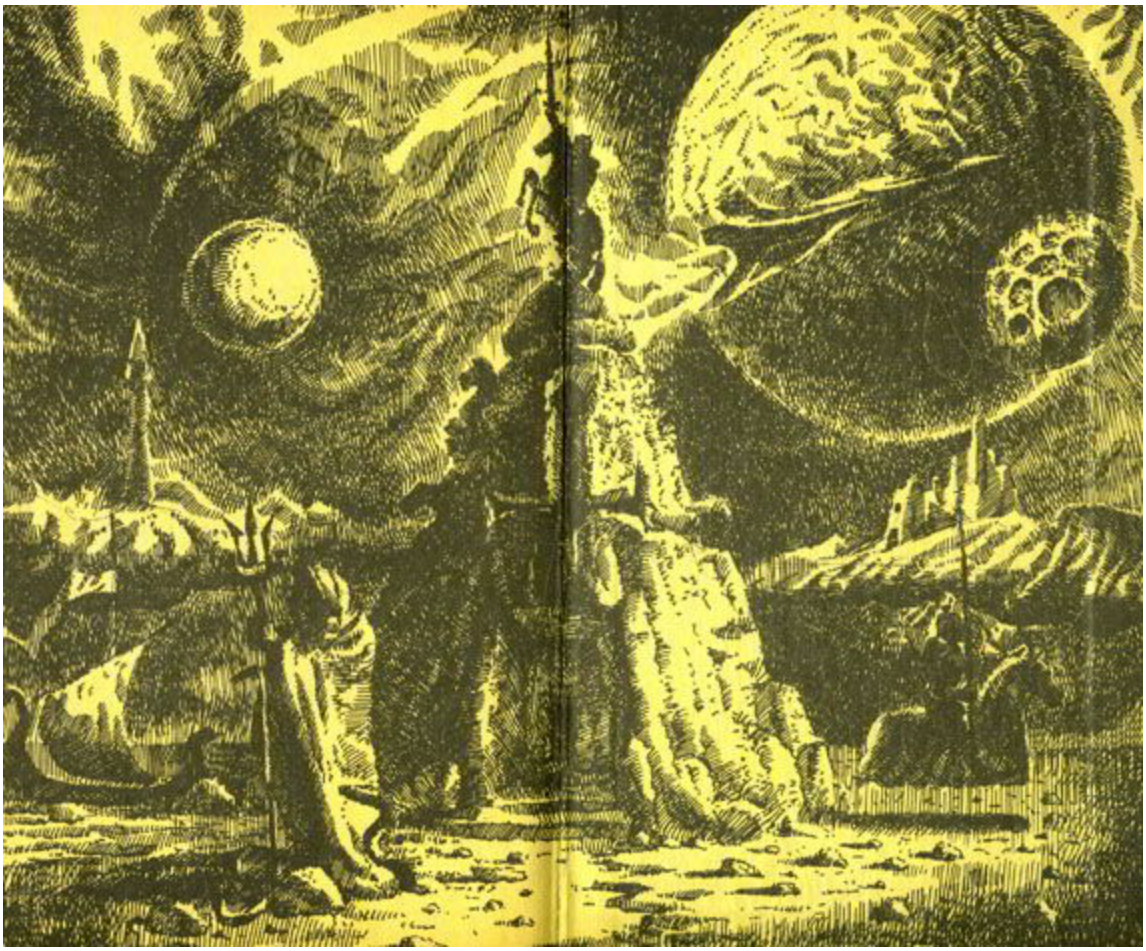
Или же я умру раньше, а потом стану вожаком человеческих племен, которые станут править на Земле? Ничего не могу сказать.

Какое имя я буду носить, когда вы в следующий раз призовете меня?

Сейчас Земля живет в мире. В воздухе разносятся лишь звуки тихих разговоров, негромкого смеха, да шуршат в зарослях мелкие зверьки. Мы и планета наша пребываем в покое.

Но как долго продлится этот покой?

О, как долго?



notes

Примечания

1

Лимб (англ.) — преисподняя, бездна.